

Владимир Парамонов
Алексей Строков
Олег Столповский

КИТАЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС В ЦЕНТРЕ ЕВРАЗИИ: НОВАЯ УГРОЗА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАНС?

Экономическое присутствие Китая
в Центральной Азии

ББК: 65.5

П-18

Авторы благодарны Господу Богу, а также всем тем, кто поддерживал их в эти годы, в первую очередь своим родителям, близким и друзьям. Авторы также благодарны Ю.В. Наумову за помощь в сборе информации и А.Д. Собянину за предоставленные материалы, которые помогли в уточнении целого ряда фактов, О.Н.Строковой за многолетнюю дружескую помощь в технической редакции публикуемых материалов.

Т е х н и ч е с к и й р е д а к т о р: Строкова О.Н.

Парамонов В.В., Строков А.В., Столповский О.А. (под общей редакцией и руководством Парамонова В.В.). Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? (Экономическое присутствие Китая в Центральной Азии). – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2010 год. – 160 с.

Книга предназначена для государственных деятелей и представителей крупного бизнеса, аналитиков и экспертов, ученых и преподавателей высших учебных заведений – в целом всех тех, кто профессионально интересуется будущим России, занимается изучением Китая и Центральной Азии, вопросами экономического развития и интеграции на постсоветском пространстве, а также российской внешней стратегии в китайском и центральноазиатском направлениях. Соответственно, работа рассчитана на читателя, ценящего свое время, а поэтому понимающего важность четкого, структурного и краткого изложения сложных вопросов, от которых во многом зависит судьба России и значительной части Евразии. Книга является результатом исследования, проведенного под руководством В.В. Парамонова в период 2007–2009 годов, построена в форме информационно-аналитического доклада.

ISBN 978-5-903387-26-7

© Коллектив авторов, 2010

Содержание

Введение	6
Глава I. Этапы экономической политики Китая в Центральной Азии	12
Основные тезисы.....	12
Первый этап (1992–1995 годы).....	16
Второй этап (1996–2001 годы).....	18
Третий этап (2001 год – настоящее время).....	22
Выводы.....	29
Глава II. Экономическое присутствие Китая в Казахстане	33
Основные тезисы.....	33
Проекты в нефтегазовой отрасли.....	40
Проекты в атомной отрасли.....	48
Проекты в электроэнергетической отрасли.....	50
Проекты в металлургической отрасли.....	52
Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи.....	53
Проекты в транспортной отрасли.....	55
Выводы.....	57
Глава III. Экономическое присутствие Китая в Кыргызстане	62
Основные тезисы.....	62
Проекты в электроэнергетической отрасли.....	68
Проекты в горнодобывающей отрасли.....	69
Проекты в угольной отрасли.....	71
Проекты в нефтегазовой отрасли.....	71
Проекты в транспортной отрасли.....	72
Проекты в отрасли производства строительных материалов.....	74
Проекты в отрасли легкой промышленности.....	76
Проекты в машиностроительной отрасли.....	76
Техническая помощь.....	77
Выводы.....	78

Глава IV. Экономическое присутствие	
Китая в Таджикистане	81
Основные тезисы	81
Проекты в электроэнергетической отрасли	86
Проекты в транспортной отрасли.....	88
Проекты в горнодобывающей и металлургической отраслях	90
Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи.....	92
Выводы.....	93
Глава V. Экономическое присутствие	
Китая в Туркменистане	97
Основные тезисы	97
Проекты в нефтегазовой отрасли.....	103
Проекты в химической отрасли	109
Проекты в отрасли производства строительных материалов	110
Проекты в транспортной отрасли.....	111
Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи.....	112
Проекты в фармацевтической отрасли	112
Проекты в отрасли легкой промышленности	113
Проекты в строительной отрасли	113
Выводы.....	114
Глава VI. Экономическое присутствие	
Китая в Узбекистане	118
Основные тезисы	118
Проекты в нефтегазовой отрасли.....	124
Проекты в электроэнергетической отрасли	129
Проекты в транспортной отрасли.....	130
Проекты в отрасли производства строительных материалов	132
Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи.....	133
Проекты в химической отрасли	135
Проекты в электротехнической отрасли	135
Проекты в аграрной отрасли	136
Выводы.....	136

Глава VII. Ключевые проблемы в сфере экономических отношений между Китаем и Центральной Азией	139
Основные тезисы	139
Проблема № 1: экономико-географическая изоляция Центральной Азии, а также ряда регионов Китая и России.....	142
Проблема № 2: сырьевая ориентация экономик России и стран Центральной Азии	145
Проблема № 3: отсутствие региональной интеграции в Центральной Азии, а также в рамках ЕврАзЭС и ШОС.....	148
Выводы.....	150
Заключение	152
Основные рекомендации.....	154

Введение

Центральная Азия¹ выделяется уникальностью своего стратегического положения в центре Евразийского континента, между Россией и Китаем, на стыке и пересечении их интересов и векторов, приоритетов устойчивого и долгосрочного развития. Образно говоря, Центральная Азия является для России окном в Азию и в целом на Восток, а для Китая – окном в Европу и в какой-то степени на Запад.

История

В экономическом плане история Центральной Азии и других внутренних пространств Евразии, таких как российские Урал и Сибирь, китайский Синьцзян – это, с одной стороны, история успехов, когда наблюдались интеграционные процессы, а с другой – это история неудач, когда указанные регионы вместе или по отдельности входили в период длительной дезинтеграции.

Во-первых, в те исторические периоды, когда Центральная Азия была экономически интегрирована вместе с Россией или Китаем в систему региональных и межрегиональных связей, имело место интенсивное развитие региона и одновременно развитие России или Китая. **Во-вторых**, в те исторические периоды, когда происходило разрушение интеграционных связей, возникали серьезные проблемы на пути развития как Центральной Азии, так и России или Китая. **В-третьих**, характерно и то, что, с точки зрения экономики, Центральная Азия никогда не была объектом масштабного и острого российско-китайского соперничества. Во многом это связано с тем, что пики экономической активности России и Китая в регионе приходились на различные исторические периоды.

¹Под «Центральной Азией» понимается пространство в центральной части Евразии, куда входят пять государств – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, образовавшиеся в результате провозглашения своей независимости и распада СССР в 1991 году. В историческом контексте здесь и далее под «странами Центральной Азии» условно подразумеваются и те государственные образования, которые находились в то время на территории современной Центральной Азии.

<p align="center">Периоды интеграции Центральной Азии в систему региональных и межрегиональных связей</p>	<p align="center">Периоды дезинтеграции Центральной Азии из системы региональных и межрегиональных связей</p>
<p align="center">Расцвет Великого шелкового пути</p> <p>В течение многих столетий (с I-го тысячелетия до нашей эры по середину II-го тысячелетия нашей эры) регион и смежные пространства были интегрированы в глобальную (на тот период времени) систему экономических связей – Великий шелковый путь. В частности, государственные образования, расположенные на территории современных Центральной Азии и китайского Синьцзяна, служили транспортным мостом между Китаем и Европой. Именно тогда Китай был главным внешним локомотивом экономического развития региона и смежных пространств, важным источником научных знаний и передовых технологий.</p>	<p align="center">Упадок Великого шелкового пути</p> <p>Развитие морских транспортных перевозок в эпоху Великих географических открытий (XVI век нашей эры) вызвало переориентацию мировой торговли с сухопутных маршрутов (основу которых составлял Великий шелковый путь) на морские. Существенная дешевизна морского транспорта привела к фактической экономико-географической изоляции Центральной Азии и других внутриконтинентальных территорий, как, например, современный китайский Синьцзян. Экономико-географическая изоляция стала ключевой детерминантой того периода развития региона и смежных пространств – периода длительной рецессии и отставания от передовых европейских наций.</p>
<p align="center">Российская империя и СССР</p> <p>Во второй половине XIX века, когда Центральная Азия вошла в состав Российской империи, экономические и иные связи региона стали замыкаться все больше на Россию. Это способствовало выходу Центральной Азии из экономико-географической изоляции, существенной интенсификации экономических и других отношений. В свою очередь, Россия приобрела жизненно важный плацдарм для своего развития. С падением Российской империи начался принципиально новый этап отношений: в период существования СССР наблюдался беспрецедентный как в истории России, так и в истории Центральной Азии экономический взлет. Вплоть до распада Советского Союза именно Россия являлась главным локомотивом экономического и научно-технического развития центральноазиатского региона.</p>	<p align="center">Дезинтеграция бывшего СССР</p> <p>В результате дезинтеграции СССР и разрыва традиционных экономических связей Россия и Центральная Азия столкнулись с существенными проблемами на пути своего развития. Если в период упадка Великого шелкового пути та же Центральная Азия была исключена лишь из системы глобальных связей (сохранив при этом связи, по крайней мере, на региональном уровне), то после распада СССР отчетливо видны признаки разрушения экономических связей даже между странами самого региона. В свою очередь Россия, оставив Центральную Азию, потеряла жизненно важное экономическое пространство, оказалась несамодостаточной в условиях глобальной экономики. Дальнейшая консервация этой ситуации порождает различные угрозы как для России и Центральной Азии, так и для соседних государств, включая Китай.</p>

В целом, периоды подъемов и спадов в развитии внутренних пространств Евразии, включающих помимо Центральной Азии значительные территории современных России и Китая, всегда находились в прямой зависимости от характера экономического сотрудничества в центре континента, где решающую роль играли Китай и/или Россия.

Современность

Создается впечатление, что в России и странах Центральной Азии эти основные уроки истории преданы полному забвению. Как представляется, это во многом и предопределяет наличие крайне сложного комплекса проблем на пути долгосрочного и устойчивого экономического развития не только России и Центральной Азии, но и Китая.

В условиях отсутствия промышленной политики и стратегии экономической интеграции на постсоветском пространстве, а также взаимовыгодного формата экономического взаимодействия с Китаем, Россия и государства Центральной Азии постепенно закрепляют за собой статус «сырьевых придатков» и «транспортных тупиков» Евразии, превращаются в объекты все большего манипулирования со стороны ведущих внешних игроков. Очевидно, что тем самым создается мощный заслон на пути дальнейшего экономического роста Китая, России и Центральной Азии.

Хотя экономическое положение в том же Китае в целом пока гораздо лучше, чем на постсоветском пространстве, тем не менее и он без поддержки России и стран Центральной Азии вряд ли сохранит устойчивость и поступательность развития. В частности, Китаю с каждым годом становится все труднее самостоятельно преодолевать растущий дисбаланс экономического развития внутриконтинентальных (западных и центральных) и приморских (восточных) провинций: чем динамичнее развивается восток Китая, тем ярче проявляется данный дисбаланс. Следовательно, Пекину приходится «изымать» все больше финансовых и иных ресурсов из приморских провинций и направлять их во внутриконтинентальные территории.

Такая серьезная проблема, как разделение страны на «богатую» (восточную / приморскую) и «бедную» (западную и центральную / внутриконтинентальную) части, до сих пор остается одним из главных тормозов социально-экономического развития Китая и источником постоянно тлеющего сепаратизма. Как представляется, дальнейшая консервация этой проблемы вряд ли позволит Китаю занять лидирующие позиции в мировой экономике и политике, эффективно отвечать на вызовы глобальной безопасности.

Будущее?

Наиболее вероятные сценарии экономического взаимодействия между Россией, Китаем и странами Центральной Азии являются достаточно пессимистичными и/или неоднозначными по своим возможным последствиям. С одной стороны, остается все меньше надежд на то, что России и государствам Центральной Азии удастся кардинально пересмотреть прежние «стратегии» своего развития.

С другой стороны, крайне трудно прогнозировать к чему приведет дальнейший рост китайского экономического присутствия в Центральной Азии и России. Учитывая значительные масштабы китайской экономики и динамичное развитие практически всех отраслей промышленности, Китай потенциально мог бы выступить локомотивом экономического (в том числе инновационно-промышленного) развития Центральной Азии и России, которые при этом достаточно успешно вписались бы в формируемую Пекином схему евразийского сухопутного транзита.

Однако гораздо реалистичнее все же выглядит сценарий того, что Россия и страны Центральной Азии сами не захотят и не позволят этого, а Китай в итоге выберет еще более эгоистичную стратегию отношений: постарается максимально эффективно использовать российско-центральноазиатскую сырьевую базу для своего экономического подъема и решения многочисленных внутренних проблем.

Очевидно, что в этих условиях главные внутренние проблемы России и стран Центральной Азии, их экономико-географическая

изоляция и сырьевая ориентация экономик только обострятся. Ведь если Пекин будет проводить более эгоистичную политику, то он прагматично должен быть заинтересован в сохранении максимально широких возможностей по добыче и транспортировке в китайском направлении сырьевых ресурсов внутренней Евразии, нежели в «открытии доступа к ним для всего мира».

В свою очередь, стремление России и стран Центральной Азии сбалансировать (например, за счет других глобальных игроков) растущее экономическое влияние Китая только еще больше разорвет их на секторы и сферы внешнего влияния, постепенно сузив и так уже ограниченный простор для дальнейшего маневрирования между мировыми центрами силы.

В целом, похоже, что Россия и страны Центральной Азии медленно, но уверенно приближаются к своему полному экономическому банкротству. Это представляет все большую опасность и для самого Китая. В случае экономического краха России и центральноазиатских государств Китай рискует получить обширное нестабильное пространство на своих северных и западных границах. Когда же Китай лишится своего стратегического тыла и одновременно исторически естественных союзников в лице России и стран Центральной Азии, то ему останется только лишь надеяться на «добрую волю» других глобальных игроков, заинтересованных в контроле над процессами в Евразии.

Устраивает ли такое «будущее» Россию, Китай и страны Центральной Азии?

* * *

Как представляется, пока еще не совсем поздно, пока обозначенные выше тенденции не приняли необратимого характера, России, Китаю и странам Центральной Азии целесообразно все же попытаться вспомнить о главных уроках общей истории и о ключевой роли внутренних пространств Евразии в плане обеспечения своего устойчивого развития.

В Пекине понимание этого в какой-то степени уже присутствует, о чем свидетельствует реализация государственной программы

по освоению китайских внутриконтинентальных (западных и центральных) территорий, а в этой связи – динамично развивающийся процесс экономического проникновения в Центральную Азию. Однако, к чему ведет этот процесс? И что, в частности, этот процесс несет самой России, для которой центральноазиатский регион является зоной жизненно важных интересов, а экономическая интеграция с Центральной Азией – одним из принципиальных условий подъема национальной экономики?²

Рассмотрим это, сохранив надежду на то, что в Москве и столицах стран Центральной Азии: Астане, Ашгабате, Бишкеке, Душанбе и Ташкенте – в итоге, все же появится и окрепнет желание приступить к масштабному и совместному с Китаем экономическому освоению внутренней Евразии, а значит, перейти от слов к делу в решении жизненно важных вопросов, стоящих на повестке дня собственного экономического развития, благополучия и процветания.

²Хотя совершенно очевидно, что все это пока не осознается.

Глава I. Этапы экономической политики Китая в Центральной Азии

Основные тезисы

- Экономическая политика Китайской Народной Республики в отношении Центральной Азии, являясь составной частью общей стратегии Пекина по превращению Китая в один из центров мировой экономики, постепенно эволюционирует в сторону повышения значения региона для китайской экономики.
- В начале 90-х годов Китай фактически не предпринимал сколько-нибудь существенных попыток по экономическому проникновению в Центральную Азию. В свою очередь, центральноазиатские страны также не рассматривали Китай в качестве приоритетного экономического партнера, связывая свои надежды с Западом, Россией, а также некоторыми финансово-состоятельными и близкими по культуре государствами исламского мира.
- Однако, уже к середине - концу 90-х годов экономический интерес Китая к Центральной Азии обозначился более четко, что во многом было обусловлено реализацией в Китайской Народной Республике государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике указанный интерес выразился в начале проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и значительном увеличении масштабов присутствия китайских производителей на потребительских рынках центральноазиатских государств. В свою очередь, сами страны региона стали рассматривать Китай в качестве нового и важного для себя партнера, с помощью которого можно было ре-

шить насущные экономические проблемы, особенно в плане насыщения своих рынков товарами широкого потребления, ранее поставлявшихся из России и ряда других республик бывшего СССР.

- В начале первого десятилетия XXI века значимость Центральной Азии для Китая кардинально возросла, что было продиктовано причинами уже не столько экономического, сколько военно-стратегического характера, поскольку после событий 11 сентября 2001 года регион утратил статус периферийного и оказался в центре мировой политики. В этой связи Пекин фактически перешел к тактике «мягкой экспансии» в Центральной Азии. Это выразилось в динамичном росте масштабов проектно-инвестиционного присутствия Китая и китайских компаний уже во всех странах региона, что оказало к тому же мощное стимулирующее воздействие и на китайско-центральноазиатскую торговлю. В свою очередь, государства Центральной Азии стали рассматривать Китай уже не только в качестве торгового партнера, но и все более в качестве стратегического инвестора/кредитора своих экономик.
- В то же время определено и то, что современная экономическая политика Китая ориентирована преимущественно на вывоз из региона сырьевых ресурсов (углеводородного и минерального сырья) и продвижение на рынки стран Центральной Азии китайских товаров и услуг. Это ведет к постепенному отмиранию перерабатывающей промышленности центральноазиатских стран, закреплению за ними статуса «сырьевых придатков», вызреванию в регионе зон кризиса, что может иметь крайне негативные последствия как для государств Центральной Азии и, соответственно, России, так и для самого Китая.

На протяжении многих веков между Китаем и Центральной Азией (ЦА) шел интенсивный процесс экономического взаимодействия.

В период расцвета Великого шелкового пути (вплоть до середины II-го тысячелетия нашей эры) государственные образования, расположенные на территории региона, служили транспортным мостом между Китаем и Европой. Они имели статус хорошо развитых торговых, финансовых и производственных центров. При этом Китай долгое время оставался для этих территорий локомотивом торговли, важнейшим источником научных знаний и передовых технологий.

Во второй половине XIX века ЦА вошла в состав Российской империи и ее экономические связи с Китаем начали ослабевать. Так как в советское время Центральная Азия являлась составной частью СССР, то ее самостоятельные отношения с Китаем были фактически свернуты. Поэтому развитие прямых экономических связей стало возможным только лишь после распада Советского Союза.

При рассмотрении центральноазиатского вектора экономической политики Китайской Народной Республики (КНР) в постсоветский период условно выделяются три основных этапа:

- первый этап – период 1992–1995 годов;
- второй этап – период 1996–2001 годов;
- третий этап – период с 2001 года по настоящее время.

Первый этап охватывает период начала 90-х годов XX века, характеризуется установлением торговых контактов и крайне осторожным поведением КНР в ЦА. В то время центральноазиатское направление оставалось малозаметным во внешней стратегии Китая. Это было связано с неопределенностью долгосрочных интересов КНР в регионе и ограниченными возможностями Китая (экономическими, политико-дипломатическими и иными) по проникновению в Центральную Азию. К тому же Пекин по инерции продолжал рассматривать ЦА как зону жизненно важных интересов Москвы и в этой связи опасался навредить получившему тогда развитие процессу нормализации китайско-российских отношений. Поэтому Китай сосредоточился преимущественно на интенсификации дипломатических контактов со странами ре-

гиона, урегулировании совместно с Россией пограничных вопросов, снижении уровня военного присутствия в приграничных районах и в целом на проблемах безопасности. Собственно же экономическое проникновение в регион тогда не стояло на повестке дня как внешней, так и внутренней политики Пекина: те же торговые контакты КНР со странами ЦА зарождались и развивались во многом стихийно, а «львиная доля» китайско-центральноазиатской торговли приходилась на т.н. челночную торговлю.

Второй этап охватывает период середины–конца 90-х годов XX века вплоть до образования Шанхайской организации сотрудничества (июнь 2001 года). Данный этап характеризуется первыми целенаправленными и практически значимыми шагами Китая по экономическому проникновению в регион, который со своими сырьевыми ресурсами и достаточно емким рынком сбыта (с населением примерно в 55 млн. человек) стал все больше рассматриваться в Пекине в контексте реализации программы по ускоренному развитию своих внутриконтинентальных территорий, в первую очередь Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). К этому времени более четко обозначились и основные долгосрочные интересы Китая в Центральной Азии. Кроме сотрудничества со странами региона по вопросам границы, военной безопасности и общих угроз (международный терроризм, сепаратизм, исламский радикализм, наркотрафик), интересы КНР стали фокусироваться на обеспечении доступа к центральноазиатским углеводородным ресурсам (тогда это касалось, прежде всего, казахстанской нефти) и продвижении китайских товаров на рынки стран ЦА.

Третий этап, условно начавшийся вскоре после событий 11 сентября 2001 года, продолжается в настоящее время. Данный этап характеризуется кардинальным повышением значимости ЦА во внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии КНР и, соответственно, существенной активизацией Китая на центральноазиатском направлении. Для Пекина становится важным не допустить развития ситуации в Центральной Азии в невыгодном для себя плане, гарантировать мак-

симально беспрепятственный доступ к богатым сырьевым (не только нефтегазовым) ресурсам региона, а потенциально – и его транзитным возможностям.

Мировой финансово-экономический кризис скорее всего не внесет существенных корректив в стратегию КНР по экономическому проникновению в ЦА. Ключевыми приоритетами для Китая останутся вопросы освоения углеводородных и других сырьевых месторождений, формирования соответствующей транспортной инфраструктуры по обеспечению поставок в китайском направлении промышленного сырья. Эти приоритеты крайне важны для экономики, политики и безопасности КНР. Здесь Пекин явно не будет руководствоваться кратковременными конъюнктурными соображениями, а постарается максимально обеспечить свои долгосрочные интересы.

Первый этап (1992–1995 годы)

В начале 90-х годов у Китая не было четкого представления о своих долгосрочных интересах в Центральной Азии. Распад СССР во многом стал неожиданностью для КНР. Соответственно, Пекин не был готов к проведению какой-либо концептуально осмысленной политики в регионе, который являлся для Китая своего рода «terra incognita». В условиях неопределенности развития ситуации в самой ЦА, а также наличия целого ряда проблемных моментов, доставшихся в наследство от периода советско-китайских отношений, экономическое проникновение не являлось тогда для КНР приоритетной задачей. Тем более руководство Китая по инерции продолжало рассматривать центрально-азиатский регион как сферу особых интересов России. К тому же в условиях крайне сложной международной обстановки вокруг самого Китая³ Пекин прагматично опасался внести искусственные трудности в набирающий обороты процесс нормализации китайско-российских от-

³На рубеже 80-х/90-х годов прошлого века имело место заметное охлаждение отношений между Китаем и Западом, жестко отреагировавшим на решительное подавление тогдашним китайским руководством попытки «демократической революции» в КНР в 1989 году (события на площади Тяньаньмэнь).

ношений. Очевидно и то, что у КНР тогда объективно не было возможностей для форсированного развития экономических связей с ЦА.

Причем и сами государства Центральной Азии в то время не рассматривали Китай как перспективного экономического партнера. В начале 90-х годов основные надежды центральноазиатских республик по налаживанию внешнеэкономических отношений были связаны в основном с Россией, промышленно развитыми странами Запада, а также с некоторыми близкими по культуре и финансово-состоятельными государствами исламского мира. К тому же у стран региона сохранялась настороженность по отношению к КНР, что было во многом следствием антикитайской пропаганды, имевшей место в СССР в 60-х и 70-х годах XX века, когда Китай рассматривался в Советском Союзе в качестве вероятного противника.

В итоге, в начале 90-х годов Пекин в своей центральноазиатской политике в целом придерживался «стратегии выжидания». При этом Китай сосредоточился преимущественно на решении первоочередных вопросов, стоящих на повестке дня: установлении и расширении дипломатических контактов, урегулировании совместно с Россией погранично-территориальных проблем, снижении уровня военного присутствия в приграничных районах и выработке согласованных подходов к болезненной для КНР проблеме уйгурского сепаратизма.

Экономическое же присутствие Китая в регионе ограничивалось исключительно торговлей, которая носила в основном стихийный характер – т.н. челночная торговля, а ее масштабы были невелики. В период 1992–1995 годов товарооборот Китая с центральноазиатскими странами оставался в пределах 360–512 млн. долларов в год (таблица 1). Причем торговля в то время была замкнута преимущественно на приграничные с СУАР Казахстан и Кыргызстан, а уже из этих стран китайские товары реэкспортировались в другие государства, главным образом в Узбекистан и Россию.

Таблица 1. Торговля Китая со странами Центральной Азии (период 1992–1995 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Центральную Азию, млн. долларов США	Поставки в Китай из Центральной Азии, млн. долларов США
1992	422	276	146
1993	512	244	268
1994	360	235	125
1995	486	285	201

Источник: Азиатский банк развития, 2002 год (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002) со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии.

Примечание. Данные в этой таблице являются неточными: объемы торговли приводятся без учета китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов по причине отсутствия соответствующей информации за вышеуказанные годы. Однако все это не меняет общей картины китайско-центральноазиатской торговли, так как объемы китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов в указанные годы были крайне незначительны – исчислялись максимум миллионами долларов США.

В целом, в начале 90-х годов развитие экономических отношений особо не выделялось на повестке дня политики КНР в ЦА и рассматривалось Пекином скорее в качестве некой дополнительной (пока четко не обозначившейся) возможности по стимулированию развития экономики СУАР, нежели какого-либо приоритета для Синьцзян-Уйгурского автономного района, а тем более всего Китая.

Второй этап (1996–2001 годы)

Во второй половине 90-х годов Китай заметно активизировался на центральноазиатском направлении. Помимо глобальных и долгосрочных соображений⁴, повышение значимости ЦА для КНР было продик-

⁴К середине 90-х годов Пекин был вынужден кардинально пересмотреть многие принципиальные вопросы своей внешней политики. В значительной степени это было обусловлено обострением в 1995–1996 годах ситуации вокруг Тайваня, последовавшим вслед за этим очередным витком китайско-американского позиционного противостояния и финансовым кризисом 1997–1998 годов в Юго-Восточной Азии. Как представляется, эти события отчетливо продемонстрировали

товано растущей обеспокоенностью Пекином комплексом вопросов безопасности, а также заинтересованностью в ускоренном экономическом развитии своих внутриконтинентальных территорий, в первую очередь СУАР. Именно к середине 90-х годов с особой силой проявилось экономическое отставание центральных и западных провинций Китая от восточных, что стало одним из главных факторов ухудшения социально-экономической ситуации на «национальных окраинах» КНР.

Центральная Азия, где к тому времени было подтверждено наличие значительных запасов нефти и газа, а также обладающая другими сырьевыми ресурсами и растущим рынком сбыта, стала все больше рассматриваться Пекином в контексте реализации стратегии «Большого освоения Запада» (и как составной части данного пространства – СУАР). Используя географическую близость ЦА, Пекин рассчитывал задействовать ресурсно-сырьевой потенциал региона для развития промышленности в Синьцзяне, а также продвинуть через СУАР на центральноазиатские рынки китайскую продукцию, стимулируя тем самым экономический рост своих внутриконтинентальных территорий.

Поэтому, наряду с интенсификацией взаимодействия с государствами Центральной Азии по вопросам безопасности и в институциональной сфере («Шанхайская пятерка»)⁵, значительный импульс был дан и развитию экономических отношений. Это нашло отражение в увеличении как проектно-инвестиционной активности КНР в ЦА (главным образом, в нефтегазовой отрасли), так и масштабов торговли (включая т.н. челночную).

китайскому руководству тот факт, что в отсутствии более активной и наступательной внешней политики Китай не достигнет прорыва в своем комплексном экономическом развитии, будет оставаться крайне уязвимым в эпоху глобализации и в условиях формирования под эгидой США однополярной модели международных отношений.

⁵ «Шанхайская пятерка» – межгосударственное объединение, сформированное в 1996 году участниками переговорного процесса в рамках рабочей группы «4+1» (Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан + Китай), которая в свою очередь была создана в октябре 1992 года для урегулирования пограничных споров и сокращения военной силы в приграничных районах.

С одной стороны, учитывая растущие потребности экономики Китая в сырьевых ресурсах и задачу диверсификации доступа к углеводородам, для Пекина стало крайне важным четко сформулировать и обозначить свой энергетический интерес к региону. Тем более, что на вторую половину 90-х годов пришелся бум активности нефтегазовых компаний целого ряда стран мира на шельфе Каспийского моря. Исходя из этого, Китай приступил к реализации по сути своего первого крупного проекта в Центральной Азии, а конкретно – в нефтегазовой отрасли Казахстана: проекта по освоению углеводородных месторождений в Актюбинской области (западная часть Казахстана). Уже в 1997 году Китайская национальная нефтегазовая корпорация приобрела за 325 млн. долларов 66,7% акций казахстанского ОАО «Актобемунгаз», обязуясь инвестировать в течение 20 лет не менее 4 млрд. долларов.

С другой стороны, рост экономической значимости ЦА для КНР во второй половине 90-х годов определялся и возрастающим интересом к потребительским рынкам стран региона. К тому времени сами центральноазиатские государства стали проявлять повышенный интерес к увеличению объемов импорта китайской продукции, в основном товаров широкого потребления, а также машиностроения. Это было связано с тем, что вследствие разрыва традиционных экономических связей на постсоветском пространстве практически прекратились поставки в регион данного вида продукции из России и ряда других бывших советских республик. Появился острый спрос на аналогичные товары из Китая, что соответственно обусловило увеличение объемов производства и сбыта продукции китайскими промышленными предприятиями. Причем СУАР стал играть роль торговой площадки, так как именно на Синьцзян тогда стало замыкаться около 60–70% китайско-центральноазиатской торговли.

Благодаря взаимной заинтересованности КНР и стран ЦА в развитии торговых связей, масштабы торговли во второй половине 90-х годов значительно возросли. Так за период 1996–2000 годов товарооборот Китая с государствами региона уже находился в пределах 580–1050 млн. долларов, что примерно в 2 раза превышало соответствующие показатели первой половины 90-х годов (таблица 2).

Таблица 2. Торговля Китая со странами Центральной Азии (период 1996–2000 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Центральную Азию, млн. долларов США	Поставки в Китай из Центральной Азии, млн. долларов США
1996	674*	357*	317*
1997	699*	365*	334*
1998	588	390	198
1999	733	350	383
2000	1041	611	430

Источник: Азиатский банк развития, 2002 год (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002) со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии.

Примечание. Данные, отмеченные (*), являются неточными: объемы торговли в 1996 и 1997 годах приводятся без учета китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов по причине отсутствия соответствующей информации. Однако все это не меняет общей картины китайско-центральноазиатской торговли, так как объемы китайско-туркменского и китайско-таджикского товарооборотов в указанные годы были все еще крайне незначительны.

Причем структура торговли стран региона с Китаем стала все более отчетливо складываться по формуле «сырье в обмен на готовую продукцию». Экспорт государств ЦА в КНР включал энергоносители, химическое сырье, текстильное сырье (хлопковое волокно, шелк-сырец, кожевенное сырье), черные и цветные металлы (даже металлический лом) и т.п. В свою очередь, экспорт из Китая в Центральную Азию состоял в основном из товаров широкого потребления, которые в значительной степени насыщали потребительские рынки ряда государств региона, в первую очередь Казахстана и Кыргызстана. Кроме того, с середины 90-х годов Пекин стал все более настойчиво продвигать транспортно-коммуникационные проекты в ЦА, в частности, по формированию сети автодорожных магистралей и строительству железнодорожной линии «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Все эти проекты должны были сыграть не последнюю роль в экономическом развитии СУАР и КНР в целом.

В итоге, рассматриваемый этап стал знаковым, так как в экономическом плане Пекин отказался от «стратегии выжидания» в пользу стратегии «постепенного проникновения» в регион. В отличие от начала 90-х годов Китай уже более четко определился и в своих приоритетах в Центральной Азии: выстраивании устойчивой системы безопасности по всему периметру китайско-центральноазиатской границы и формировании благоприятных условий для экономической деятельности китайских компаний.

Третий этап (2001 год – настоящее время)

В начале XXI века Китай стал еще более решительно, активно и наступательно проводить курс на проникновение в Центральную Азию, рассматривая регион уже в контексте всего комплекса усилий на глобальном уровне. Столь важный перелом в центральноазиатской стратегии КНР во многом был обусловлен изменением международной обстановки после событий 11 сентября 2001 года, в результате чего произошла трансформация ранее периферийного статуса ЦА в стратегический. На фоне активизации внешней политики США в Центральной Азии и предпринятой Вашингтоном попытки по политическому, военному и экономическому реформированию региона и смежных пространств в рамках антитеррористической операции в Афганистане, руководство КНР пересмотрело роль и место ЦА в системе своих внешних и внутренних приоритетов.

Поэтому, если ранее экономическая составляющая отношений была второстепенной в рамках центральноазиатской стратегии Пекина по сравнению с сегментом безопасности и политико-дипломатическими вопросами, то в первом десятилетии наступившего века Китай определил экономическое проникновение в регион в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. При решении этой задачи Китай сделал ставку на кардинальное укрепление своих позиций в экономиках стран Центральной Азии за счет интенсификации там своей проектно-инвестиционной деятельности и кредитования наиболее значимых проектов. В частности, Пекин начал активно использовать политику

предоставления государствам ЦА целевых кредитов на льготных условиях⁶ для осуществления тех или иных проектов. Кредитованием стран региона в основном занимается Экспортно-импортный банк КНР (ЭКСИМ-банк), а сами кредиты осваиваются главным образом китайскими же компаниями.

Ключевым направлением проектно-инвестиционной активности Китая и китайских компаний в Центральной Азии стало освоение углеводородных ресурсов, где главными объектами являются нефтегазовые отрасли Казахстана и Туркменистана. Так с 2003 года Китай резко активизировал свою деятельность в Казахстане. Среди многочисленных проектов особо выделяются следующие: приобретение ряда крупных активов в самой нефтегазовой отрасли, строительство и эксплуатация казахстанско-китайского нефтепровода «Атасу – Алашанькоу» пропускной способностью 10 млн. тонн в год⁷, а также предоставление инвестиций и кредитов в ряде других отраслей казахстанской экономики.

Начиная с 2006 года аналогичную активность Китай стал проявлять и в Туркменистане, где особо выделяются два следующих проекта: освоение газового месторождения «Багтиярлык» (правобережье реки Амударьи) на условиях соглашения о разделе продукции и строительство газопровода «Туркменистан – Китай», пропускной способностью 30 млрд. кубических метров в год.

И хотя нефтегазовое направление пока остается основным для Китая, тем не менее начало процесса диверсификации экономической активности КНР в странах ЦА по отраслям экономик также имеет место. В частности, помимо нефтегазовой отрасли, объектами китайского интереса в регионе становятся атомная энергетика (Казахстан), гидроэнергетика, транспорт, телекоммуникации, строительство, цветная металлургия, а также химическая и легкая промышленность. В результате экономическое проникновение Китая в Центральную Азию, помимо Казахстана и Туркменистана, все более фокусируется на Таджикистане и Кыргызстане (не обладающими промышленными запасами углево-

⁶Под низкую процентную ставку и с длительной отсрочкой возврата.

⁷В перспективе его пропускную способность планируется увеличить до 20 млн. тонн нефти в год.

дородов), а также на Узбекистане (не являющимся региональным лидером по экспорту нефти и газа, хотя и обладающим их промышленными запасами).

Согласно проведенным расчетам, объемы китайских финансовых ресурсов, включая инвестиции, кредиты и приобретенные активы, в Центральной Азии уже достигли⁸ не менее 17–18 млрд. долларов.

· **В Казахстане** объемы китайских инвестиций и кредитов оцениваются не менее чем в 9,5 млрд. долларов, из которых 8,9 млрд. долларов – инвестиции⁹ и около 550 млн. долларов – кредиты¹⁰. В 2009–2010 годах объемы китайских кредитов могут возрасти еще на 10 млрд. долларов¹¹. Помимо этого, Китаем приобретено активов на общую сумму не менее 6,2 млрд. долларов¹².

· **В Кыргызстане** китайские кредиты и инвестиции составляют не менее 160-170 млн. долларов, из которых около 120 млн. долларов – это кредиты¹³ и примерно 40-50 млн. долларов –

⁸По состоянию на начало 2009 года.

⁹Включая около 2,55 млрд. на освоение нефтяных месторождений Актюбинской области, 4,3 млрд. на освоение Кумкольской группы нефтяных месторождений, 0,939 млрд. на приобретение 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз», 0,8 млрд. на строительство нефтепровода «Атасу – Алашанькоу», 0,12 млрд. на строительство газопровода в Актюбинской области и 0,2 млрд. на развитие системы беспроводной связи.

¹⁰Включая 293 млн. на строительство электролизного завода, 200 млн. на телекоммуникационный проект и 60 млн. на приобретение китайской транспортной техники.

¹¹Договоренность об этом была достигнута в апреле 2009 года в ходе визита президента Казахстана в Китай.

¹²Преимущественно в нефтегазовой отрасли. При этом, согласно официальной информации, в 2006 году около 1 млрд. долларов из общего объема данных активов якобы были выкуплены обратно «КазМунайГазом». Однако, в реальности, данные активы, скорее всего были просто уступлены китайской стороной в обмен на возможность продолжения работы в Казахстане.

¹³Включая 70 млн. долларов на строительство Кызыл-Кийского цементного завода, 22,1 млн. долларов на строительство целлюлозно-бумажной фабрики в г. Токмак, 22 млн. долларов на поставку крупной партии автобусов китайского

инвестиции¹⁴. Помимо этого, китайский бизнес приобрел активов на сумму не менее чем в 10 млн. долларов¹⁵.

· **В Таджикистане** объемы китайских кредитов и инвестиций достигают примерно 640 млн. долларов. Причем «львиная доля» этих финансовых ресурсов представлена в виде кредитов, общая сумма которых составляет немногим более 600 млн. долларов¹⁶. Однако собственно прямые инвестиции Китая в экономику Таджикистана невелики, от 36 млн. долларов¹⁷ до 50 млн. долларов¹⁸. Кроме того, китайскими компаниями приобретено активов на сумму не менее 80 млн. долларов¹⁹.

· **В Туркменистане** китайские кредиты и инвестиции в национальную экономику оцениваются в размере не менее 1,1 млрд. долла-

производства, а также от 2 до 4 млн. долларов на поставку мусороуборочной техники и мелкой партии автобусов.

¹⁴Включая 7,5 млн. долларов на реконструкцию автомагистрали «Иркештам – Ош», от 8 до 12 млн. долларов в СП по сборке тракторов в г. Кара-Балта, от 4 до 8 млн. долларов в СП по добыче угля в Ошской области, 1,1 млн. долларов на приобретение активов АО «Баткеннефтегаз», а также 13,5 млн. долларов – серию грантов на поставку китайской сельскохозяйственной техники, модернизацию сельскохозяйственной инфраструктуры, строительство школ, больниц и грант 7,4 млн. долларов на организацию саммита ШОС в г. Бишкеке (2007 год).

¹⁵Имеются в виду активы на разработку месторождения полиметаллических руд «Куру-Тегерек».

¹⁶Включая 267 млн. долларов на строительство высоковольтной ЛЭП «Юг – Север», 55 млн. долларов на строительство высоковольтной ЛЭП «Лолазор – Халтон» и 282 млн. долларов на реконструкцию автомобильной трассы «Душанбе – Ходжент – Чанак», включая прокладку туннеля «Шахристан».

¹⁷Включая 30 млн. долларов правительственного гранта на строительство туннеля «Шар-Шар» и 6 млн. долларов инвестиций в проект по разработке золотоносного месторождения в Пенджикентском районе.

¹⁸*Н. Касенова.* Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Кыргызстану. / Французский институт международных отношений, Центр Россия/ННГ. – Париж, январь 2009 года. – С.19.

¹⁹Включая 55 млн. долларов на приобретение у британской фирмы Avocet Mining Plc. 75% акций таджикско-британского СП «Зеравшан», а также 26,6 млн. долларов на приобретение 100% акций частной компании ООО «Вавилон-Т».

ров, включая около 700 млн. долларов кредитов²⁰ и примерно 450 млн. долларов инвестиций²¹. Причем часть финансовых ресурсов (около 200 млн. долларов или примерно 1,5 млрд. юаней) представлена в национальной валюте Китая. Кроме того, в июне 2009 года между Китаем и Туркменистаном подписан пакет соглашений, согласно которому Пекин предоставит Ашгабату дополнительный целевой кредит в размере 3 млрд. долларов на освоение крупнейшего в стране газового месторождения «Южный Иолотань»²².

· **В Узбекистане** объемы китайских финансовых ресурсов составляют не менее 365 млн. долларов, включая 170 млн. долларов кредитов²³ и 195 млн. долларов инвестиций²⁴.

²⁰Включая 132,8 млн. долларов на поставку китайского нефтегазового оборудования, 300 млн. долларов на строительство завода по производству карбамида в г. Мары и реконструкцию производственного объединения «Марыазот», 68 млн. долларов на строительство стекольного комбината, 174,5 млн. долларов на поставку китайской транспортной техники, 29,4 млн. долларов на поставку китайского телекоммуникационного оборудования, 2,4 млн. долларов на строительство шелкомотальной фабрики.

²¹Включая 354 млн. долларов на освоение газоносной территории «Багтиярлык», 88 млн. долларов на строительство туркменского участка газопровода «Туркменистан – Китай», 2,2 млн. долларов в фармацевтическую отрасль, 1,8 млн. долларов – грант на строительство фабрики по производству грены шелкопряда.

²²С которого уже в конце 2009 года планировалось начать поставки газа в Китай.

²³Включая 46,4 млн. долларов на проекты в электроэнергетической отрасли, 28 млн. долларов – в телекоммуникационной отрасли, 29,2 млн. долларов на строительство содового завода в Каракалпакстане, 5,5 млн. долларов на модернизацию завода бытовых холодильников в г. Самарканде, 58,5 млн. долларов на закупку в КНР гидромелиоративной техники.

²⁴Включая 48 млн. долларов в уставной капитал СП UzCNPC Petroleum, 83 млн. долларов на геологоразведку ряда нефтяных и газоконденсатных месторождений на плато Устюрт и в Бухарско-Хивинском регионе, 13,7 млн. долларов на подготовку к освоению месторождений углеводородов в районе бассейна Аральского моря, примерно 35 млн. долларов на строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», 15 млн. долларов на модернизацию цементного производства в республике.

Столь кардинальная интенсификация проектно-инвестиционной деятельности КНР и китайских компаний в странах ЦА, в свою очередь, оказала мощное стимулирующее воздействие и на динамику китайско-центральноазиатской торговли. Так за период 2001–2008 годов товарооборот между Китаем и Центральной Азией вырос примерно в 13,6 раз, составив порядка 20,2 млрд. долларов (таблица 3).

Таблица 3. Торговля Китая со странами Центральной Азии (период 2001–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Центральную Азию, млн. долларов США	Поставки в Китай из Центральной Азии, млн. долларов США
2001	1478*	856*	622*
2002	2798*	1569*	1229*
2003	3305 (4100)	1911	1394
2004	4337 (5848)	2545	1792
2005	6630 (10294)	3982	2648
2006	10796 (13350)	6338	4458
2007	16038 (20576)	9571	6467
2008	20170 (27845)	11553	8617

Источники: данные за период 2000–2001 годов – Азиатский банк развития, 2002 год (Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002) со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии; данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы стран Центральной Азии (Kazakhstan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Kyrgyzstan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Tajikistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Turkmenistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009; Uzbekistan: Country Report. London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009); данные в скобках за период 2003–2008 годов – Министерство коммерции Китайской Народной Республики.

Примечание. Данные, отмеченные (*), приводятся без учета китайско-таджикского товарооборота по причине отсутствия соответствующей информации. Однако, все это не меняет общей картины китайско-центральноазиатской торговли, так как китайско-таджикский товарооборот был все еще незначительным. Как видно из

таблицы, данные Министерства коммерции КНР относительно китайско-центральноазиатского товарооборота заметно превышают суммарные статистические данные стран ЦА. Это связано с тем, что статистические органы Китая в большей степени, чем статистические органы стран региона, учитывают объемы т.н. челночной торговли.

Помимо активной проектно-инвестиционной и кредитной политики, осуществляемой в целом в рамках торговой стратегии и национального плана промышленного развития, Пекин проявляет наступательность и в формировании новых механизмов и площадок межгосударственного экономического (преимущественно торгового) взаимодействия в многостороннем формате. В последние годы Китай стал еще более настойчиво выступать за развитие экономической (в основном торгово-экономической) составляющей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)²⁵. С 2005 года в рамках Организации сформированы и начали функционировать Деловой совет и Межбанковское объединение. Основная задача этих двух подструктур, в которых доминирует Китай, – координировать усилия государственных, финансовых и предпринимательских кругов для последующей разработки и внедрения проектов в различных сферах экономики (на деле же – в основном посредством стимулирования торговли).

Кроме того, Пекин продолжает выдвигать предложения по дальнейшему развитию торгового сотрудничества в рамках ШОС:

²⁵Шанхайская организация сотрудничества – международная организация, объединяющая в своем составе Россию, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. ШОС сформирована на базе соглашений об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы, заключенных в 1996 и 1997 годах между Казахстаном, Кыргызстаном, Китаем, Россией и Таджикистаном (т.н. «Шанхайская пятерка»). Декларация о создании ШОС подписана на встрече глав шести государств в г. Шанхае (Китай) 15 июня 2001 года. С декабря 2004 года ШОС имеет статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. В 2004 и 2005 годах статус наблюдателей в Шанхайской организации сотрудничества получили Монголия, Индия, Пакистан и Иран. В июне 2009 года в ходе саммита ШОС в г. Екатеринбурге было принято решение предоставить не применявшийся ранее в практике Организации статус «Партнера по диалогу» двум странам: Шри Ланке и Белоруссии.

формированию зоны свободной торговли и созданию соответствующей региональной транспортной инфраструктуры. Как представляется, именно с точки зрения расширения торговли Китай активно поддерживает вступление стран-членов ШОС во Всемирную торговую организацию (ВТО). Практическая реализация данных предложений, как оправданно считают в Пекине, будет способствовать росту взаимной торговли товарами и услугами, сокращению и постепенному устранению нетарифных барьеров.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса Китай, похоже, не собирается ослабевать своих усилий по дальнейшему экономическому проникновению в Центральную Азию. Более того, Пекин намерен активно использовать то обстоятельство, что в условиях кризиса потребность стран региона во внешнем финансировании возросла. Так на саммите ШОС в г. Екатеринбурге (Россия) в июне 2009 года Китай объявил о готовности предоставить государствам Центральной Азии (членам Организации) 10 млрд. долларов в виде дополнительной кредитной поддержки.

Выводы

На протяжении всего периода времени, прошедшего после распада СССР, экономическая политика КНР в отношении ЦА эволюционировала в направлении поступательного возрастания роли и места региона в системе внутренних и внешних приоритетов Китая.

Во-первых, до конца 90-х годов XX века Центральная Азия не являлась важным направлением в политике Китая, а усилия Пекина были сосредоточены в основном на выстраивании архитектуры китайско-центральноазиатских отношений и решении комплекса вопросов обеспечения собственной безопасности. Китайское же экономическое проникновение было достаточно осторожным и ограничивалось преимущественно развитием торговли (которая имела незначительные масштабы), а также попытками закрепиться в нефтегазовых отраслях стран региона.

Во-вторых, после 2001 года, по мере трансформации периферийного статуса Центральной Азии в стратегический, на первый план для Китая выходит именно экономическая составляющая политики. По сути, тем самым руководство КНР определило экономику в качестве стержневого элемента своей стратегии в ЦА. Одним из важных индикаторов этого может служить масштабное увеличение китайских финансовых ресурсов, направляемых в регион. Если в конце 90-х годов эти ресурсы составляли менее 1 млрд. долларов и были представлены исключительно в нефтегазовой отрасли Казахстана, то за первые 8 лет XXI века их объем увеличился более чем в 17 раз, а сама китайская финансовая активность стала затрагивать, хотя все еще и не равномерно, но уже все без исключения страны Центральной Азии.

В-третьих, на современном этапе экономическая политика КНР в ЦА жестко подчинена общей стратегии Пекина по обеспечению максимально благоприятных внешних условий для достижения системного прорыва в плане модернизации, дальнейшего устойчивого роста экономики и последующего превращения страны в один из глобальных экономических центров силы. Пытаясь приблизиться к решению этих сложных задач Китай решил более активно задействовать и центральноазиатский вектор своей политики, сделав выбор в пользу кардинального укрепления позиций в национальных экономиках стран Центральной Азии за счет интенсификации там проектно-инвестиционной деятельности и кредитования наиболее значимых экономических проектов.

В итоге, не будет преувеличением сказать, что Пекин нацелен на постепенное вовлечение региона в орбиту своего геоэкономического влияния. Следует особо отметить, что КНР проводит данную стратегическую линию «осторожно и тихо», ни в малейшей степени не афишируя своих политических/геополитических амбиций в ЦА.

При этом экономическое проникновение Китая в Центральную Азию направлено прежде всего на освоение и импорт минерально-сырьевых (в том числе энергетических) ресурсов, всемерное стимулирование экспорта китайских товаров и услуг. Одним из свидетельств

этого является тот факт, что, например, торговые отношения Китая с центральноазиатскими странами уже прочно сложились в формате «готовая продукция в обмен на сырье», а растущие масштабы экономического присутствия Китая в Центральной Азии объективно способствуют лишь закреплению за странами региона сырьевого статуса.

Подобный характер экономического присутствия КНР в ЦА во многом определяется как объективными, так и субъективными причинами, главная из которых – отсутствие в регионе единого экономического пространства (в первую очередь промышленного, а также транспортного и таможенного) и даже признаков экономической интеграции. Ярко выраженная фрагментация центральноазиатского экономического пространства, дробление в прошлом единой промышленной и транспортной инфраструктуры региона на национальные сегменты в значительной степени препятствует реализации долгосрочных форм экономического сотрудничества с Китаем. В особенности это касается вопросов глубокой переработки промышленного сырья.

Складывающийся формат экономических отношений крайне нежелателен как с точки зрения долгосрочных интересов КНР, так и тем более государств ЦА. Ориентация китайской экономической деятельности преимущественно на добычу и вывоз в Китай промышленного сырья будет способствовать лишь ресурсному истощению стран региона и отмиранию перерабатывающих отраслей промышленности. Это, в свою очередь, будет вести к вызреванию в Центральной Азии зон социально-экономического кризиса, что значительно увеличит риск дестабилизации региона. В этом случае Пекин рискует получить огромное дестабилизированное пространство возле своих западных границ и как минимум утратить уже приобретенные в странах Центральной Азии позиции.

Развитие ситуации по данному сценарию, безусловно, окажет негативное воздействие на социально-экономическую ситуацию в Синьцзяне, который развивается во многом за счет Центральной Азии. Более того, может рухнуть вся система безопасности, которую Китай так тщательно выстраивал после распада СССР, а в СУАР кардинально

обострятся такие проблемы, как этнический сепаратизм и исламский радикализм. Причем, мировой финансово-экономический кризис способен стать лишь катализатором этих проблем. Не исключено, что очередной «предупредительный звонок», выразившийся в масштабных межэтнических волнениях в Синьцзяне в июле 2009 года, уже прозвучал.

Как представляется, для того, чтобы экономическое проникновение Китая в Центральную Азию в равной степени отвечало бы долгосрочным интересам КНР и стран ЦА, Пекину целесообразно сделать основной акцент на выстраивании механизмов многопланового и полноценного экономического сотрудничества в рамках ШОС. В этих целях крайне желательно принципиальное изменение характера экономической деятельности КНР и китайских компаний в регионе и, в частности, запуск под эгидой ШОС крупных инновационно-промышленных проектов. Это, в свою очередь, позволит активизировать процесс экономической реинтеграции в Центральной Азии и на постсоветском пространстве в целом, положить начало формированию ШОС как реального экономического блока и региональной структуры, призванной обеспечить комплексную безопасность и стабильность в ЦА и вокруг нее.

Глава II. Экономическое присутствие Китая в Казахстане

Основные тезисы

- С момента установления дипломатических отношений Казахстан рассматривается Китаем в качестве основного объекта экономического интереса в Центральной Азии. Однако, в первой половине 90-х годов экономическое присутствие Китая в Казахстане ограничивалось исключительно торговой сферой. В период 1992–1995 годов объемы китайского экспорта находились в пределах 130–250 млн. долларов в год, а общий товарооборот – 210–450 млн. долларов.
- Во второй половине 90-х годов процесс экономического проникновения Китая в Казахстан заметно интенсифицировался. С одной стороны, это выразилось в расширении присутствия китайских производителей на казахстанском потребительском рынке и увеличении объемов торговли: в период 1996–2000 годов объемы китайских поставок находились уже в пределах 250–460 млн. долларов в год, а двусторонний товарооборот – 490–825 млн. долларов. С другой стороны, важным стимулом повышения интереса Китая к Казахстану явился рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах, в первую очередь в нефти. Это, в свою очередь, обусловило начало проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в республике. Ведущие нефтегазовые корпорации из Китая стали приобретать активы в нефтегазовой отрасли Казахстана и принимать участие в освоении углеводородных месторождений на западе страны.
- С началом первого десятилетия XXI века экономическое проникновение Китая в Казахстан еще более ускорилося,

а проектно-инвестиционная деятельность китайских компаний, помимо нефтегазовой отрасли, стала затрагивать и целый ряд других, преимущественно сырьевых отраслей казахстанской экономики. При этом, рассматривая Казахстан как основного торгово-экономического партнера в Центральной Азии, Китай начал проводить и более активную кредитную политику, финансируя на льготных условиях те или иные проекты, в которых основная часть кредитов осваивается именно китайскими компаниями. По состоянию на начало 2009 года общий объем финансовых ресурсов, так или иначе вложенных Китаем в казахстанскую экономику, оценивается не менее чем в 15,6 млрд. долларов, включая примерно 8,9 млрд. долларов инвестиций, 0,55 млрд. долларов кредитов и 6,2 млрд. долларов – приобретенных активов.

- Как представляется, в условиях мирового финансово-экономического кризиса активность Китая в Казахстане будет возрастать прежде всего в сырьевых отраслях, главным образом топливно-энергетического комплекса (добыча углеводородов и урана). Вне сырьевых отраслей ТЭКа китайское экономическое присутствие скорее всего будет оставаться малозаметным: инновационные и промышленные отрасли казахстанской экономики были не привлекательны для Китая даже в условиях благоприятной глобальной конъюнктуры и поэтому вряд ли будут привлекательны в период кризиса.
- После же прохождения активной фазы экономического кризиса, китайское проникновение в экономику Казахстана скорее всего только интенсифицируется. Помимо отраслей ТЭКа, возможен также и на порядок больший интерес Китая к некоторым другим секторам, в первую очередь связанным с добычей и транспортировкой в китайском направлении сырьевых ресурсов. Наиболее вероятно, что в будущем рост интереса Пекина к сотрудничеству с Астаной будет связан

прежде всего с разработкой казахстанских месторождений руд черных и цветных металлов, производством строительных материалов, созданием новых электрогенерирующих мощностей и формированием соответствующей транспортной инфраструктуры.

- В целом складывающийся формат «сотрудничества» пока ведет лишь к закреплению за республикой роли «сырьевого придатка» китайской экономики, слабо способствуя развитию именно инновационных и перерабатывающих отраслей казахстанской промышленности. В результате характер экономического присутствия Китая в Казахстане представляется очень неоднозначным с точки зрения именно долгосрочных интересов Казахстана. С одной стороны, китайские финансы пока помогают казахстанской экономике «держаться на плаву» (особенно в период мирового кризиса). С другой же стороны, Казахстан рискует постепенно попасть в крайне жесткую зависимость от Китая, в том числе финансовую, в значительной степени утратив контроль над своими сырьевыми ресурсами и стратегическими производствами.

Дипломатические отношения между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан (РК) были установлены 3 января 1992 года. В первой половине 90-х годов экономическое присутствие Китая в Казахстане затрагивало исключительно торговую сферу. В период 1992–1995 годов объемы поставок китайских товаров находились в пределах 130–250 млн. долларов в год, а двусторонний товарооборот – 210–450 млн. долларов. Причем торговля носила в основном стихийный, неконтролируемый характер. Китайские поставки, включавшие главным образом товары широкого потребления, осуществлялись через созданные в 1992 году на границе Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР с РК шесть пограничных переходов: Хоргос, Достык (Дружба) – Алашанькоу, Бахты, Джеминау, Алексеевка – Акчюп, Долаты.

Импорт китайских товаров широкого потребления играл и продолжает играть ключевую роль в насыщении потребительского рынка Казахстана. Первоначально это было связано с тем, что вследствие распада СССР перерабатывающие отрасли промышленности РК и других постсоветских стран, традиционных торговых партнеров республики, практически прекратили функционировать. В основном именно по этой причине китайская продукция, в том числе даже низкого качества, стала пользоваться широким спросом на казахстанском рынке. Кроме того, Казахстан начал получать дополнительную прибыль от реэкспорта китайских товаров в соседние страны, в первую очередь Узбекистан и Россию.

Во второй половине 90-х годов процесс экономического проникновения КНР в РК заметно интенсифицировался. Это выразилось в расширении присутствия китайских производителей на потребительском рынке Казахстана. Так в период 1996–2000 годов объемы китайских поставок находились уже в пределах 250–460 млн. долларов в год, а двусторонний товарооборот – 490–825 млн. долларов. Помимо этого, возросли масштабы проектно-инвестиционной деятельности компаний из Китая. Важным стимулом повышения интереса КНР к РК явился рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах, в первую очередь в нефти. Ведущие нефтегазовые корпорации из Китая стали приобретать активы в нефтегазовой отрасли Казахстана и принимать участие в освоении углеводородных месторождений на западе страны.

В начале же XXI века глубина экономического проникновения КНР в РК обозначилась еще более отчетливо. Это выразилось и в значительном увеличении китайского торгового присутствия на казахстанском рынке. В период 2001–2008 годов поставки товаров из Китая возросли в 11,3 раза – с 0,74 до примерно 8,4 млрд. долларов, а общий товарооборот – с 1,25 до порядка 16 млрд. долларов (таблица 4).

В частности, в 2008 году объемы торговли выросли примерно на 29% по сравнению с предыдущим годом и составили 15,9 млрд. долларов, около 14,5% казахстанского и 0,6% китайского товарооборота. Объемы казахстанских поставок в Китай достигли 7,6 млрд. долларов (10,6% экспорта Казахстана, 0,7% импорта Китая), а китайских поставок в Казахстан – порядка 8,3 млрд. долларов (21,7% импорта Казахстана, 0,58% экспорта Китая).

Таблица 4. Торговля Китая с Казахстаном (период 1992–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Казахстан, млн. долларов США	Поставки в Китай из Казахстана, млн. долларов США
1992	373	245	128
1993	428	189	239
1994	219	130	89
1995	392	195	197
1996	495	266	229
1997	489	247	242
1998	432	250	182
1999	556	283	273
2000	825	455	370
2001	1253	742	511
2002	2478	1493	985
2003	2856 (3330)	1546	1310
2004	3693 (4498)	2060	1633
2005	5246 (7243)	2980	2266
2006	8784 (10800)	5130	3654
2007	12385 (15226)	7005	5380
2008	15964 (18500)	8362	7602

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009); данные в скобках за период 2003–2008 годов – Министерство коммерции Китайской Народной Республики.

Однако, структура самой торговли свидетельствует о ярко выраженной экспортно-сырьевой ориентации РК. Так, например, в 2007 году свыше 93% поставок в КНР пришлось на сырьевые ресурсы (энергоносители – около 80%, черные и цветные металлы – примерно 13,5%). В свою очередь, ассортимент товаров, поставляемых из Китая, включал продукцию машиностроения и металлообработки (около 59%), продовольствие (порядка 34%) и другие товары (таблица 5).

Таблица 5. Товарная структура торговли Китая с Казахстаном (2007 год)

Наименование	Поставки из Китая в Казахстан		Поставки в Китай из Казахстана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Химическая продукция	-	-	231	4,3
Черные и цветные металлы	-	-	726	13,5
Энергоносители	-	-	4293	79,8
Машины и оборудование	4147	59,2	-	-
Продовольствие и прочие товары широкого потребления	2360	33,7	-	-
Прочее	498	7,1	130	2,4
Всего	7005	100	5380	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Казахстана (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2008).

Расхождения в статистике и т.н. челночная торговля. Официальная статистика Казахстана, как правило, мало учитывает объемы т.н. челночной торговли. Данное обстоятельство во многом определяет расхождения в показателях статистических органов РК и КНР относительно реальных объемов товарооборота. По китайским данным, за период 2003–2008 годов объемы двустороннего товарооборота в среднем на 18% превышали объемы торговли, приведенные казахстанской статистикой. Согласно же информации Таможенного комитета РК, китайско-казахстанская челночная торговля может достигать около 2–3,5 млрд. долларов²⁶.

²⁶ О.Г.Мирутina. Перспективы сотрудничества Китая и Казахстана и его значение для России. / Сайт социально-гуманитарного и политологического образования Российской Федерации, 29 мая 2003 года, <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/19819>

Одновременно с ростом присутствия Китая на потребительском рынке Казахстана существенно интенсифицировалась и проектно-инвестиционная деятельность китайских компаний. Главным объектом интереса КНР остается нефтегазовая отрасль РК, а характерной особенностью проникновения туда китайских компаний по-прежнему является приобретение зарубежных (в основном западных) активов. Дело в том, что к 2001 году основные нефтегазовые месторождения Казахстана были уже практически поделены между западными и российскими энергетическими компаниями. Начиная же с 2003 года, многие западные компании (в основном британские, канадские и американские) стали продавать свои активы, чем воспользовался прежде всего Китай. Кроме того, у Пекина и китайского бизнеса появился интерес и к другим сырьевым отраслям казахстанской экономики.

В итоге, после 2003 года экономическое проникновение КНР в РК развивается только по нарастающей. При этом Китай проводит все более активную кредитную политику, финансируя на льготных условиях те или иные проекты, в которых основная часть кредитов осваивается китайскими же компаниями.

По состоянию на начало 2009 года, количество китайско-казахстанских совместных предприятий составляет более 480 (действуют в основном в сфере приграничной торговли и нефтегазовой отрасли), а китайские инвестиции и кредиты в Казахстане оцениваются в объеме не менее чем 9,4 млрд. долларов, из которых 8,9 млрд. долларов – инвестиции и порядка 553 млн. долларов – кредиты. При этом в 2009–2010 годах объемы китайских кредитов могут возрасти еще на 10 млрд. долларов, включая 5 млрд. для «КазМунайГаза», о чем была достигнута договоренность в апреле 2009 года в ходе визита президента РК в КНР²⁷. Помимо этого, Китай приобрел в Казахстане активов (преимущественно в нефтегазовой отрасли) на сумму не менее 6,2 млрд. долларов.

²⁷Выделение первого транша в размере 1,5 млрд. долларов было запланировано на конец 2009 года.

Проекты в нефтегазовой отрасли

Освоение нефтяных месторождений «Жанажол», «Кенкияк (надсолевой)» и «Кенкияк (подсолевой)» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Месторождения были открыты еще в советское время, являются средними по объемам запасов: их запасы оцениваются соответственно в 121, 25 и 28 млн. тонн нефти²⁸.

Месторождения осваиваются Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (Chinese National Petroleum Corporation, КННК / CNPC). Оператором проекта является акционерное общество «КННК-Актобемунайгаз». За период 1997–2007 годов КННК инвестировала в освоение данных месторождений порядка 2,55 млрд. долларов²⁹. В 2008 году на месторождениях добыто 6 млн. тонн нефти. Корпоративными планами на 2009 год был предусмотрен объем добычи на уровне 6,25 млн. тонн³⁰.

Освоение нефтяных месторождений «Сазан-Курак» и группы нефтяных месторождений Адайского блока (Атырауская область, западная часть Казахстана). Запасы месторождения «Сазан-Курак» оцениваются в 26 млн. тонн, а запасы месторождений Адайского блока – в 200–350 млн. тонн нефти.

Первоначально эти месторождения осваивала американская компания First International Oil Company (FIOC). Причем по месторождениям Адайского блока FIOC владела 50% акций в партнерстве с российской нефтяной компанией «Роснефть». В 2004 году китайская компания «Синопек» (Sinopet) выкупила за 160 млн. долларов активы FIOC в Казахстане³¹. Суммарный объем добычи нефти на данных месторождениях составляет порядка 200 тыс. тонн в год³².

²⁸Нефтяная отрасль Республики Казахстан. / Нефть и газ Казахстана–2007: специальный выпуск. Журнал «Нефтегазовая вертикаль» (Россия), №17, октябрь 2007 года. – С.71–72.

²⁹Там же.

³⁰Источник: компания «КННК–Актобемунайгаз», <http://www.cnpc-amg.kz/index.php?p=about>

³¹Китайская компания Sinopet приобрела нефтяные активы в Казахстане. / Электронная версия журнала «Слияния и поглощения» (Россия), 21 октября 2004 года, <http://www.ma-journal.ru/news/1847/>

³²По состоянию на 2007 год.

Освоение Кумкольской группы нефтяных месторождений (Кызылординская и Карагандинская области, центральная часть Казахстана). Суммарные запасы нефти данных месторождений составляют примерно 92 млн. тонн нефти³³.

Первоначально месторождения осваивала компания PetroKazakhstan Inc., дочерняя структура канадской компании Hurricane Hydrocarbon Ltd. В 2005 году КННК приобрела у Hurricane Hydrocarbon Ltd. за 4,18 млрд. долларов 100% акций компании PetroKazakhstan Inc. с обязательством инвестировать 43 млрд. долларов в освоение данной группы месторождений в течение 20 лет³⁴. В свою очередь, согласно официальной информации, в 2006 году «КазМунай-Газ» выкупил у КННК 33% акций PetroKazakhstan Inc. за 1 млрд. долларов³⁵ (скорее же всего эти акции КННК просто переуступила в обмен на некие преференции). В течение 2006–2008 годов инвестиции КННК в освоение данной группы месторождений оцениваются не менее чем в 4,3 млрд. долларов. Ежегодно PetroKazakhstan Inc. добывает около 3,75 млн. тонн нефти³⁶. Всего же за период 1996–2009 годов на Кумкольской группе месторождений было добыто не менее 46 млн. тонн нефти.

Освоение нефтяного месторождения «Каржанбас» (Мангистауская область, западная часть Казахстана). Запасы месторождения оцениваются примерно в 55 млн. тонн нефти.

Первоначально месторождение осваивалось ОАО «Каржанбасмунай», дочерней структурой канадской компании Nations Energy Co. Ltd. В 2006 году Китайская государственная инвестиционная корпорация

³³По состоянию на конец 2007 года. На начало же 2005 года запасы оценивались в 72 млн. тонн. В ходе геологоразведочных работ, проведенных в течение 2005–2007 годов, данная оценка была пересмотрена в сторону увеличения примерно на 20 млн. тонн.

³⁴Новый владелец PetroKazakhstan. / Нефтяные ведомости, Корпоративное издание «ЛУКОЙЛ Оверсиз Лтд.», № 25 (67), 9 ноября 2005 года.

³⁵Нефтяная отрасль Республики Казахстан. / Нефть и газ Казахстана–2007: специальный выпуск. Журнал «Нефтегазовая вертикаль» (Россия), №17, октябрь 2007 года. – С.73–74.

³⁶По состоянию на 2007 год.

CITIC GROUP выкупила 94,62% акций ОАО «Каржанбасмунай» за 1,9 млрд. долларов. В среднем на месторождении «Каржанбас» добывается немногим более 2 млн. тонн нефти ежегодно³⁷, а всего за период 1996–2009 годов – добыто около 21–22 млн. тонн³⁸.

Планы по подготовке к геологоразведке и последующему освоению нефтегазового месторождения «Дархан» (северная часть казахстанского участка шельфа Каспийского моря). Прогнозные запасы месторождения оцениваются в пределах 0,4–1,4 млрд. тонн нефти.

Еще в 2005 году КННК подписала с НК «КазМунайГаз» меморандум о геологоразведке и разработке данного месторождения³⁹. Позднее «КазМунайГаз» подал заявку в Кабинет министров РК на проведение прямых переговоров для получения права недропользования на «Дархане» на условиях соглашения о разделе продукции (СРП). В октябре 2008 года состоялась встреча глав правительств двух стран, которые заявили о намерении ускорить подписание соглашения по месторождению «Дархан». Однако сроки реализации проекта и характер китайского участия в нем пока представляются неясными, так как новый налоговый кодекс Казахстана, который вступил в силу с 1 января 2009 года, не предусматривает больше такой формы контракта, как СРП.

Приобретение 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». В 2009 году Китайский государственный инвестиционный фонд СИС приобрел за 0,939 млрд. долларов 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз». Эта дочерняя структура «КазмунайГаза» является крупнейшей нефтедобывающей компанией Казахстана, а на ее долю приходится около 17% добываемой в РК нефти⁴⁰.

³⁷По состоянию на 2007 год.

³⁸Нефтяная отрасль Республики Казахстан. / Нефть и газ Казахстана–2007: специальный выпуск. Журнал «Нефтегазовая вертикаль» (Россия), №17, октябрь 2007 года. – С.73–74.

³⁹Морские проекты. / Нефть и газ Казахстана–2007: специальный выпуск. Журнал «Нефтегазовая вертикаль» (Россия), №17, октябрь 2007 года. – С. 92.

⁴⁰Например, в 2008 году она добыла около 12,3 млн. тонн (примерно 17,3% от общих объемов нефтедобычи в РК). Источник: Китай выкупил долю в нефтяной

Планы по приобретению 48% акций частной нефтяной компании ОАО «Мангистаумунайгаз». На данную компанию приходится порядка 8–10% добываемой в Казахстане нефти⁴¹, а в ее собственности находятся 36 нефтегазовых месторождений на территории Мангистаумской области (западная часть Казахстана) с суммарным запасом нефти около 180 млн. тонн, 58% акций Павлодарского нефтеперерабатывающего завода и крупная сеть автозаправочных станций.

С 1998 года владельцем ОАО «Мангистаумунайгаз» была компания Central Asia Petroleum Ltd. (Индонезия). В январе 2009 года индонезийская компания и НК «КазМунайГаз» подписали договор о приобретении «КазМунайГазом» 50% + 2 голосующие акции «Мангистаумунайгаза». В свою очередь, китайская КННК претендует на остальные 48% акций ОАО «Мангистаумунайгаз»⁴². После визита в Китай в апреле 2009 года президента Казахстана факт того, что именно КННК приобретет 48% акций «Мангистаумунайгаз» стал очевиден: в рамках заключенного договора о предоставлении Казахстану китайского кредита в размере 10 млрд. долларов, 5 млрд. долларов из объема данных средств выделяется непосредственно для «КазМунайГаза»⁴³.

Строительство и эксплуатация нефтепровода «Атасу – Алашанькоу». Нефтепровод введен в промышленную эксплуатацию в 2006 году. Его строительство стоимостью около 806 млн. долларов полностью профинансировано КННК. Протяженность нефтепровода составляет 962 километра, а проектная пропускная способность – до 10 млн. тонн в год. К 2011 году пропускную способность нефтепро-

компании Казахстана почти за миллиард долларов. / Информационное агентство «Фергана.Ру» (Россия), 1 октября 2009 года.

⁴¹По итогам 2007 года около 5,7 млн. тонн или порядка 9% от общего объема добычи в стране.

⁴²Китайская нефтяная компания CNPC может приобрести еще один актив в Казахстане – «Мангистаумунайгаз». / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 24 января 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1232877900>

⁴³Казахстан получил от Китая кредит на \$10 млрд, но их может хватить только на полгода. / Информационно-аналитический сайт «Время Востока» (Кыргызстан), 20 апреля 2009 года, <http://www.easttime.ru/news/1/3/1299.html>

вода планируется увеличить до 20 млн. тонн, а еще через несколько лет – до 50 млн. тонн.

Оператором проекта является китайско-казахстанская компания ТОО «Казахстано-китайский трубопровод». Учредителями данной компании на паритетных началах выступают АО «Казтрансойл» и Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC)⁴⁴. В 2007 году по «Атасу – Алашанькоу» было прокачено около 5 млн. тонн нефти⁴⁵. В 2008 году, когда по нефтепроводу, помимо казахстанской, стала поступать и российская нефть с западносибирских месторождений⁴⁶, общий объем прокаченного углеводородного сырья составил 6,35 млн. тонн нефти, что на 10,8% больше объемов предыдущего года⁴⁷.

Строительство и эксплуатация газопровода «Жанажол – КС-13» (Актюбинская область, северо-западная часть Казахстана). Газопровод введен в эксплуатацию в 2005 году. Строительство осуществляла компания АО «КННК-Актобемунайгаз», которая в настоящее время является оператором по управлению данным газопроводом. Протяженность «Жанажол – КС-13» составляет около 150 километров, а пропускная способность – 5,2 млрд. кубических метров газа в год⁴⁸. Трубопровод соединил газоконденсатное месторождение «Жанажол» в Актюбинской области и компрессорную станцию № 13 на магистраль-

⁴⁴Транспортировка нефти. / Нефть и газ Казахстана-2007: специальный выпуск. Журнал «Нефтегазовая вертикаль» (Россия), №17, октябрь 2007 года. – С. 101.

⁴⁵Энергетическая сторона китайского чуда. / Информационное агентство «РОС-БАЛТ» (Россия), 2 февраля 2008 года, <http://www.rosbalt.ru/2008/02/02/452447.html>

⁴⁶Поступает в Казахстан по нефтепроводу «Омск – Павлодар – Атасу».

⁴⁷*Т. Каукенова.* Влияние кризиса на политику КНР в энергетическом секторе Казахстана. / Информационно-аналитический сайт «Время Востока» (Кыргызстан), 5 мая 2009 года, <http://www.easttime.ru/analitic/1/3/627.html>

⁴⁸Китайские инвестиции в нефтегазовую отрасль. / Сайт Межрегионального центра делового сотрудничества (Россия), 21 апреля 2008 года, http://www.mcds.ru/default.asp?Mode=Review&ID_L0=4&ID_L1=45&ID_L2=491&ID_L3=1540&ID=&ID_Review=114929

ной ветке «Бухара – Урал»⁴⁹. Объем китайских инвестиций по данному проекту составил примерно 120 млн. долларов.

Строительство и эксплуатация казахстанского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». Данный участок общей протяженностью около 1300 километров является составной частью магистрального трубопровода «Туркменистан – Китай». Он представляет собой систему из двух параллельных трубопроводов с планируемым объемом прокачки до 30 млрд. кубических метров газа в год⁵⁰. Принципиальная договоренность о реализации проекта была достигнута еще в 2006 году, а само строительство началось летом 2008 года⁵¹. Предполагается, что китайские инвестиции по проекту составят порядка 600 млн. долларов⁵².

⁴⁹Газопровод «Бухара – Урал» предназначен для поставок узбекского газа с месторождения «Газли» (Бухарская область Узбекистана) в промышленные центры южно-уральского региона России. Газопровод был введен в строй в 1965 году, состоит из 2 ниток. Первая нитка проходит от месторождения «Газли» по территории Узбекистана и Казахстана до г. Челябинска (Россия). Другая нитка проходит параллельно первой также до г. Челябинска и затем следует далее до г. Екатеринбурга (Россия). Проектная мощность «Бухара – Урал» составляла 19 млрд. кубических метров в год. Однако из-за физического износа пропускная способность газопровода на большей его протяженности не превышает 7 млрд. кубических метров газа в год.

⁵⁰Энергетическая сторона китайского чуда. / Информационное агентство «РОСБАЛТ» (Россия), 2 февраля 2008 года, <http://www.rosbalt.ru/2008/02/02/452447.html>

⁵¹В июле 2008 года в Алматинской области (юго-восточная часть Казахстана) в присутствии заместителя начальника Госкомитета КНР по делам развития и реформ Чжан Гобао и министра энергетики и минеральных ресурсов РК С. Мынбаева состоялась официальная церемония, посвященная началу строительства казахстанского участка газопровода (закладка первого звена и сварка первого шва). Завершение строительства было запланировано на конец 2009 года.

⁵²Данные расчетные. Известно, что китайские инвестиции в строительство узбекского участка данного газопровода составят 244,35 млн. долларов. Предполагается, что стоимость 1 километра участка газопровода по территориям Узбекистана и Казахстана примерно одинакова. Протяженность узбекского участка составляет около 525 километров, а казахстанского – 1300 километров.

Планы по строительству газопровода «Бейнеу – Бозой – Акбулак – Шымкент». В апреле 2009 года в г. Пекине в ходе визита президента Казахстана в Китай, представители «КазМунайГаза» и КННК подписали меморандум о сотрудничестве в топливно-энергетической сфере. В его рамках КННК планирует выделить 5 млрд. долларов (из 10 млрд. долларов общего кредита со стороны КНР). Около 3,6 млрд. долларов из данной суммы будут направлены на финансирование совместного строительства газопровода «Бейнеу – Бозой – Акбулак – Шымкент»⁵³. Целью данного китайско-казахстанского проекта является обеспечение газом южных областей Казахстана, что позволит кардинально снизить их зависимость от поставок газа из соседнего Узбекистана⁵⁴.

Планы по строительству нефтеперерабатывающего завода на приграничной с КНР территории РК. Первоначально речь шла о строительстве НПЗ в Китае, однако в апреле 2009 года Казахстан выступил с предложением запустить данное производство на своей территории. Планируется, что производственные мощности завода будут в значительной степени обеспечивать казахстанский рынок, а часть продукции также будет поставляться в Китай⁵⁵.

* * *

Таким образом, реализуемые Китаем или с китайской финансовой поддержкой проекты в нефтегазовой отрасли Казахстана указывают на очевидную заинтересованность Пекина, в первую очередь, в освоении и разработке нефтяных месторождений. Расчеты показывают, что если в 2007 году китайским компаниям принадлежало порядка 10,65 млн.

⁵³Остальные 1,4 млрд. долларов предназначены для приобретения 48% акций «Мангистаумунайгаз».

⁵⁴Д. Кусаинов. Великий поход. Казахстан укрепляет сотрудничество с Китаем. / Информационный сайт «Литер» (Казахстан), 18 апреля 2009 года, <http://www.liter.kz/site.php?lan=russian&id=167&pub=13886>

⁵⁵Китай построит в Казахстане нефтеперерабатывающий завод. / Информационный сервер «Алтай трансграничный» Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай» (Россия), 17 апреля 2009 года, <http://www.altaiinter.info/news/?id=21652>

тонн добытого в Казахстане «черного золота» или примерно 16,8% общего объема нефтедобычи в РК, то по результатам 2008 года – уже около 13 млн. тонн, или около 18,6% от общего объема добычи нефти⁵⁶.

После приобретения в 2009 году Китайским государственным инвестиционным фондом СИС 11% акций государственной нефтяной компании «Разведка Добыча – КазМунайГаз» Китай стал контролировать не менее 25% казахстанской нефтедобычи. Как представляется, после покупки КННК 48% акций ОАО «Мангистаумунайгаз», что скорее всего является лишь вопросом времени, КНР будет принадлежать уже около 29–30% добываемой в РК нефти.

Кроме того, в последние годы китайские структуры проявляют повышенный интерес к рынку нефтепродуктов Казахстана. Однако трудно прогнозировать возможные масштабы присутствия здесь Китая, поскольку рынок является весьма привлекательным для многих других стран и компаний. Поэтому китайские структуры скорее всего столкнутся с достаточно жесткой конкуренцией, в первую очередь, с российскими⁵⁷ и казахстанскими⁵⁸ компаниями.

Что же касается газового «сегмента», то Китай на современном этапе интересуют больше казахстанские возможности по транзиту «голубого топлива», нежели его непосредственная добыча. В то же время с вводом в строй магистрального газопровода «Туркменистан – Китай», нельзя исключать роста заинтересованности китайской стороны и в разработке газовых месторождений на территории Казахстана.

⁵⁶Т. Каукенова. Там же.

⁵⁷Так компания ОАО «Газпром нефть» (дочерняя структура «Газпрома») уже арендовала в Казахстане 11 нефтебаз и намерена развивать в республике сеть автозаправочных станций. Для этого в Казахстане во второй половине 2007 года было создано предприятие ООО «Газпром нефть – Казахстан». Уже в 2008 году в Казахстан в среднем стало поступать около 25–30 тыс. тонн нефтепродуктов ежемесячно.

⁵⁸Казахстан, в отличие, например, от Кыргызстана и Таджикистана, располагает и ресурсной базой, и определенными инвестиционными возможностями. В частности, к 2010 году только «КазМунайГаз» планировал увеличить сеть АЗС в Казахстане более чем в 2 раза, доведя свою долю на рынке нефтепродуктов до 16%.

Проекты в атомной отрасли

С началом первого десятилетия XXI века Китай стал проявлять растущий интерес к атомной отрасли Казахстана. Еще в 2004 году Китайская национальная ядерная корпорация⁵⁹ подписала с НК «Казатомпром» контракт по добыче урана сроком до 2020 года. Данный контракт сопровождался договором о стратегической кооперации между Китаем и Казахстаном в области атомной энергетики. Уже в 2007 году между КНР и РК были достигнуты соглашения и о совместном производстве ядерного топлива.

Планы по производству и поставкам казахстанского ядерного топлива для китайских АЭС. В 2007 году Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация⁶⁰ и НК «Казатомпром» подписали базовое соглашение о совместном производстве ядерного топлива для китайских атомных электростанций. Планируется, что добытый в Казахстане уран будет поступать в Китай для обогащения, а затем – обратно в Казахстан на Ульбинский металлургический комбинат (собственность НК «Казатомпром», расположен в Восточно-Казахстанской области), где пройдет переработку в ядерное топливо, которое будет направляться в Китай⁶¹.

Добыча урановой руды на руднике «Ирколь» (Кызылординская область, южная часть Казахстана). В апреле 2009 года в г. Алматы на основе подписанного в 2007 году базового соглашения между Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорацией и НК «Казатомпром» состоялось открытие китайско-казахстанского предприятия ТОО «Семизбай-У». В рамках данного СП предполагалось организовать совместную добычу урановой руды на руднике «Ирколь», промышленная эксплуатация которого началась еще в советское время.

⁵⁹China National Nuclear Corporation / CNNC.

⁶⁰CGNPC.

⁶¹*Sébastien Peyrouse. Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Rapprochement. – Silk Road paper. / Central Asia - Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, A Joint Transatlantic Research and Policy Center. – Washington D.C., September 2007. – P.32, <http://www.isdp.eu/files/publications/srp/07/sp07economicaspects.pdf>*

Запасы природного урана на данном месторождении составляют примерно 19 тысяч тонн. Добыча урана осуществляется методом подземного скважинного выщелачивания. Предполагаемый объем добычи должен был составить порядка 750 тонн урана в год. Выход рудника на проектную мощность ожидался в 2010 году, а уже в 2009 году планировалось добыть около 500 тонн урана⁶². По условиям соглашения, производимая на руднике «Ирколь» продукция предназначена для удовлетворения потребностей атомной энергетики КНР.

Планы участия РК в строительстве АЭС на территории КНР. В апреле 2009 года НК «Казатомпром» и Китайская Гуандунская ядерно-энергетическая корпорация (CGNPC) подписали меморандум о создании совместного предприятия по строительству атомных электростанций в Китае. Планировалось, что сфера деятельности данного СП будет включать строительные работы, строительный менеджмент и надзор за атомными объектами. Предполагалось, что китайско-казахстанское предприятие должно будет финансироваться на паритетных условиях Китайской ядерно-энергетической инжиниринговой компанией (дочерняя структура Китайской Гуандунской ядерно-энергетической корпорации) и НК «Казатомпром». В перспективе не исключалось привлечение к участию в СП и других акционеров.

* * *

Как представляется, налицо устойчивая тенденция активизации, углубления и расширения сотрудничества между КНР и РК в атомной отрасли, которая, наряду с нефтегазовой, становится стратегическим направлением экономической политики Китая в Казахстане и китайско-казахстанского экономического взаимодействия в целом. Более того, есть все основания утверждать, что уже в среднесрочной перспективе масштабы присутствия КНР в атомной отрасли РК будут, по крайней мере, не меньше, чем в нефтегазовой отрасли. Дело в том, что

⁶²Казахстано-китайское СП ввело в эксплуатацию урановый рудник. / Сайт компании RUSMINING, занимающейся поиском и подбором горных специалистов в России и СНГ (Россия), 28 апреля 2009 года, http://www.rusmining.ru/view_news.php?id=15392&page=1

Пекин уделяет приоритетное значение развитию атомной энергетики и до 2030 года планирует построить 100 новых АЭС⁶³.

В этой связи Астана скорее всего твердо решила найти и закрепить за собой нишу в атомной программе КНР. При этом очевидно, что Казахстан не может рассчитывать на равноправное партнерство с Китаем в атомной сфере. Однако в РК, вероятно, надеются, что статус поставщика ядерного топлива (а это уже не сырье, а полуфабрикат), а также хотя бы символическое участие в строительных работах по возведению АЭС на территории Китая и контроле их безопасности могут позволить Казахстану получить дополнительные экономические и политические дивиденды.

Проекты в электроэнергетической отрасли

Примерно с 2005 года обозначился некоторый интерес Китая к гидро- и теплоэнергетике Казахстана. Реализуемые и намечаемые проекты пока касаются введения в строй новых генерирующих мощностей с последующим экспортом части вырабатываемой электроэнергии в КНР. На стадии реализации находится только лишь проект по возобновлению строительства Мойнакской ГЭС на реке Чарын⁶⁴, а остальные – на стадии планирования. Сроки осуществления данных проектов пока неясны. Однако, можно с высокой долей вероятности утверждать, что из-за последствий мирового финансово-экономического кризиса сроки начала и окончания многих проектов могут быть перенесены.

Строительство Мойнакской ГЭС на реке Чарын (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). В 2006 году Казахстан под-

⁶³Китай будет поставлять в Казахстан еще больше урана. / Информационный сайт «Инвестиции – Бизнес – Консалтинг» (Россия), 6 мая 2009 года, <http://www.ibk.ru/51512.html>

⁶⁴Строительство Мойнакской ГЭС было начато в 1985 году и остановлено в 1992 году в связи с прекращением финансирования. В начале 2005 года в рамках реализации постановления казахстанского правительства «О дополнительных мерах по развитию гидроэнергетики в РК» было принято решение о возобновлении строительства ГЭС.

писал контракт с Национальным банком развития Китая о кредитовании работ по возобновлению строительства Мойнакской ГЭС. Предполагаемая мощность будущей гидроэлектростанции – 250 МВт, а стоимость проекта – 340 млн. долларов. Планировалось, что после строительства ГЭС позволит обеспечить потребности Алматинской области, а также экспортировать часть электроэнергии в Китай.

Главным условием КНР по предоставлению займа было следующее: строительные работы должны выполняться китайскими организациями, а оборудование должно поставляться китайскими предприятиями. Проектировщиком и организатором работ по строительству деривационного тоннеля, а также здания гидроэлектростанции была определена Китайская Международная корпорация водного хозяйства и энергетики. Китайской стороной уже выделено около 200 млн. долларов.⁶⁵ На данном этапе финансирования было завершено возведение дамбы, продолжаются работы по сооружению подъездных путей и дорог. Ввод ГЭС в эксплуатацию намечен на 2011 год⁶⁶.

Планы по строительству ГЭС на реке Иртыш (Павлодарская область, северная часть Казахстана). Строительство ГЭС первоначально планировалось осуществить за счет китайских инвестиций. Предполагаемая мощность будущей электростанции 5,5–7 тыс. МВт, а оценочная стоимость самого проекта – примерно 7 млрд. долларов. При этом ожидалось, что китайская сторона получит эксклюзивное право на экспорт электроэнергии, большая часть которой будет направляться в СУАР КНР⁶⁷.

⁶⁵По состоянию на начало 2009 года.

⁶⁶И ГЭС, и ТЭС, и на дуде игрец. / Газета «Экспресс К» (Казахстан), №213 (16599), 12 ноября 2008 года, http://www.express.kz/show_article.php?art_id=21857

⁶⁷The Hydroelectric Sector in Central Asia and the Growing Role of China. / China and Eurasia Forum Quarterly, № 2, Volume 5, 2007, p. 131–148. По состоянию на конец 2009 года проект все еще находился на стадии обсуждения.

Планы по строительству каскада малых ГЭС на реке Хоргос (Алматинская область, юго-восточная часть Казахстана). На реке Хоргос планировалось построить каскад малых ГЭС общей мощностью 21 МВт⁶⁸. Переговоры по данному проекту начались еще в 2005 году.

Планы по строительству двух ТЭС в Павлодарской области (северная часть Казахстана). Примерно с 2005 года Китай рассматривает возможность финансирования строительства двух тепловых электростанций суммарной мощностью 7,2 тыс. МВт, которые должны были функционировать на угле экибастузского месторождения. Привлекательность данного проекта состоит в том, что уголь данного месторождения высокого качества и залегает вблизи поверхности, что позволяет вести добычу открытым способом⁶⁹. В случае реализации проекта предполагаемый объем выработки на двух ТЭС электроэнергии мог бы составить 40 млрд. кВт/ч в год⁷⁰.

Проекты в металлургической отрасли

Китайское присутствие в металлургической отрасли Казахстана обозначилось после того, как в 2006 году между двумя странами была достигнута договоренность о строительстве в Павлодарской области завода по производству алюминия, большую часть которого предполагалось поставлять в Китай. Как представляется, растущий интерес именно к производству алюминия связан с тем, что Пекин всерьез намерен развивать свою авиационную и аэрокосмическую промышленность, для чего необходимо большое количество алюминиевых сплавов.

⁶⁸По состоянию на конец 2009 года проект находился на стадии обсуждения.

⁶⁹Китай намерен построить электростанции в Казахстане мощностью 7,2 тыс. МВт. / Сайт Российской информационной сети RIN (Россия), 29 марта 2005 года, <http://www.news.rin.ru/news/54569/>

⁷⁰По состоянию на начало 2009 года данный проект все еще находился на стадии разработки технико-экономического обоснования.

Строительство электролизного завода в Павлодарской области (северная часть Казахстана). Строительство данного завода проектной мощностью 250 тыс. тонн алюминия в год осуществляется Китайской инженерно-строительной компанией NFC. В 2007 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил под данный проект кредит в размере 293 млн. долларов сроком на 10 лет⁷¹.

Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи

В первом десятилетии XXI века китайские компании начали активно осваивать телекоммуникационный рынок Казахстана. Это представляется естественным в условиях имевшего место до мирового финансово-экономического кризиса динамичного развития казахстанской экономики, сопровождавшегося ростом спроса на телекоммуникационные услуги. Сегодня в РК работают такие компании из КНР, как China Telecom, Bell-Alcatel, Shenzhen Zhongxing Telecom Equipment Corporation (ZTE) и Huawei Technologies. Данные компании реализуют серию проектов по развитию беспроводной связи и оказанию телекоммуникационных услуг.

Развитие сети CDMA-450 (беспроводная связь). Еще в 2002 году компания ZTE подписала с казахстанской компанией НК «Казтелеком» контракт по развитию системы беспроводной телефонии в Казахстане. В 2004 году ZTE и «Казтелеком» создали СП Kazakhstan Engeneering, контрольный пакет акций (51%) которого принадлежит Казахстану. Общий объем инвестиций ZTE в создание и развитие сети CDMA-450 составил порядка 200 млн. долларов⁷².

⁷¹Ввод завода в эксплуатацию ожидается в 2010 году. Источник: Китайский Эксимбанк предоставит кредит на 293 млн. долларов под строительство электролизного завода в Казахстане. / Сайт торгового дома «ЭСТАР – Электросталь России», 20 августа 2007 года,

http://www.metalloprokat.ru/news/2007/08/20/news_88455.html

⁷²*Sébastien Peyrouse*. Там же. – Р.42.

Оказание услуг китайским телекоммуникационным компаниям, действующим на территории РК. В 2006 году китайская компания China Telecom открыла свое представительство в г. Алматы для оказания услуг телекоммуникационным компаниям КНР, работающим на рынке Казахстана⁷³.

Оказание услуг нефтегазовым компаниям, действующим на территории РК. В 2004 году китайская компания Bell-Alcatel подписала контракт на сумму примерно 11,2 млн. евро (на тот период около 15 млн. долларов) с итальянской нефтегазовой компанией Agip КСО на разработку интегрированного телекоммуникационного решения для морских и наземных нефтяных платформ Кашаганского нефтегазового месторождения (казахстанский сектор Каспийского моря)⁷⁴. В рамках проекта Bell-Alcatel развернула транспортную сеть на базе оптических мультисервисных узлов OMSN (Optical Multi-Service Node) с функциональностью Ethernet и Gigabit Ethernet. Наряду с этим была также осуществлена поставка системы видеонаблюдения (ССТV) и оповещения, а также системы радиосвязи.

Планы по дальнейшему сотрудничеству в отрасли телекоммуникаций и связи РК. В апреле 2009 года⁷⁵ между АО «Казахтелеком», Национальным Банком КНР и китайской телекоммуникационной корпорацией Huawei Technologies подписан трехсторонний меморандум о взаимопонимании. Целью меморандума является создание предварительных условий, необходимых для крупномасштабного финансирования Национальным Банком КНР перспективных телекоммуникационных проектов в Казахстане, в частности, развития сетей фиксированного радиодоступа по технологии WLL CDMA и сетей широкополосного доступа в Интернет по технологии ADSL2+. В свою очередь, Huawei Technologies выразила готовность предоставить кредит в размере до

⁷³*Sébastien Peyrouse.* Там же.

⁷⁴Сотрудничество Казахстана и КНР. / Информационный портал PROFIT (Казахстан), 15 июля 2005 года, <http://www.profit.kz/news/000662/>

⁷⁵В ходе визита президента РК в КНР.

200 млн. долларов для финансирования совместных с «Казахтелекомом» проектов⁷⁶.

Проекты в транспортной отрасли

Интерес Китая к транспортной отрасли Казахстана имел место еще в начале 90-х годов, однако тогда он касался преимущественно транспортного сопровождения усилий по стимулированию приграничной торговли, в особенности т.н. челночной. Незадолго до распада СССР, в 1990 году были состыкованы китайский и казахстанский железнодорожные участки от станции Алашанькоу (СУАР КНР) до станции Достык (Дружба) (Казахстан). Впоследствии это способствовало резкой интенсификации железнодорожного сообщения между КНР и РК. Так в период 1992–2006 годов объемы грузооборота через участок Алашанькоу – Достык (Дружба) увеличились с 47 до 1625 млн. тонн, в 34 раза. В целях дальнейшей интенсификации железнодорожного сообщения между двумя странами с 2006 года китайская и казахстанская стороны приступили к технической проработке проекта по стыковке железнодорожных участков в пограничном пункте Хоргос.

Кроме того, с 2006 года отмечается увеличение объемов поставок из КНР в РК железнодорожной техники и оборудования, которые закупаются в том числе и на китайские кредиты.

В свою очередь, автомобильное сообщение между Китаем и Казахстаном также начало развиваться сразу после распада СССР. В сентябре 1992 года было заключено межгосударственное соглашение об автомобильном сообщении. В 1993 году между Китаем и Казахстаном уже были подписаны документы по регламенту исполнения вышеуказанного соглашения.

После этого автомобильное сообщение между КНР и РК резко интенсифицировалось: стали открываться многочисленные автомобильные маршруты, что привело к формированию достаточно разветвлен-

⁷⁶Подписан Меморандум между «Казахтелекомом», Банком Китая и Huawei Technologies. / Информационный портал PROFIT (Казахстан), 17 апреля 2009 года, <http://www.profit.kz/news/004782/>

ной автодорожной сети. К концу 2007 года автомобильное сообщение Китая с Казахстаном уже включало 64 автомобильных маршрута, из них 33 пассажирских и 31 – грузовых. Данные маршруты проходят в основном через пограничные пункты Хоргос, Алашанькоу и Бахты.

В мае 2008 года открылись еще 4 прямых грузовых автомобильных маршрута: «Урумчи – Хоргос – Караганда», «Урумчи – Зимундай – Караганда», «Урумчи – Бакэту – Караганда», «Урумчи – Алашанькоу – Караганда», а в сентябре того же года – 3 пассажирских: «Урумчи – Зимидай – Караганда», «Урумчи – Бакэту – Караганда» и «Урумчи – Алашанькоу – Караганда».

Планы по строительству железнодорожного пути через пограничный пункт Хоргос. В 2006 году Китай и Казахстан подписали соглашение о соединении национальных железных дорог в пограничном пункте Хоргос. Для этой цели предполагается построить участок железной дороги протяженностью 300 километров и пропускной способностью 25 млн. тонн грузов в год⁷⁷. Стоимость данного строительства предположительно составит порядка 600 млн. долларов⁷⁸. Однако до сих пор не определены источники финансирования проекта и неизвестны сроки его реализации.

Поставки из КНР в РК транспортной техники. Казахстан периодически закупает в Китае различную транспортную технику. Частично данные закупки осуществляются за счет средств Казахстана, а частично за счет китайских кредитов. Все это имеет отношение скорее к китайско-казахстанским торговым связям, нежели к проектной деятельности. Сведения о закупках транспортной техники зачастую носят разрозненный характер. Достоверно известно, что в 2006 году РК заказала

⁷⁷Там же.

⁷⁸Транспортная отрасль в полной мере адаптирована к рыночным условиям и открыта для частных инвестиций. / Казахстанское информационное агентство «КазИнформ» (Казахстан), 28 марта 2008 года, <http://www.inform.kz/showarticle.php?lang=rus&id=202632>

в КНР 152 пассажирских вагона на сумму в 60 млн. долларов. Данная сделка была профинансирована кредитом ЭКСИМ-банка КНР⁷⁹.

Выводы

Казахстан является главным объектом экономического интереса Китая в Центральной Азии. Масштабы присутствия КНР в РК на протяжении постсоветского периода поступательно растут и уже представляются значительными. Причем, если первоначально китайский экономический интерес затрагивал преимущественно торговую сферу, что лишь в несущественной степени сопровождалось развитием транспортно-коммуникационных связей, то со второй половины 90-х годов XX века уже стали отчетливо просматриваться целенаправленные усилия КНР по активизации проектно-инвестиционной деятельности в РК. В первую очередь, это затронуло нефтегазовую отрасль и обслуживающие ее транспорт и коммуникации.

С начала XXI века стала наблюдаться еще более устойчивая тенденция увеличения масштабов и попыток по диверсификации китайского присутствия в Казахстане по отраслям экономики. Однако, деятельность Китая и китайских компаний в РК по-прежнему затрагивает главным образом сырьевые отрасли казахстанской экономики, хотя РК и пытается нацеливать китайский интерес на перерабатывающие отрасли, а также в целом на развитие промышленного и инновационного сотрудничества.

С 2004 года на уровне премьер-министров функционирует китайско-казахстанская Комиссия по подготовке регулярных встреч глав правительств двух стран, в составе которой существует несколько подкомиссий (по торгово-экономическому сотрудничеству, научно-техническому сотрудничеству, сотрудничеству в области энергетики, сотрудничеству в области транспорта) и действуют рабочие группы по конкретным тематикам. В 2006 году по результатам официального ви-

⁷⁹П. Азовский. Внешнеторговые перевозки железных дорог Китая: сегодня и завтра. / Сайт Института Востоковедения РАН, http://www.ivran.ru/library/view_edition.php?edition_id=54

зита в КНР президента РК даже было принято решение о создании казахстанско-китайского Фонда по финансированию проектов в Казахстане и Китае при участии национального Фонда устойчивого развития «Казына» (Казахстан) и Государственного банка развития Китая. Также были установлены более тесные взаимоотношения между Гонконгской фондовой биржей и г. Алматы. В том же году между Астаной и Пекином достигнута договоренность о механизме совместного финансирования ряда крупных инвестиционных проектов на сумму порядка 5 млрд. долларов.

В апреле 2009 года в ходе визита президента Казахстана в Китай была достигнута очередная договоренность о предоставлении республике кредита, но уже в размере 10 млрд. долларов (5 млрд. долларов для НК «КазМунайГаз», а остальные 5 млрд. долларов – скорее всего для поддержания ликвидности банковской системы РК). Основная цель такого беспрецедентного по размерам кредита, по-видимому, – поддержка весьма хрупкой в период активной фазы мирового кризиса казахстанской экономики. Взамен же Китай получает более свободный доступ к сырьевым ресурсам Казахстана, в первую очередь в топливно-энергетическом комплексе.

В то же время китайское экономическое присутствие имеет ярко выраженную направленность на эксплуатацию минеральной базы РК в основном в интересах КНР, что закрепляет за Казахстаном экспортно-сырьевой статус. Поэтому, пока крайне преждевременно говорить о полноценном и взаимовыгодном экономическом сотрудничестве между Астаной и Пекином.

Во-первых, экономическое присутствие Китая в Казахстане все еще незначительно выходит за рамки отраслей ТЭКа и торговой сферы по формату «готовая продукция в обмен на сырьевые ресурсы». Причем, даже в топливно-энергетическом комплексе китайские интересы по-прежнему касаются преимущественно нефтегазовой отрасли через призму поставок углеводородного сырья в КНР. В итоге китайская экономическая деятельность ориентирована в основном на наращива-

ние объемов производства энергоресурсов⁸⁰ и последующий их экспорт в Китай. Однако, это сотрудничество не представляется взаимовыгодным с точки зрения долгосрочных экономических интересов Казахстана, так как ведет лишь к закреплению за РК роли сырьевого прироста китайской экономики, слабо способствует развитию именно инновационных и перерабатывающих отраслей казахстанской промышленности.

Во-вторых, процесс диверсификации китайского присутствия в Казахстане по отраслям экономики в большей степени отражает декларации, нежели реалии, сопровождается излишней политико-пропагандистской риторикой, где оба государства стремятся «выдавать желаемое за действительное». С одной стороны, тот же Пекин внешне демонстрирует заинтересованность в развитии инновационного, производственного и инвестиционного сотрудничества с Астаной, о чем в частности шла речь в 2007 и 2009 годах во время визитов в КНР президента РК, а также в 2008 году – премьер-министра Казахстана. С другой стороны, в реальности за пределами ТЭКа экономическое присутствие Китая в Казахстане все еще крайне незначительно, даже, несмотря на то, что несколько больше, чем ранее, затрагивает транспортную, телекоммуникационную и металлургическую отрасли.

В свою очередь, Казахстан, безусловно, заинтересован в диверсификации своей экономики (особенно в условиях относительно низких мировых цен на нефть, основного источника валютных поступлений в страну) и поэтому прилагает максимум усилий для увеличения объемов китайских инвестиций и кредитов именно в перерабатывающие отрасли промышленности. Однако складывается впечатление, что эти отрасли пока остаются малопривлекательными для самого Китая.

В-третьих, учитывая негативное влияние мирового финансово-экономического кризиса, крайне трудно прогнозировать дальнейший характер экономического проникновения Китая в Казахстан. Пока представляется, что активность в РК компаний из КНР будет возрас-

⁸⁰На данном этапе – в основном нефти, в ближайшей перспективе – газа и топлива для атомных электростанций, а в дальнейшем – не исключено, что и электроэнергии.

тать, в первую очередь, в сырьевых отраслях, главным образом в ТЭК. За пределами же сырьевых отраслей китайское присутствие, скорее всего, останется по-прежнему малозаметным: перерабатывающие отрасли казахстанской экономики были непривлекательны для КНР даже в условиях благоприятной глобальной конъюнктуры и маловероятно, что будут привлекательны в период кризиса. Исключением в данном плане может быть только первичная переработка нефти, да и то пока это не столь очевидно. Более того, в условиях кризиса сроки реализации многих китайских проектов, особенно тех, что находятся на стадии изучения и планирования, возможно, будут либо перенесены на более позднее время, либо отложены на неопределенный срок.

После же прохождения активной фазы мирового финансово-экономического кризиса, китайское проникновение в Казахстан, безусловно, только интенсифицируется. Наиболее вероятно, что в будущем рост интереса Пекина к сотрудничеству с Астаной будет связан прежде всего с разработкой казахстанских месторождений руд черных и цветных металлов, производством строительных материалов, созданием новых электрогенерирующих мощностей и формированием соответствующей транспортной инфраструктуры.

В итоге, единственное направление, в рамках которого деятельность китайских компаний в ближайшем будущем не только не ослабнет, а с высокой долей вероятности будет только возрастать – это отрасли ТЭКа, в первую очередь нефтегазовая⁸¹ и атомная⁸², где КНР будет по-прежнему руководствоваться не столько коммерческими, сколько стратегическими соображениями. Решение Пекина в апреле 2009 года предоставить Астане кредит в размере 10 млрд. долларов говорит само за себя.

⁸¹ Даже в случае низких цен на нефть и газ, вопросы увеличения объемов импорта углеводородов и диверсификации маршрутов их поставок будут продолжать иметь принципиально важное значение для Китая.

⁸² Именно в плане добычи урана. Тем более, что Китай осуществляет модернизацию своей атомной энергетики и, крайне вероятно, будет заинтересован в увеличении объемов поставок ядерного топлива, в том числе из РК.

Как представляется, данная тактика Китая является частью стратегии по форсированной скупке активов в сырьевых отраслях в различных регионах мира. По-видимому, в условиях мирового кризиса Пекин крайне обеспокоен долгосрочной перспективой доллара США как мировой резервной валюты. Отнюдь не случайно, что КНР все чаще выступает с настойчивыми инициативами кардинального реформирования глобальной финансовой системы и введения новой, альтернативной доллару США международной валюты. Скорее всего, не случайно и то, что данная китайская инициатива активно поддерживается Астаной.

В то же время усилия Китая по кредитованию экономики Казахстана представляются неоднозначными с точки зрения долгосрочных интересов самого Казахстана. С одной стороны, китайские кредиты, безусловно, будут способствовать дальнейшему развитию прежде всего нефтегазовой отрасли Казахстана и как-то стимулировать развитие экономики РК в целом. С другой стороны, Казахстан рискует попасть в еще более жесткую зависимость от Китая, в значительной степени утратив контроль над своими сырьевыми ресурсами. В целом же и сам вопрос о том, в какой степени Китай будет способствовать комплексному инновационно-промышленному развитию Казахстана, а не только освоению его сырьевых ресурсов, все еще остается открытым. Много будет зависеть от того, каким выйдет весь мир и в том числе КНР из финансово-экономического кризиса, а также какие коррективы внесет Пекин в свою экономическую стратегию, в том числе на центральноазиатском направлении.

Глава III. Экономическое присутствие Китая в Кыргызстане

Основные тезисы

- Экономические интересы Китая в Кыргызстане с самого начала установления дипломатических отношений между двумя странами касались преимущественно торговой сферы. При этом Пекин практически сразу же стал рассматривать соседнюю республику не столько в качестве рынка сбыта своей продукции, сколько в качестве стратегического плацдарма для торговой экспансии в Центральную Азию и на постсоветское пространство в целом. Однако вплоть до 2004 года объемы самой китайско-кыргызской торговли были незначительны.
- Торговые отношения Китая с Кыргызстаном кардинально интенсифицировались лишь после 2004 года. Если в течение 1992–2004 годов объемы поставок из Китая в Кыргызстан находились лишь в пределах 26–100 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 30–125 млн. долларов, то, по итогам 2008 года, объемы китайского экспорта составили 1186 млн. долларов, а общий товарооборот увеличился до 1453 млн. долларов.
- За рамками торговой сферы экономическое присутствие Китая в Кыргызстане пока в целом незначительно, а объемы китайских финансовых ресурсов в кыргызской экономике на начало 2009 года оцениваются в диапазоне от 160 до 180 млн. долларов, включая около 120 млн. долларов кредитов и 40–60 млн. долларов инвестиций. При этом финансовая активность Китая в Кыргызстане нацелена в основном на оказание технической помощи правительству республики и реализацию небольших по масштабам проектов

в горнодобывающей и транспортной отраслях, а также в отрасли производства стройматериалов.

- Невысокий объем китайских инвестиций в Кыргызстане свидетельствует прежде всего о том, что кыргызское направление пока не является приоритетным в экономической стратегии Пекина в Центральной Азии. В основном это связано с незначительным размером экономики Кыргызстана, отсутствием промышленных запасов углеводородов, а также непростой внутривнутриполитической ситуацией в стране.
- Теоретически объектами экономического интереса Китая в Кыргызстане могли бы стать гидроэнергетическая и горнодобывающая отрасли, а также транспортно-коммуникационная сфера. Однако на практике существует целый ряд обстоятельств, значительно снижающих вероятность реализации в Кыргызстане крупных проектов в обозначенных выше секторах, тем более в условиях мирового финансово-экономического кризиса.
- Можно предположить, что в краткосрочной перспективе масштабы экономического присутствия Китая в Кыргызстане останутся примерно на нынешнем уровне, а сама китайская экономическая активность, скорее всего, не будет существенно выходить за рамки торговой сферы и предоставления кредитов на те или иные небольшие, хотя, возможно, и значимые для Бишкека социально-экономические проекты. При этом есть все основания полагать, что по мере преодоления мирового финансово-экономического кризиса, а также в случае интенсификации экономического сотрудничества в самой Центральной Азии и урегулирования жизненно важного для региона водно-энергетического вопроса, процесс экономического проникновения Китая в Кыргызстан только интенсифицируется.

Экономические связи Китайской Народной Республики с Кыргызской Республикой (КР) стали развиваться сразу же после распада СССР и установления 5 января 1992 года между двумя странами дипломатических отношений. Хотя вплоть до 2004 года включительно объемы поставок из КНР в КР находились в пределах 26–100 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 30–125 млн. долларов, в дальнейшем масштабы китайского торгового присутствия стали расти стремительно. Так в период 2004–2008 годов двусторонний товарооборот увеличился примерно в 12 раз (таблица 6).

Таблица 6. Торговля Китая с Кыргызстаном (период 1992–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Кыргызстан, млн. долларов США	Поставки в Китай из Кыргызстана, млн. долларов США
1992	44	26	18
1993	72	43	29
1994	66	30	36
1995	30	26	4
1996	43	27	16
1997	64	42	22
1998	60	44	16
1999	62	37	25
2000	80	46	34
2001	71	45	26
2002	97	55	42
2003	96 (317)	73	23
2004	125 (603)	96	29
2005	422 (723)	338	84
2006	757 (1170)	599	158
2007	984 (2100)	802	182
2008	1453 (6000)	1186	267

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008,

March 2009); данные в скобках за период 2003–2008 годов – Министерство коммерции Китайской Народной Республики.

В 2007 году товарооборот между Китаем и Кыргызстаном увеличился на 30% по сравнению с 2006 годом и составил около 984 млн. долларов (порядка 27,7% кыргызского товарооборота). Объемы поставок из КР в КНР достигли 182 млн. долларов (около 17,5% экспорта Кыргызстана), а объемы поставок из Китая – 802 млн. долларов (около 29,3% импорта Кыргызстана). В свою очередь, в 2008 году китайско-кыргызский товарооборот увеличился на 47,6% по сравнению с предыдущим годом и составил около 14 млрд. долларов (порядка 27% кыргызского и 0,05% китайского товарооборота). Объемы кыргызских поставок достигли 267 млн. долларов (около 14,9% экспорта Кыргызстана, 0,02% импорта Китая), а объемы поставок из Китая составили чуть менее 1,2 млрд. долларов (около 33% импорта Кыргызстана, 0,08% китайского экспорта).

Структура китайско-кыргызской торговли свидетельствует об устойчивой экспортно-сырьевой ориентации КР. Так, например, в 2007 году поставки из Кыргызстана в Китай включали в основном отходы черных и цветных металлов (порядка 61%) и текстильное сырье (преимущественно кожевенное и шерсть – около 30%). В свою очередь, ассортимент поставок из КНР включал продовольствие и прочие товары широкого потребления (примерно 72%), химическую продукцию (около 10%), машины и оборудование (около 4%) (таблица 7).

Таблица 7. Товарная структура торговли Китая с Кыргызстаном (2007 год)

Наименование	Поставки из Китая в Кыргызстан		Поставки в Китай из Кыргызстана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Химическая продукция	82	10,2	-	-
Отходы и лом цветных и черных металлов	-	-	111	60,8
Машины и оборудование	30	3,8	-	-
Текстильное сырье (кожевенное сырье и шерсть)	-	-	55	30,4
Потребительские товары и продовольствие	581	72,4	-	-
Прочее	109	13,6	16	8,8
Всего	802	100	182	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Кыргызстана (Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2008).

В 2008 и 2009 годах структура торговли КР с КНР существенно не изменилась и продолжала сохранять экспортно-сырьевую направленность.

Расхождения в статистике и т.н. челночная торговля. Официальная статистика Кыргызстана, как правило, практически не учитывает объемы т.н. челночной торговли с Китаем. В частности, по китайским оценкам, за период 2003–2008 годов показатели реальных объемов двустороннего товарооборота в среднем на 184% были выше показателей, приведенных в кыргызских источниках. Причем в отдельные годы данные китайской и кыргызской статистики отличались даже в несколько раз. В частности, за 2008 год статистические данные отличаются примерно в 4 раза. По всей видимости, значительная часть товаров, поступающих из КНР в КР и предназначенных для транзита и последующей продажи в третьи страны, засчитывается статистическими органами Китая в китайско-кыргызский товарооборот. Скорее всего,

этим и объясняется столь аномально высокое расхождение в данных статистики двух государств. На эту мысль наводит такой, на первый взгляд, парадоксальный факт, что в 2008 году объем внешнеторгового оборота Кыргызстана примерно на 1,6 млрд. долларов (т.е. на 40%) превысил валовой внутренний продукт данной страны⁸³.

Не будет преувеличением сказать, что экономика Кыргызстана выживала и продолжает держаться «на плаву» во многом за счет транзита китайских товаров в третьи страны. КР не только насыщает свой рынок дешевой китайской продукцией, но и имеет дополнительную прибыль за счет ее реэкспорта в остальные страны Центральной Азии (главным образом, в Узбекистан) и даже ряд областей России. Размеры данной прибыли оценить сложно, однако, по мнению некоторых экспертов, реэкспорт приносит Кыргызстану не менее 250 млн. долларов в год, что примерно сопоставимо с размером госбюджета республики⁸⁴.

Значение Кыргызстана как перевалочной базы для китайских товаров широкого потребления особо возросло после того, как обе страны стали членами ВТО (КР – с 1998 года, КНР – с 2001 года). После этого с середины первого десятилетия XXI века китайская продукция стала поступать на территорию Кыргызстана в прогрессирующих масштабах и практически беспрепятственно. Тогда же в республике прочно закрепились многочисленные торговые компании из Китая, которые, наладив тесные связи с местным «челночным бизнесом», поставляют дешевые товары широкого потребления в остальные страны Центральной Азии, а также в Россию и ряд других постсоветских государств.

В то же время инвестиционная и в целом финансовая активность Китая и китайских компаний в Кыргызстане пока не велика. На начало

⁸³Об этом в конце декабря 2008 года заявил министр экономического развития и торговли Кыргызстана А. Жапаров. Источник: Товарооборот Киргизии превысил ВВП более чем на 1,6 млрд \$. / Информационное агентство REGNUM (Россия), 22 декабря 2008 года, <http://www.regnum.ru/news/1102738.html>

⁸⁴Д. Пашкун. Китайско-Центрально-Азиатские отношения в двадцать первом веке. / Сайт американской неправительственной организации по международным научным и гуманитарным обменам «Айрэкс» (IREX), <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/16/pash>

2009 года объемы китайских кредитов и инвестиций в Кыргызстане оцениваются в диапазоне от 157,5 до 167,5 млн. долларов, из которых от 116 до 118 млн. долларов – кредиты и порядка 41,5–49,5 млн. долларов – инвестиции. Помимо этого, известно, что Китай приобрел в Кыргызстане активов на общую сумму как минимум в 11 млн. долларов. Из около 300 китайско-кыргызских совместных предприятий, зарегистрированных в Кыргызстане, большая часть приходится на сферу торговли. И хотя с середины первого десятилетия XXI века отмечается определенный рост интереса КНР к гидроэнергетике и добыче минеральных ресурсов в КР, присутствие китайского бизнеса в этих секторах кыргызской экономики пока все еще крайне незначительно.

Проекты в электроэнергетической отрасли

Кыргызстан обладает огромным гидроэнергетическим потенциалом, который составляет около 142,5 млрд. кВт/ч в год, хотя реальное производство электроэнергии всего лишь около 10 млрд. кВт/ч в год. Даже в советское время данный потенциал использовался менее чем на 10%. Учитывая это, вполне объяснимо, почему по мере роста промышленного производства в приграничном с Кыргызстаном СУАР, Китай стал проявлять определенную заинтересованность к вопросам строительства гидроэлектростанций и поставок электроэнергии из КР. Тем не менее, проектная активность Китая в гидроэнергетической отрасли Кыргызстана пока не выходит за рамки обсуждения «планов на будущее», а среди наиболее перспективных проектов выделяется лишь проект по строительству двух малых ГЭС на реке Нарын.

Планы по строительству малых ГЭС на реке Нарын (восточная часть Кыргызстана). В 2004 году Пекин и Бишкек пришли к соглашению о совместном строительстве на реке Нарын двух малых ГЭС. Однако, события весны 2005 года в Кыргызстане (т.н. тюльпановая революция), которые привели к смене власти в стране, нарушили эти планы и договоренности были аннулированы. Спустя некоторое время, после прихода к власти в КР нового руководства, стороны все же вернулись к обсуждению вопросов сотрудничества в гидроэнергетической отрасли, хотя в практическую плоскость это пока не перешло.

* * *

В целом, Китай продолжает демонстрировать неготовность к участию в крупных гидроэнергетических проектах на территории Кыргызстана, в частности по строительству Камбаратинских ГЭС. Во-первых, реализация данных проектов длительное время находится в плоскости обсуждения преимущественно между Бишкеком и Москвой. Во-вторых, у Пекина присутствует четкое понимание целого ряда негативных последствий в результате непродуманного строительства крупных ГЭС, что обуславливается наличием сложных противоречий (в первую очередь в отношении использования водостока трансграничных рек, в данном случае Сырдарьи) между Кыргызстаном с одной стороны, Узбекистаном и Казахстаном – с другой. В-третьих, проекты являются крайне затратными и малоприбыльными в краткосрочной перспективе. В-четвертых, вне зависимости от того, будет ли участвовать в строительстве этих ГЭС китайский капитал, именно СУАР КНР будет оставаться наиболее близким рынком для сбыта электроэнергии из КР. И поэтому, в-пятых, на данном этапе Китаю объективно выгоднее пока занимать в целом выжидательную позицию, предпочитая предоставить странам ЦА и России право самим «распутывать клубок» региональных водно-энергетических проблем.

Проекты в горнодобывающей отрасли

Начиная примерно с 2007 года, Китай стал проявлять растущий интерес и к минерально-сырьевым ресурсам Кыргызстана, в первую очередь месторождениям цветных металлов.

Освоение полиметаллического месторождения «Куру-Тегерек» (южная часть Кыргызстана). В конце 2007 года китайская компания Inner Mongolia Xiangzhen Mining Group (дочерняя компания China Shenzhou Mining & Resources) выкупила у владельца данного месторождения – частной кыргызской компании Tun Lin Limited Liability Co. 100% акций примерно за 10 млн. долларов (73,05 млн. юаней). По данным China Shenzhou Mining & Resources, запасы месторождения оце-

ниваются в 172,7 млн. тонн руды, содержащей около 97 тонн золота, 1 млн. тонн меди и 4,88 тыс. тонн молибдена⁸⁵.

Планы по освоению золотоносного месторождения «Иштамберды» (южная часть Кыргызстана). В 2006 году на основании достигнутого между Китаем и Кыргызстаном межправительственного соглашения китайская компания China Road & Bridge Corp. получила право на освоение «Иштамберды». Уже в феврале 2008 года другая китайская компания Lingbao Gold выкупила у China Road & Bridge Corp. за 25,3 млн. долларов право на освоение данного золотоносного месторождения. Запасы «Иштамберды» оцениваются примерно в 23 тонны золота. Оператором проекта является компания Full Gold Mining (дочерняя структура компании Lingbao Gold), которая планирует освоить данное месторождение за счет кредита Китайского банка развития⁸⁶. Пока осуществляются лишь геологоразведочные работы⁸⁷. При этом добыча золота затрудняется тем, что в руде присутствует достаточно высокая концентрация токсичного компонента – мышьяка, для удаления и утилизации которого необходимы специальные дорогостоящие технологии. Однако, в связи с устойчивой тенденцией роста мировых цен на золото в условиях мирового кризиса, месторождение «Иштамберды» может стать привлекательным, даже несмотря на необходимость повышенных затрат на его разработку.

⁸⁵China Shenzhou Mining купила месторождение золота в Киргизии за \$10 млн. / Электронное еженедельное издание «Бизнес-обозрение Китая» информационного агентства «ИНТЕРФАКС» (Россия), № 48 (193), 21–28 декабря 2007 года.

⁸⁶По состоянию на середину – конец 2009 года сумма кредита под освоение данного месторождения официально озвучена так и не была.

⁸⁷По состоянию на 2009 год.

Проекты в угольной отрасли

Китайское присутствие в угольной отрасли Кыргызстана обозначилось еще в 2006 году. В то же время, учитывая небольшие объемы разведанных запасов угля в КР, интерес КНР остается незначительным. Пока в угольной отрасли Кыргызстана реально осуществляется лишь один проект с участием китайского капитала.

Добыча угля на территории Ошской области (южная часть Кыргызстана). В 2006 году на территории области создано китайско-кыргызское СП «Перити Коал» по добыче угля. В среднем, ежегодно предприятие добывает не менее 41 тыс. тонн угля, а около 18 тыс. тонн экспортирует⁸⁸. Китайские инвестиции на реализацию данного проекта предположительно могли составить от 4 до 8 млн. долларов⁸⁹.

Проекты в нефтегазовой отрасли

В Кыргызстане не обнаружено промышленных запасов нефти и газа. Разведанные запасы нефти в КР составляют всего лишь около 6,3 млн. тонн, а газа – порядка 6 млрд. кубических метров⁹⁰. При этом в Кыргызстане добывается примерно 70–90 тыс. тонн нефти в год⁹¹, а объемы добычи газа крайне незначительны и не превышают 25 млн. кубических метров в год. Учитывая все это, интерес КНР к нефтегазовой отрасли КР в целом крайне незначителен. Тем не менее в условиях

⁸⁸Например, именно такие показатели добычи и экспорта были по результатам 2007 года. Источник: СП «Перити коал» добыло в Алайском районе 41 тыс. тонн угля. / Информационно-аналитическое бюро «Фергана АКИ-пресс» (Кыргызстан), 2 февраля 2008 года, <http://www.fergana.akipress.org/?id=26971>

⁸⁹По состоянию на начало 2009 года.

⁹⁰Проектное исследование Центра политических исследований «Энергетический потенциал Центральной Азии: проблемы оценки запасов, разработки и транспортировки нефти и природного газа». / Энергорынок Центральной Азии: тенденции и перспективы. – Итоговые материалы научно-практической конференции, Ташкент, 6–7 декабря 2005 года. – Ташкент: Patent-Press, 2006 год.

⁹¹*В. Тимирбаев*. Россия на 90% обеспечивает потребность Киргизии в нефтепродуктах. / Газета «Моя столица» (Кыргызстан), 18 января 2008 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1200690300>

имевших место до осени 2008 года высоких цен на энергоресурсы, китайский бизнес предпринимал попытки закрепиться и в нефтегазовой отрасли кыргызской экономики.

Планы по добыче нефти и газа в Баткенской области (южная часть Кыргызстана). В 2008 году Китайская международная нефтеразведочная компания Zhongneng Co. Ltd. выкупила государственный пакет акций (100%) АО «Баткеннефтегаз» за 1,1 млн. долларов. Тогда же китайская сторона обязалась инвестировать в «Баткеннефтегаз» около 66 млн. долларов, увеличив его производственные мощности и выйдя на новые рынки сбыта⁹². Однако, сроки реализации данного проекта пока неясны⁹³.

Проекты в транспортной отрасли

С учетом важности для Китая транзитных возможностей Центральной Азии, Пекин всегда проявлял особый интерес к развитию транспортной инфраструктуры Кыргызстана. Главным образом это предопределялось необходимостью обеспечения растущих объемов торговых потоков из/через СУАР КНР в центральноазиатском направлении.

После распада СССР наиболее интенсивно стало развиваться автомобильное сообщение с Китаем. Это выразилось в открытии многочисленных автомобильных маршрутов через китайско-кыргызскую границу. В результате между Кыргызстаном и Китаем стало функционировать более 20 дорожных маршрутов, а автомобильное сообщение осуществляется по двум направлениям: Кашгар (СУАР КНР) – Бишкек (северная часть Кыргызстана) и Кашгар – Ош (южная часть Кыргызстана). В свою очередь, Кыргызстан получил возможность выхода через территорию Китая на Каракорумское шоссе, которое ведет к морским портам в Пакистане.

⁹²Победителем тендера по реализации госпакета акций АО «Баткеннефтегаз» стала китайская «Международная нефтеразведочная компания Чжуннен». / Информационное агентство PRESS-UZ.info (Узбекистан), <http://www.press-uz.info/index.php?title=home&nid=3771&my=112007&st=4&date=20071127>

⁹³По крайней мере, по состоянию на конец 2009 года.

Кроме того, немаловажным для КНР представляется и развитие железнодорожного сообщения с КР, что так же, как и в случае автодорожного сообщения, рассматривается Пекином через призму создания новых трансконтинентальных транспортных коридоров. Наиболее крупным проектом, который, однако, до сих пор все еще находится на стадии планирования, является строительство стратегической железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан».

Помимо развития наземных путей сообщения между двумя странами, Китай также активно продвигает на кыргызский рынок свою транспортную технику, охотно предоставляя Бишкеку целевые кредиты под соответствующие закупки.

Реконструкция автомобильной магистрали «Иркештам – Сарыташ – Ош». Данная трасса станет частью трансконтинентальной магистрали, соединяющей Китай, Центральную и Южную Азию, и обеспечивающей выход через Афганистан к портам Индийского океана. С 2006 года китайской компанией China-Road & Bridge Corp. за счет гранта правительства КНР осуществляется реконструкция автомобильной дороги «Иркештам – Сарыташ – Ош», которую в дальнейшем предполагается состыковать с узбекской автодорожной системой. Уже завершены работы на участке «Иркештам – Сарыташ» и ведется реконструкция участка «Сарыташ – Ош»⁹⁴. Расчетная стоимость работ составляет около 15 млн. долларов, а объем уже освоенных инвестиций – более 7,5 млн. долларов⁹⁵.

Планы по строительству кыргызского участка железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Китай пытается реализовать данный проект еще с 1997 года. Созданная в конце 90-х годов совместная экспертная группа признала одним из наиболее перспективных маршрут «Кашгар – Иркештам – Сарыташ – Ош – Андижан». Китайская сторона уже ведет строительные работы на своем

⁹⁴Работы планируется закончить во второй половине 2010 года. Источник: *Sébastien Peyrouse*. Там же. – Р.27.

⁹⁵По состоянию на конец 2008 года – начало 2009 года. Источник: *Н. Касенова*. Там же. – С. 23.

участке. В частности, в конце декабря 2008 года в СУАР завершено строительство 13,6-километрового железнодорожного туннеля, проходящего через один из горных массивов северного Тянь-Шаня.

Хотя руководство Кыргызстана и заинтересовано в скорейшем строительстве своего участка данного железнодорожного пути, в то же время начало работ затягивается из-за отсутствия финансовых средств. Для ускорения реализации проекта Пекин в 2006 году даже предлагал Бишкеку льготный кредит в размере 1,2 млрд. долларов в обмен на доступ к разработке минеральных ресурсов республики, в первую очередь золота. Однако данное предложение вызвало множество споров во властных структурах и экспертных кругах КР, в результате чего вопрос о начале реализации проекта все еще остается открытым⁹⁶.

Поставки транспортной техники из КНР в КР. Среди данных контрактов наиболее значимыми являются поставки автобусов и мусороуборочной техники. В частности, в 2007 году мэрия г. Бишкека заключила контракт с китайской компанией внешней торговли «Баотунг» на закупку 300 автобусов. Стоимость контракта – 22 млн. долларов под кредит ЭКСИМ-банка КНР. Кроме того, в 2007 году заключены контракты, стоимость которых оценивается от 2 до 4 млн. долларов, на поставку в г. Ош 40 автобусов и мусороуборочной техники⁹⁷.

Проекты в отрасли производства строительных материалов

Устойчивый спрос на стройматериалы, вызванный имевшим место до мирового финансово-экономического кризиса интенсивными строительными работами как в Кыргызстане, так и соседних с республикой государствах, в первую очередь Казахстане, обусловил определенный интерес китайских инвесторов к кыргызской отрасли производства строительных материалов.

⁹⁶По состоянию на 2009 год.

⁹⁷Автобусы придут из КНР. / Электронный бизнес-журнал «Сделано в Кыргызстане» (Кыргызстан), 4 августа 2008 года, <http://www.madein.kg/ru/society?55>

Строительство Кызыл-Кийского цементного завода (Ошская область, южная часть Кыргызстана). В 2007 году между Китаем и Кыргызстаном был подписан контракт на строительство цементного завода в г. Кызыл-Кия. Данный проект осуществлялся за счет кредита в 70 млн. долларов, выделенного ЭКСИМ-банком КНР. Гарантом по кредиту выступил казахстанский банк «ТуранАлем»⁹⁸. Летом 2009 года завод был введен в строй. Его проектная мощность должна составлять 930 тыс. тонн цемента в год, с перспективой расширения до 2 млн. тонн цемента в год.

Планы по строительству цементного и кирпичного заводов в Таласской области (западная часть Кыргызстана)⁹⁹. В 2007 году китайская компания «Сань Юань» объявила о своем намерении построить в Таласской области Кыргызстана два завода: цементный, мощностью 150 тыс. тонн в год (с последующим расширением до 300 тыс. тонн в год) и кирпичный, мощностью около 2 млн. штук кирпичей в год¹⁰⁰.

⁹⁸АО «Банк ТуранАлем» (Казахстан) выступило гарантом по финансированию проекта строительства Кызыл-Кийского цементного завода (Кыргызстан). / Информационный сайт «Банкир» (Казахстан), 25 августа 2007 года, <http://www.banker.kz/index.php?showtopic=14382>

⁹⁹В Таласской области создадут цементный и кирпичный заводы. / Информационно-аналитическое бюро «Фергана АКИ-пресс» (Кыргызстан), 26 июня 2007 года, <http://www.kg.akipress.org/news/1015413.html>

¹⁰⁰По крайней мере, по состоянию на 2009 год проект находился на стадии обсуждения.

Проекты в отрасли легкой промышленности

В отрасли легкой промышленности Кыргызстана активность китайских компаний невелика и ограничивается лишь одним проектом¹⁰¹, который, однако, когда-то имел немаловажное значение для КР.

Строительство целлюлозно-бумажной фабрики в г.Токмаке (северная часть Кыргызстана). Проект осуществлен в период 2000-2002 годов китайской компанией Complant за счет займа правительства Китая в размере 7,4 млн. долларов и кредита ЭКСИМ-банка КНР в размере 14,7 млн. долларов. Ввод фабрики в строй состоялся в 2002 году, однако спустя 3 года данное предприятие обанкротилось¹⁰².

Проекты в машиностроительной отрасли

Производственные проекты в машиностроительной отрасли, ввиду отсутствия в Кыргызстане достаточных мощностей данного профиля, пока носят единичный характер. В этой связи наиболее перспективными пока являются «проекты» по поставкам техники из КНР в КР.

Эксплуатация предприятия по сборке тракторов в г. Кара-Балта (Чуйская область, северная часть Кыргызстана). В г. Кара-Балта в 2008 году открыто китайско-кыргызское СП «Ак-Жол ИТО» по сборке тракторов. Соучредителями являются государственное предприятие «Кыргызресурсы» и китайская компания YTO International LTD. Завод был рассчитан на сборку 4 тыс. тракторов в год, включая 1 тыс. тракторов для Кыргызстана и 3 тыс. тракторов – на экспорт¹⁰³. Инвестиции китайской компании в данный проект предположительно составили от 8 до 12 млн. долларов.

¹⁰¹По состоянию на конец 2009 года.

¹⁰²*Н. Касенова.* Там же. – С. 20.

¹⁰³В Киргизии открыли киргизско-китайское предприятие по сборке тракторов. / Информационное агентство REGNUM (Россия), 17 июня 2008 года, <http://www.regnum.ru/news/1015413.html>

Поставки техники из КНР в КР. Подобного рода «проекты» осуществляются в основном путем прямой закупки китайской техники за счет средств кыргызского бюджета, что имеет большее отношение к торговым связям двух стран, нежели собственно к вопросам проектно-инвестиционной деятельности. Сведения об этих «проектах» зачастую носят крайне разрозненный характер. Известно, что в ряде случаев Пекин предоставляет Бишкеку финансовые ресурсы в виде кредитов или грантов для закупки техники китайского производства. В частности, в 2006 году Китай предоставил Кыргызстану грант на сумму 4,4 млн. долларов на поставку сельскохозяйственной техники¹⁰⁴.

Техническая помощь

Китай неоднократно предоставлял правительству Кыргызстана гранты на решение различного рода значимых для республики задач.

Гранты на развитие аграрной и социальной инфраструктуры КР. Китай предоставил Кыргызстану ряд грантов на развитие аграрной инфраструктуры¹⁰⁵, строительство школ и больниц. Общая сумма данных грантов оценивается в 9,1 млн. долларов¹⁰⁶.

Грант на финансирование саммита ШОС. В 2007 году Китай предоставил правительству Кыргызстана грант в 7,4 млн. долларов на организацию и проведение в том же году саммита ШОС в г. Бишкеке¹⁰⁷.

¹⁰⁴ *Sébastien Peyrouse*. Там же. – Р.27.

¹⁰⁵ Строительство различных построек, развитие ирригационной системы и т.п.

¹⁰⁶ *Н.Касенова*. Там же. – С.22.

¹⁰⁷ Там же.

Выводы

За рамками торговой сферы экономическое присутствие Китая в Кыргызстане все еще незначительно. По большому счету Пекин отводит данной центральноазиатской республике в основном лишь роль транзитера китайской продукции, главным образом, товаров широкого потребления. Масштабы же проектно-инвестиционной активности КНР в КР все еще крайне незначительны, что свидетельствует о второстепенности кыргызского направления в экономической стратегии Китая в Центральной Азии. В какой-то степени, это определяется и малым размером экономики Кыргызстана, фактическим отсутствием в республике крупных промышленных объектов и запасов стратегически важных для КНР углеводородных ресурсов, а также достаточно сложной социально-экономической и внутривнутриполитической ситуацией в КР.

Теоретически рост интереса Китая к Кыргызстану мог бы быть связан с масштабными проектами в гидроэнергетической и горнодобывающей отраслях, а также транспортно-коммуникационной сфере. Однако на практике существует целый ряд обстоятельств, значительно снижающих вероятность реализации крупных китайских проектов в обозначенных выше секторах.

Во-первых, тот же гидроэнергетический потенциал Кыргызстана, несмотря на всю свою привлекательность для Китая¹⁰⁸, вряд ли будет задействован в ближайшем будущем. Вокруг планов Бишкека по строительству крупных гидроэнергетических объектов складывается весьма непростая ситуация, грозящая осложнением отношений Кыргызстана прежде всего с Узбекистаном, а также, возможно, Казахстаном. Ташкент и Астана считают, что намечаемое строительство Камбаратинской ГЭС как минимум нарушит водный баланс региона, нанесет большой ущерб экологии и их аграрному сектору. Особенно жесткую позицию в данном плане занимает Узбекистан, являющийся крупнейшим потребителем водных ресурсов Сырдарьи, формирование ко-

¹⁰⁸В первую очередь для развития энергоемких производств (например, по добыче минерально-сырьевых ресурсов) на территории КР и экспорта электроэнергии в приграничные районы КНР.

торых происходит на территории Кыргызстана. В итоге, водно-энергетический вопрос, как представляется, вряд ли будет решен в кратко- и даже среднесрочной перспективе. Учитывая это, Китай, скорее всего, не станет форсировать свое участие в крупных гидроэнергетических проектах в Кыргызстане.

Во-вторых, горнодобывающая отрасль КР теоретически также могла бы представлять значительный экономический интерес для КНР. Однако на практике Бишкек пока проявляет крайнюю осторожность в отношении масштабного допуска китайских компаний к своим минерально-сырьевым ресурсам. По всей вероятности, Кыргызстан справедливо опасается окончательного поглощения Китаем своей, по сути, крошечной национальной экономики. Скорее всего, именно по этой причине КР не проявляет особого энтузиазма и к предложениям Пекина предоставить беспрепятственный доступ к стратегическим месторождениям драгоценных и цветных металлов в обмен на китайские инвестиции и кредиты. Это в какой-то степени сдерживает и развитие крупных китайских проектов в гидроэнергетической и транспортной отраслях Кыргызстана¹⁰⁹.

В-третьих, безусловно, что Кыргызстан потенциально может занять достаточно важное место в продвигаемой Китаем схеме сухопутных евразийских коммуникаций, в частности, в рамках тех же транспортных мостов «Китай – Центральная Азия – Европа» и «Китай – Центральная Азия – Средний и Ближний Восток». Однако перспективы реализации столь масштабных проектов представляются все еще неясными из-за сохраняющейся фрагментации экономического, в первую очередь транспортного и таможенного пространства Центральной Азии. Данная фрагментация определяет высокие издержки перевозок при пересечении центральноазиатского региона. Высокие затраты на транспортировку грузов по Центральной Азии делают экономически невыгодным (по крайней мере, на современном этапе) строительство все той же стратегически важной железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Тем более с учетом того, что

¹⁰⁹Так как их реализация могла бы быть связана с освоением минерально-сырьевой базы КР.

данную магистраль придется прокладывать по высокогорной местности, где высота проведения работ местами будет достигать около 3500 метров над уровнем моря, ее строительство, по оценкам самих китайских специалистов, будет стоить очень дорого – около 2 млрд. долларов.

В результате, реализация крупных экономических проектов КНР в КР представляется крайне маловероятной, особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса. В этой связи, можно предположить, что в краткосрочной перспективе масштабы экономического присутствия Китая в Кыргызстане останутся примерно на нынешнем уровне и, скорее всего, не будут существенно выходить за рамки торговой сферы и предоставления кредитов на те или иные небольшие, хотя, возможно, и значимые социально-экономические проекты. При этом есть все основания полагать, что, по мере выхода из кризиса, а также в случае интенсификации экономического сотрудничества в самой Центральной Азии и урегулирования жизненно важного для региона водно-энергетического вопроса, процесс экономического проникновения Китая в Кыргызстан только интенсифицируется.

Глава IV. Экономическое присутствие Китая в Таджикистане

Основные тезисы

- Практически вплоть до середины первого десятилетия XXI века экономическое присутствие Китая в Таджикистане было минимальным, ограничиваясь периодическими поставками небольших партий китайских товаров широкого потребления. В частности, в период 1992–2003 годов китайский экспорт в Таджикистан был на уровне от 5 до 15 млн. долларов в год, а таджикские поставки в Китай фактически отсутствовали.
- По сути лишь открытие в 2004 году прямого автодорожного сообщения между Таджикистаном и Китаем через перевал «Кульма», а также инициативы Пекина по кредитованию таджикской экономики положили начало китайскому экономическому проникновению в эту центральноазиатскую республику. В течение 2004–2008 годов объемы поставок из Китая в Таджикистан достигли 646 млн. долларов, а общий товарооборот составил 755 млн. долларов.
- Крайне показательно, что всего лишь за несколько лет, в период 2005–2009 годов, Китай и китайские компании заняли достаточно прочные позиции во всех ключевых отраслях таджикской экономики, в том числе электроэнергетике, горнодобывающей, транспортной и телекоммуникационной отрасли. Причем Китай стал главным кредитором Таджикистана, существенно опередив международные финансовые структуры и другие страны. Объемы китайских финансовых ресурсов в республике на начало 2009 года оцениваются в размере не менее 732 млн. долларов, включая

600 млн. долларов кредитов, 50 млн. долларов инвестиций и 82 млн. долларов приобретенных активов.

- Характер экономической политики Китая в Таджикистане представляется неоднозначным. С одной стороны, китайские финансы и проекты поддерживают экономику Таджикистана, тем более, что республика остро нуждается в помощи из вне. С другой стороны, подавляющее большинство китайских финансовых ресурсов в таджикской экономике (свыше 80%) – это кредиты, т.е. долги, которые Душанбе в силу объективных и субъективных причин вряд ли сможет вернуть. Это, в свою очередь, создает предпосылки для попадания Таджикистана в «долговую кабалу». В итоге, среди всех республик Центральной Азии именно Таджикистан близок к тому, чтобы быть де-факто «экономически поглощенным» Китаем. Пока трудно сказать, как это скажется на экономическом развитии и социальной стабильности республики. Очевидно лишь одно: погружение Таджикистана в «долговую яму» будет только способствовать дальнейшему усилению экономических позиций Китая в этой стране и соответственно влияния Пекина в Центральной Азии.
- В краткосрочной перспективе и особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса проектно-инвестиционная активность Китая и китайских компаний, скорее всего, останется примерно на нынешнем уровне. По мере же преодоления негативных последствий мирового кризиса, процесс китайского проникновения в таджикскую экономику только интенсифицируется. Тем более, что Таджикистан в отличие от других центральноазиатских стран не испытывает особых опасений в отношении «экономической экспансии» Китая.

Дипломатические отношения между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан (РТ) были установлены 4 января 1992 года. В то же время, вплоть до середины первого десятилетия XXI века, экономическое присутствие Китая в Таджикистане носило скорее символический характер, ограничиваясь лишь челночной торговлей, причем в незначительных масштабах. На протяжении 1992–2003 годов ежегодные объемы китайско-таджикской торговли колебались в диапазоне от 5 до 15 млн. долларов в год.

Слабость китайско-таджикских экономических связей в 90-е годы и в начале первого десятилетия этого века в основном обуславливалась гражданской войной в РТ в период 1992–1996 годов, а после этого – хрупкой внутривнутриполитической ситуацией в стране: достаточно трудным и длительным процессом установления гражданского мира. Помимо этого, немаловажным фактором, осложнявшим развитие китайско-таджикских отношений, была географическая изоляция КНР и РТ. Хотя Таджикистан и имеет общую границу с Китаем (более 500 километров), однако долгое время она была недоступной для развития тех же торговых отношений, так как проходила по высокогорной местности, где отсутствовала транспортная инфраструктура. В результате транспортировка тех же китайских товаров в Таджикистан осуществлялась через территории других стран: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана.

Перелом в китайско-таджикских экономических отношениях наступил осенью 2004 года, когда открылось прямое автомобильное сообщение между КНР и РТ через перевал «Кульма» (пока функционирует только в летнее время). Практически одновременно Пекин начал предоставлять Таджикистану льготные кредиты под закупку китайских товаров. Все это привело к кардинальной интенсификации китайско-таджикской торговли. Так за период 2004–2008 годов объемы китайских поставок в Таджикистан увеличились более чем в 20 раз – с 29 до 646 млн. долларов, а сам товарооборот увеличился с 32 до 755 млн. долларов (таблица 8).

Таблица 8. Торговля Китая с Таджикистаном (период 1998–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Таджикистан, млн. долларов США	Поставки в Китай из Таджикистана, млн. долларов США
1992	*	*	*
1993	*	*	*
1994	*	*	*
1995	*	*	*
1996	*	*	*
1997	*	*	*
1998	6	*	*
1999	5	*	*
2000	15	*	*
2001	*	*	*
2002	*	*	*
2003	15 (38)	15	0
2004	32 (69)	29	3
2005	229 (285)	185	44
2006	313 (350)	241	72
2007	684 (1050)	583	101
2008	755 (1165)	646	109

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Таджикистана (Tajikistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009); данные в скобках за период 2003–2008 годов – Министерство коммерции Китайской Народной Республики.

Примечание. (*) означает, что данные по объемам товарооборота за периоды 1992–1997 и 2001–2002 годов, экспорта и импорта Китая за период 1992–2002 годов отсутствуют.

Значительный рост объемов торговли пришелся на 2007 год, когда товарооборот между Китаем и Таджикистаном вырос более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом и составил 684 млн. долларов (порядка 15,7% таджикского товарооборота). Объемы таджикских поставок в Китай составили порядка 101 млн. долларов (около 6,2%

экспорта Таджикистана), а импорта из КНР – 583 млн. долларов (около 21,3% импорта РТ).

В 2008 году товарооборот между Китаем и Таджикистаном увеличился еще примерно на 10% и составил 755 млн. долларов (порядка 16% таджикского товарооборота и 0,03% китайского товарооборота). Объемы таджикских поставок в Китай достигли порядка 109 млн. долларов (около 7,3% экспорта Таджикистана, 0,01% китайского импорта), а импорта из КНР – 646 млн. долларов (около 20% импорта Таджикистана, 0,045% экспорта Китая).

Структура китайско-таджикской торговли свидетельствует об экспортно-сырьевой ориентации Таджикистана. Поставки из Таджикистана включают преимущественно хлопковое волокно и алюминий (свыше 95–97%), а поставки из Китая состоят в основном из продовольствия, товаров широкого потребления, а также в несколько меньшей степени – машин и оборудования (практически 100%).

Расхождения в статистике и т.н. челночная торговля. Согласно данным китайской статистики, товарооборот между КНР и РТ за период 2003–2008 годов в среднем на 45% превышал объемы, приводимые таджикской статистикой. По-видимому, как и в случае с большинством остальных стран региона, данное расхождение связано с т.н. челночной торговлей (хотя и не столь значительной, как в случае с Казахстаном и Кыргызстаном), практически не учитываемой статистическими органами Таджикистана.

Наряду с интенсификацией китайско-таджикской торговли и увеличением финансовой активности КНР в РТ, мощный импульс получил процесс проникновения Китая и китайских компаний в различные отрасли таджикской экономики. Решающую роль здесь сыграла уже апробированная на других странах региона тактика предоставления льготных кредитов на различные проекты, имеющие важное экономическое и социальное значение. Данные кредиты, как правило, осваиваются китайскими же компаниями.

По состоянию на начало 2009 года, в Таджикистане функционировало около 40 китайско-таджикских совместных предприятий¹¹⁰, а общий объем китайских кредитов и инвестиций в Таджикистане оценивался не менее, чем в 640 млн. долларов. Причем «львиная доля» китайских финансов в экономике Таджикистана представлена кредитами, общая сумма которых, согласно проведенным расчетам, составляет более 600 млн. долларов. Прямые же инвестиции КНР в экономику РТ невелики и составляют около 36 млн. долларов, хотя по другим оценкам – порядка 50 млн. долларов¹¹¹. Помимо этого, китайские компании приобрели в Таджикистане активов на сумму более 81,6 млн. долларов.

Проекты в электроэнергетической отрасли

С середины первого десятилетия нынешнего века Китай стал проявлять повышенный интерес к электроэнергетической отрасли Таджикистана. Безусловно, что этот интерес носит стратегический характер, так как без введения новых энергетических мощностей, создания и развития соответствующей инфраструктуры невозможна реализация многих других проектов, в первую очередь по добыче минерально-сырьевых ресурсов.

Планы по строительству Зеравшанской ГЭС (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В январе 2007 года китайская компания Sinohydro подписала с правительством Таджикистана контракт на строительство ГЭС на реке Зеравшан мощностью 150 МВт. Годовая выработка электроэнергии после ее ввода в строй планировалась в объеме 537 млн. кВт/ч. Данный проект, оценочной стоимостью 260 млн. долларов, должен был финансироваться под кредит ЭКСИМ-банка КНР¹¹². Однако уже в июле 2007 года Sinohydro

¹¹⁰Председатель КНР Ху Цзиньтао провел встречу с президентом Таджикистана Э.Рахмоном. / Сайт Посольства Китая в Таджикистане, 15 июня 2009 года, <http://www.tj.china-embassy.org/rus/xwtd/t569228.htm>

¹¹¹*Н.Касенова*. Там же. – С.19.

¹¹²Китайские и таджикские предприниматели установили новые экономические связи. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 17 января 2008 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1186517400>

приостановила реализацию данного проекта. Главная причина этого заключается в том, что соседний Узбекистан настаивает на международной экспертизе подобного рода проектов, полагая, что их непродуманное строительство может привести к негативным последствиям, в том числе дефициту воды в районах, расположенных в нижней части бассейна реки Амударья.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Юг – Север». В 2006 году китайская компания Tebian Electric Apparatus Stock Company (ТВЕА) приступила к строительству линии электропередач ЛЭП-500 «Юг – Север» протяженностью более 350 километров. Данная ЛЭП объединит южную и северную части страны в единую систему электроснабжения¹¹³. Кредитование проекта в размере 267 млн. долларов осуществляется ЭКСИМ-банком КНР.

Строительство высоковольтной линии электропередач «Лолазор – Хатлон» (Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). Проект был реализован на основе соответствующего межправительственного соглашения. В период 2006–2008 годов китайская компания ТВЕА построила линию электропередач ЛЭП-220 «Лолазор – Хатлон» протяженностью около 90 километров, которая позволила обеспечить населенные пункты Кулябского района Хатлонской области РТ электроэнергией, производимой на ГЭС «Сангтуда-1» и «Сангтуда-2». Общая стоимость проекта составила 58 млн. долларов, 55 из которых были покрыты кредитом ЭКСИМ-банка КНР¹¹⁴.

Планы по подготовке к строительству Нурабадской ГЭС-2 (23 километра от устья реки Обинхингоб – притока реки Вахш, Хатлонская область, юго-западная часть Таджикистана). В августе 2008 года китайская компания Sinohydro подписала меморандум с Министерством энергетики и промышленности Таджикистана о строительстве гидроэлектростанции на реке Обинхингоб – Нурабадской ГЭС-2 с проектной мощностью 200 МВт и ежегодной выработкой электроэнер-

¹¹³Строительство планируется завершить к 2010 году.

¹¹⁴Информационное агентство «Азия Плюс» (Таджикистан), 25 августа 2008 года, <http://www.asiaplus.tj/news/16/33613.html>

гии в объеме 740 млн. кВт/ч¹¹⁵. Согласно документу, китайская компания берет на себя обязательства по проектированию и строительству «под ключ» Нурабадской ГЭС-2, включая прокладку двухцепной линии электропередач 220 кВ от открытого распределительного устройства (ОРУ) Нурабадской ГЭС-2 до ОРУ Нурабадской ГЭС-1. Ориентировочная стоимость проекта – примерно 200 млн. долларов¹¹⁶. Расходы полностью берет на себя китайская сторона. Проект находился на стадии разработки ТЭО¹¹⁷.

Проекты в транспортной отрасли

Начиная примерно с 2004 года, Китай стал финансировать и проекты в транспортной отрасли Таджикистана, что предусматривает прежде всего строительство и реконструкцию автодорог. В условиях, когда большая часть республики покрыта горными массивами, затрудняющими транспортное сообщение между различными областями РТ, данные проекты являются стратегически важными и для развития экономики самого Таджикистана.

Причем наиболее значимым для РТ является обеспечение развитой и круглогодичной транспортной связи между северной частью страны, Согдийской областью (где сосредоточено большинство промышленных объектов Таджикистана), и южными областями. В зимнее время большинство транспортных перевозок между севером и югом Таджикистана традиционно осуществлялось в основном через Узбекистан. Однако Душанбе стремится к достижению транспортной независимости.

¹¹⁵Китайская компания Sinohydro намерена построить Нурабадскую ГЭС-2. / Информационное агентство «Фергана.Ру» (Россия), 15 августа 2008 года, <http://www.fergana.ru/news.php?id=9919>

¹¹⁶Источник: Институт мировой экономики и политики при Фонде первого президента Казахстана, 16 октября 2008 года, http://www.iwep.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=1905&Itemid=65

¹¹⁷По состоянию на 2009 год.

Реконструкция автомобильной трассы «Душанбе – Худжанд – Чанак». Проект стартовал в 2006 году, реализуется на основе межправительственного соглашения от 2005 года и предполагает реконструкцию автотрассы, связывающей столицу РТ с северными районами республики. Протяженность автомобильной дороги составляет 354 километра. Строительные работы осуществляет китайская компания China Road and Bridge. Помимо восстановления дорожного полотна, компания также ведет пробивку нескольких горных туннелей и возведение противолавинных галерей¹¹⁸. ЭКСИМ-банк предоставил на реализацию данного проекта 282 млн. долларов¹¹⁹.

Строительство автомобильного туннеля «Шахристан» (180 километров севернее г. Душанбе). Строительство началось в августе 2006 года и осуществляется китайской компанией China Road and Bridge на средства кредита, предоставленные ЭКСИМ-банком КНР на реконструкцию автомобильной трассы «Душанбе – Худжанд – Чанак». Туннель протяженностью 5 километров пройдет под перевалом «Шахристан»¹²⁰. По заявлению руководства РТ, туннель является стратегически важным объектом и имеет большое значение для автотранспортного сообщения между севером и югом страны, а также обеспечения международных транзитных перевозок. В строительстве задействовано более 2 тысяч таджикских рабочих. Стоимость проекта оценивается в 51,7 млн. долларов¹²¹.

¹¹⁸Предполагается, что к середине 2010 года – после завершения всех работ, автотрассу можно будет использовать круглогодично.

¹¹⁹*Н. Касенова.* Там же. – С.16.

¹²⁰Ввод туннеля в эксплуатацию был запланирован на август 2009 года, однако, в связи с нарушением графика строительных работ сроки ввода «Шахристан» в эксплуатацию были перенесены. / Сайт Министерства транспорта и коммуникаций Республики Таджикистан, 20 августа 2009 года, http://www.mintranscom.tj/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=116&Itemid=112

¹²¹Составная часть кредита ЭКСИМ-банка в объеме 282 млн. долларов на проект по реабилитации автодороги «Душанбе – Худжанд – Чанак».

Строительство автомобильного туннеля «Шар-Шар» (80 километров юго-восточнее г. Душанбе). Строительство, которое ведет китайская компания Chinese Railway Company, началось в 2006 году¹²². Проект предусматривает сооружение туннеля длиной 2,2 километра по дороге «Душанбе – Куляб»¹²³. Бюджет проекта составляет 38 млн. долларов, 30 млн. из которых предоставлены китайской стороной в виде правительственного гранта.

Проекты в горнодобывающей и металлургической отраслях

Начиная с 2007 года, Китай стал проявлять значительный интерес к запасам драгоценных и цветных металлов в Таджикистане: на современном этапе – золота и алюминия, а в перспективе – цинка и серебра. Как представляется, этот интерес связан со стратегическими планами Пекина по развитию машиностроительной, авиационной и аэрокосмической отраслей КНР. Именно в этом контексте стал рассматриваться и Таджикистан, где еще в советское время было налажено производство алюминия и обнаружены промышленные запасы золота, а также некоторых других цветных металлов.

Освоение золотоносных месторождений в Пенджикентском районе Согдийской области (северная часть Таджикистана). В 2007 году китайская горнопромышленная корпорация ZiJin Mining Group Co. Ltd. приобрела за 55 млн. долларов у британской фирмы Avocet Mining Plc. 75% акций таджикско-британского СП «Зеравшан»¹²⁴ и создала на его базе горнопромышленную компанию ZiJin. Разведанные запасы месторождения составляют 158 тонн золота. В среднем добывается около 1,8 тонны золота в год¹²⁵. Китайская компания уже инвести-

¹²²Китайцы построят в Таджикистане два стратегически важных туннеля. / Информационный портал PostBackUSSR (Россия), 24 июля 2006 года, http://www.pbussr.ru/index.php?razdel=8&condition=show_news&id=15005

¹²³Завершение работ было запланировано на конец 2009 года.

¹²⁴25% акций остались в собственности правительства Таджикистана.

¹²⁵СП «Зеравшан» увеличило объем добычи золота в полтора раза. / Информационное агентство «Фергана.Ру» (Россия), 24 сентября 2007 года, <http://www.ferghana.ru/news.php?id=7175&mode=snews>

ровала около 6 млн. долларов в этот проект и к 2010 году планировала довести добычу золота до 5 тонн в год. По некоторым данным, всего Zijin была намерена вложить 146 млн. долларов и в дальнейшем довести объемы ежегодной добычи золота до 7 тонн¹²⁶.

Следует отметить, что СП «Зеравшан» – одно из крупных предприятий горнодобывающей отрасли Таджикистана, имеет практически завершенный технологический цикл: добыча, переработка и металлургия. Основной сырьевой базой предприятия являются золотосодержащие коренные руды месторождений «Джилау» и «Тарор» в Согдийской области.

Планы строительства заводов по производству фтористого алюминия и криолита в Хатлонской области (юго-западная часть Таджикистана). В 2008 году Китайская государственная компания по тяжелому машиностроению (СНМС) и таджикская алюминиевая компания «Талко» подписали контракт на строительство двух предприятий по производству фтористого алюминия и криолита. Строительство, оцениваемое в 1 млрд. долларов, планируется осуществлять в рамках пятилетней программы, согласно которой в республике будет создано более 15 тыс. рабочих мест. В качестве соинвесторов по строительству предприятий предполагалось привлечь Европейский банк реконструкции и развития, а также Азиатский банк развития¹²⁷.

¹²⁶Китайская Zijin инвестирует \$146 млн. в развитие золотодобычи в Таджикистане. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 31 июля 2008 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1217496660>

¹²⁷Таджикистан и Китай подписали контракт на строительство двух новых заводов. / Информационное агентство DAILYSTROY (Россия), 20 мая 2008 года, <http://www.dailystroy.ru/news/91341.html>

Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи

Еще в начале первого десятилетия наступившего века китайский бизнес обозначил присутствие на телекоммуникационном рынке Таджикистана. В настоящее время в республике работают компании ZTE и Huawei Technologies Co. Ltd., которые реализуют в РТ целый ряд проектов. Информация об этом носит отрывочный характер.

Строительство станций связи в г. Душанбе и г. Курган-Тюбе. В 2002 году китайская компания ZTE получила контракт на строительство станций связи в г. Душанбе и г. Курган-Тюбе¹²⁸.

Кодификация таджикской национальной сети CDMA. В 2003 году компания ZTE получила контракт на кодификацию таджикской национальной сети CDMA¹²⁹.

Строительство сети беспроводного широкополосного доступа в Интернет. В 2007 году Китайская компания Huawei Technologies Co. Ltd. приобрела за 26,6 млн. долларов таджикскую компанию-оператора мобильной связи ООО «Вавилон-Т» и построила сеть беспроводного широкополосного доступа в Интернет по технологии WiMAX. На сегодняшний день «Вавилон-Т» является крупнейшим по числу абонентов оператором мобильной связи в Таджикистане, имеет лицензии на GSM-900/1800 и оказание услуг 3G¹³⁰.

¹²⁸ *Sébastien Peyrouse*. Там же. – Р.43.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Huawei Technologies заключил контракт на поставку оборудования для сети WiMAX для оператора Babilon-T в Таджикистане. / Информационный портал «ПРАЙМ-ТАСС Бит» (Россия), 15 января 2008 года, <http://www.bit.prime-tass.ru/news/show.asp?id=54889&ct=Telecom>

Выводы

Начиная с середины первого десятилетия наступившего века масштабы китайского экономического присутствия в Таджикистане постоянно растут и уже представляются существенными, учитывая размеры экономики республики. Особое значение китайский фактор оказывает на развитие электроэнергетики, связи и автотранспортных коммуникаций. При этом складывается впечатление, что именно на примере РТ наиболее заметна логика обрабатываемой КНР схемы планомерного проникновения и закрепления в экономиках стран ЦА.

С целью дальнейшего расширения своего присутствия в Таджикистане, Пекин намерен продолжить практику кредитования таджикской экономики. В этой связи крайне показательным является заявление председателя КНР Ху Цзиньтао в ходе его визита в г. Душанбе в августе 2008 года о том, что ЭКСИМ-банк рассматривает возможность предоставления Таджикистану еще около 400 млн. долларов льготных кредитов¹³¹. В свою очередь, таджикское руководство, скорее всего, будет по-прежнему всемерно содействовать китайскому проникновению в экономику страны. Это связано с тем, что Китай является по сути безальтернативной страной, которая в условиях неоправдавшихся у Душанбе надежд на иностранные, в том числе российские инвестиции, потенциально способна осуществлять кредитование экономики Таджикистана и реализовывать в республике крупные проекты.

Как представляется, основным интересом КНР будет по-прежнему затрагивать горнодобывающую и металлургическую отрасли и сектора их обслуживающие – гидроэнергетику и транспорт.

Во-первых, растущий интерес к горнодобывающей и металлургической отраслям Таджикистана прежде всего связан с прогнозируемой потребностью Китая в цветных металлах, в первую очередь алюминии, так как Пекин имеет твердое намерение развивать авиационную промышленность / производство аэрокосмической техники. Это потребует больших количеств тех же алюминиевых сплавов. Отнюдь, не случай-

¹³¹ Н. Касенова. Там же. – С.17.

но КНР планирует построить в РТ заводы по производству фтористого алюминия и криолита, а еще в 2007 году китайской стороной началось финансирование строительства алюминиевого завода в Павлодарской области Казахстана. Также не исключено, что Китай попытается приобрести акции Таджикского алюминиевого завода – одного из крупнейших на постсоветском пространстве производителей данного металла. Однако реализация всех этих планов потребует одновременного и значительного увеличения производства электроэнергии, поскольку производство алюминия является чрезвычайно энергоемким¹³². Кроме того, будут необходимы еще более значительные усилия по развитию прямого транспортного сообщения между РТ и КНР.

Во-вторых, учитывая то, что в условиях Таджикистана промышленным источником электроэнергии может быть только гидроэнергетика, это, в свою очередь, будет определять повышенный интерес Китая к строительству гидроэлектростанций. В то же время интенсификация проектно-инвестиционной деятельности КНР в гидроэнергетической отрасли РТ представляется возможной только в случае разрешения болезненного для центральноазиатского региона водно-энергетического вопроса. Дело в том, что Узбекистан и Туркменистан – основные потребители водных ресурсов Амударьи, формирующихся в Таджикистане, настроены против строительства крупных ГЭС в РТ (в частности, Рогунской ГЭС), полагая, что, помимо прочих негативных последствий, это вызовет и острый дефицит воды.

Китай, в принципе, может ориентировать свою проектно-инвестиционную деятельность в гидроэнергетической отрасли РТ и на увеличение выработки электроэнергии на старых объектах, построенных еще в советское время¹³³. Вывод на полную мощность старых ГЭС в Таджикистане позволит без строительства новых объектов энергетики в несколько раз увеличить выработку электроэнергии в республике,

¹³²Более 50% себестоимости товарного алюминия приходится на электроэнергию.

¹³³По состоянию на 2009 год эти объекты (в частности, одна из крупнейших на постсоветском пространстве Нурекская ГЭС) находятся в эксплуатации, но в силу ряда причин вырабатывают электроэнергии ниже своей проектной мощности.

не вызывая при этом недовольства других стран региона¹³⁴. Этому может способствовать и реализация проектов по восстановлению и строительству малых ГЭС.

Как представляется, на начальном этапе данного объема электроэнергии китайским компаниям могло бы быть вполне достаточно. В дальнейшем Китай через возможности двусторонних отношений и механизмы регионального сотрудничества в рамках ШОС мог бы способствовать поиску взаимоприемлемого решения водно-энергетической проблемы. Кроме того, нельзя исключить и того, что в условиях острого дефицита валютных средств, особенно в период мирового финансово-экономического кризиса, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан все же сумеют договориться о возобновлении отработанной в свое время схемы обмена энергетическими и водными ресурсами, существовавшей в бывшем СССР.

В-третьих, вероятность дальнейшего роста интереса Китая к добыче помимо алюминия и других металлов связано с наличием в республике промышленных запасов полиметаллических руд, в частности вольфрама, молибдена, титана, цинка, свинца, крайне востребованных в стремительно развивающихся наукоемких отраслях китайской промышленности. Месторождения этих металлов были разведаны еще в советское время, но у Таджикистана нет средств для их самостоятельного освоения. Тем более, что данное промышленное сырье практически не востребовано для самой таджикской экономики и поэтому может рассматриваться лишь как дополнительный источник получения РТ экспортной выручки.

Однако в целом характер китайского экономического проникновения представляется неоднозначным с точки зрения долгосрочных интересов Таджикистана. С одной стороны, китайские компании осуществляют важные для РТ проекты в тех или иных отраслях экономики, что, несомненно, будет поддерживать экономическое развитие респуб-

¹³⁴Тем более, что проектная мощность построенных в советское время в Таджикистане гидроэнергетических объектов значительно превышает потребности РТ: многие из данных объектов создавались для поставок электроэнергии в промышленные центры Узбекистана.

лики даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса. С другой стороны, подавляющая часть китайских финансовых ресурсов в таджикской экономике (свыше 80%) – это кредиты, т.е. долги, которые Таджикистану уже в краткосрочной перспективе придется возвращать с процентами (пусть даже и не столь большими).

Вряд ли таджикское руководство сможет расплатиться по всем кредитам, а это, в свою очередь, создает предпосылки для попадания республики в «долговую кабалу» и даже утраты экономической независимости. Как представляется, в Китае не могут не понимать того, что Таджикистан не способен расплатиться по всем кредитам. Поэтому Пекин, по-видимому, прагматично рассчитывает на то, что Душанбе в качестве платы будет предоставлять беспрепятственный доступ к минерально-сырьевым ресурсам и/или покрывать долг контрольными пакетами акций своих стратегических предприятий.

В то же время в краткосрочной перспективе, в условиях мирового кризиса, проектно-инвестиционная деятельность компаний из КНР в РТ, скорее всего, останется примерно на нынешнем уровне. Прежде всего, это связано с вероятным ослаблением внешнеэкономической активности китайских компаний вообще в период кризиса, тем более, что Таджикистан не входит в сферу энергетических интересов Китая. При этом сроки реализации некоторых китайских проектов в Таджикистане, возможно, сдвинутся на более позднее время.

В средне- и долгосрочной перспективе, в первую очередь по мере преодоления мирового кризиса, процесс китайского проникновения в таджикскую экономику, скорее всего, только интенсифицируется. Таджикистан в отличие от остальных стран Центральной Азии не испытывает особых опасений по поводу экономической экспансии Китая и китайских компаний и, даже наоборот, всячески содействует этому.

В итоге, в настоящее время среди всех центральноазиатских государств Таджикистан наиболее остро нуждается в помощи Китая и одновременно наиболее близок к тому, чтобы быть де-факто «экономически поглощенным» КНР. Пока трудно сказать, как это скажется на экономическом развитии и социальной стабильности РТ. На сегодняшний день очевидно лишь одно: погружение Таджикистана в китайскую «долговую яму» будет способствовать не только усилению позиций Китая в этой стране, но и расширению влияния Пекина во всем регионе.

Глава V. Экономическое присутствие Китая в Туркменистане

Основные тезисы

- Вплоть до середины первого десятилетия XXI века Китай особо не стремился к расширению своего экономического присутствия в Туркменистане, что во многом определялось географической удаленностью двух государств друг от друга. Процесс китайского экономического проникновения в Туркменистан стал активно развиваться лишь после 2006 года, когда Пекин четко обозначил свой долгосрочный стратегический интерес к газовым ресурсам этого центральноазиатского государства.
- Если в период 1992–2006 годов китайский экспорт в Туркменистан не превышал 110 млн. долларов в год, а двустороннего товарооборота – 125 млн. долларов, то в 2008 году объемы китайских поставок достигли уже 568 млн. долларов, а общий товарооборот – 663 млн. долларов. Одновременно стал наблюдаться стремительный рост проектно-инвестиционной активности Китая и китайских компаний в нефтегазовой отрасли Туркменистана, а также отраслях, представляющих особый интерес для самого Ашгабата. На начало 2009 года объемы китайских финансовых ресурсов в туркменской экономике достигли более 1,1 млрд. долларов, включая порядка 700 млн. долларов – кредитов и 450 млн. долларов – инвестиций.
- Основное внимание Китая к Туркменистану, скорее всего, и в дальнейшем будет фокусироваться на нефтегазовой отрасли: освоении газовых месторождений, добыче и экспорте газа в КНР. При этом проектно-инвестиционная активность Китая Туркменистана будет возрастать даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса

и низких цен на энергоносители. Бесперебойное снабжение китайской экономики углеводородами, диверсификация маршрутов их поставок является для Китая принципиально важным вопросом, и в данном случае Пекин будет продолжать руководствоваться не столько коммерческими, сколько стратегическими соображениями.

- В то же время рост присутствия Китая в нефтегазовой отрасли Туркменистана способен привести к конфликту российских и китайских энергетических интересов. Поставки туркменского газа играют немаловажную роль в обеспечении энергетической безопасности России, и по этой причине Москва сама крайне заинтересована в импорте туркменского газа.
- На современном этапе Ашгабат проводит политику активного балансирования между реальными и потенциальными покупателями туркменского газа. С одной стороны, многое будет зависеть от того, насколько гибкую и грамотную политику выстроит Туркменистан в отношениях с Россией, Китаем и другими государствами и транснациональными корпорациями, заинтересованными в поставках туркменского газа. С другой стороны, далеко не последнее слово останется за самими Россией и Китаем, если они сумеют выработать приемлемую для обоих государств формулу экономического сотрудничества в Центральной Азии, апробировав ее и на Туркменистане.

Несмотря на то, что дипломатические отношения между двумя странами были установлены практически сразу же после распада СССР, 6 января 1992 года, вплоть до середины первого десятилетия XXI века Китай не проявлял особой активности в Туркменистане. Масштабы присутствия китайских производителей на туркменском рынке долгое время не были заметны даже на фоне внешнеторговых

связей самого Туркменистана. В период 1992–2006 годов объемы поставок товаров из Китая не превышали 110 млн. долларов в год, а двустороннего товарооборота – 125 млн. долларов (около 1,8% от товарооборота Туркменистана).

Некоторый рост объемов торговли пришелся на 2007 год, когда товарооборот увеличился в 3 раза, достигнув 377 млн. долларов (порядка 3,96% туркменского товарооборота), где объемы самих туркменских поставок все еще не превышали 63 млн. долларов (0,96% экспорта Туркменистана), а объемы поставок китайских товаров увеличились со 107 до 314 млн. долларов (10,4% импорта Туркменистана).

В 2008 году китайско-туркменский товарооборот вырос еще на 76% и составил уже 663 млн. долларов (порядка 4,1% туркменского, 0,03% китайского товарооборота). Объемы туркменских поставок в Китай вышли на уровень 95 млн. долларов (0,8% экспорта Туркменистана, 0,008% китайского импорта), а поставок из Китая – 568 млн. долларов (12,7% импорта Туркменистана, порядка 0,04% китайского экспорта) (таблица 9).

Таблица 9. Торговля Китая с Туркменистаном (период 1997–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Туркменистан, млн. долларов США	Поставки в Китай из Туркменистана, млн. долларов США
1992	*	*	*
1993	*	*	*
1994	*	*	*
1995	*	*	*
1996	*	*	*
1997	19	*	*
1998	24	*	*
1999	29	22	7
2000	37	26	11
2001	47	*	*
2002	91	88	3
2003	122 (100)	103	19
2004	117 (102)	100	18

2005	105 (114)	89	16
2006	125 (133)	107	18
2007	377 (400)	314	63
2008	663 (680**)	568	95

Источники: данные за период 1997–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009); данные в скобках за период 2003–2007 годов – Министерство коммерции Китайской Народной Республики. (*) – данные отсутствуют; (**) – оценочные данные Министерства коммерции КНР за 2008 год.

Сложившаяся на протяжении последних нескольких лет структура китайско-туркменской торговли показывает, что почти весь китайский экспорт в Туркменистан составляют машины и оборудование, предназначенные в основном для реализации проектов китайских компаний в туркменской нефтегазовой отрасли.

Например, по итогам 2007 года, ассортимент поставок из Китая состоял в основном из продукции машиностроения и металлообработки (около 90%). В свою очередь, поставки из Туркменистана в Китай включали в основном энергоносители (около 81%), а также хлопковое волокно и другие виды текстильного сырья (порядка 6%) (таблица 10).

Таблица 10. Товарная структура торговли Китая с Туркменистаном (2007 год)

Наименование	Поставки из Китая в Туркменистан		Поставки в Китай из Туркменистана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Текстильное сырье	-	-	6	9,5
Энергоносители	-	-	51	81
Машины и оборудование	283	90,2	-	-
Продовольствие	21	6,8	-	-

и товары широкого потребления				
Прочее	10	3,0	6	9,5
Всего	314	100	63	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Туркменистана (Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2008).

Расхождения в статистике и т.н. челночная торговля. Характерно, что в случае с Туркменистаном данные китайской статистики по двустороннему товарообороту примерно соответствуют данным туркменской статистики. Так, по данным статистических органов Китая, суммарный двусторонний торговый оборот за период 2003-2008 годов составил около 1506 млн. долларов, что примерно соответствует данным статистики Туркменистана (1532 млн. долларов). По-видимому, доля т.н. челночной торговли в китайско-туркменских отношениях крайне мала.

Как представляется, все еще несущественные масштабы двусторонней торговли и китайского торгового присутствия в Туркменистане связаны прежде всего с географической удаленностью двух государств друг от друга (как минимум на 1500 километров). В условиях существующей транспортно-коммуникационной схемы в Центральной Азии, это обуславливает необходимость пересекать границы как минимум двух стран (Казахстана и Узбекистана, или Кыргызстана и Узбекистана) при транспортировке грузов по суше. На этом фоне приграничная торговля Туркменистана, в том числе и т.н. челночная, была и остается замкнутой преимущественно на соседний Иран.

Тенденция роста экономической активности КНР в Туркменистане стала наблюдаться лишь со второй половины первого десятилетия XXI века, когда Пекин четко обозначил свой интерес к газовым ресурсам этого центральноазиатского государства. В апреле 2006 года в ходе визита президента Туркменистана в Китай было подписано 7 двусторонних документов, главным из которых стало соглашение между Министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресур-

сов Туркменистана и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК) о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли. Китайским компаниям был открыт доступ к освоению нефтегазовых месторождений в Туркменистане как на суше, так и на шельфе Каспийского моря¹³⁵. В рамках указанного соглашения о сотрудничестве была достигнута договоренность о реализации проекта строительства газопровода из Туркменистана в Китай и продаже туркменского газа в КНР.

Необходимо отметить, что интерес Пекина к освоению туркменских газовых ресурсов совпал по времени с интересом самого Ашгабата к диверсификации своих внешних связей. Туркменистан стремился кардинально снизить зависимость от России в плане маршрутов транспортировки газа и кроме того был заинтересован в полноценном развитии своей экономики, а не только ее сырьевых секторов. Как представляется, во многом именно совпадение стратегических интересов Китая и Туркменистана предопределило тот факт, что после подписания всех указанных выше соглашений, китайское экономическое проникновение в Туркменистан резко интенсифицировалось, и стало затрагивать помимо нефтегазовой отрасли и целый ряд других отраслей, приоритетных для Ашгабата.

При этом Китай стал активно использовать уже отработанный на других странах Центральной Азии финансовый механизм, который заключается в предоставлении льготных кредитов на те или иные экономические проекты. Данные кредиты, как правило, осваиваются самими же китайскими компаниями, равно как и поставки оборудования для реализации указанных проектов осуществляются в основном из самого Китая. Взамен же финансовой поддержки Туркменистан предоставил Китаю достаточно широкий доступ в свою нефтегазовую отрасль.

По состоянию на начало 2009 года, в Туркменистане было зарегистрировано 17 совместных китайско-туркменских предприятий, реали-

¹³⁵Примечательно, что согласно законодательству Туркменистана для разработки иностранными компаниями доступны только шельфовые месторождения. Исключение в данном плане было сделано только лишь для китайской КННК и частной российской компании «ИТЕРА» (официально данная компания является международной, а не российской).

зовывалось более 46 инвестиционных проектов. Общие объемы китайских финансовых ресурсов в экономике Туркменистана оцениваются не менее чем в 1,1 млрд. долларов, включая порядка 707 млн. долларов кредитов и примерно 446 млн. долларов инвестиций. Причем часть финансовых ресурсов КНР в Туркменистане (около 200 млн. долларов – примерно 1,5 млрд. юаней) представлена в национальной валюте Китая. Основная доля китайских финансовых ресурсов направлена в нефтегазовую отрасль Туркменистана.

Проекты в нефтегазовой отрасли

Так как ресурсные и экспортные возможности Туркменистана по нефти невелики, главный интерес для Китая представляют туркменский природный газ. На всем постсоветском пространстве Туркменистан является единственной страной, которая обладает высоким экспортным потенциалом по газу, имея возможность экспортировать большую часть (свыше 3/4) добываемого «голубого топлива». В основном это связано со значительными запасами газа, которые, по туркменским оценкам, составляют около 25 трлн. кубических метров¹³⁶.

Причем необходимо отметить, что туркменские оценки, по-видимому, сильно завышены. По другим данным, доказанные запасы туркменского газа значительно ниже: около 3 трлн. кубических метров, без учета еще фактически не разведанного газового месторождения «Южный Иолотань»¹³⁷, на которое Туркменистан возлагает большие надежды. Запасы этого месторождения пока точно не известны, хотя оно относится к категории крупных. Проведенное же в октябре 2008

¹³⁶Туркмения оценивает запасы нефти в 20,8 млрд. т и газа 24,6 трлн. куб. м. / Электронная версия ежемесячного журнала «Нефть и газ Евразии» (Россия), 21 апреля 2008 года, <http://www.oilandgaseurasia.com/ru/news/p/0/news/2198/>

¹³⁷Oil & Gas Journal (Oil & Gas Journal, N 103.47, 2005, pp.24-25.), Л.С. Беляев, В.В. Бушуев, М.Р. Ластовская, А.В. Лебедев, О.В. Марченко, П.А. Сергеев, С.В. Соломин, С.В. Филиппов (под редакцией В.В. Бушуева). Мировая энергетика: состояние, проблемы, перспективы. – Москва: ИД «Энергия», 2007 год. – С. 587.

года аудиторское исследование дает очень расплывчатую оценку: от 4 до 14 трлн. кубических метров.

В то же время даже если предположить, что Ашгабат существенно преувеличивает газовые запасы страны, в любом случае внутренние потребности республики относительно доказанных запасов невелики, учитывая малочисленность населения (около 5 млн. человек) и отсутствие крупной промышленности (за исключением самой нефтегазовой отрасли). Поэтому в любом случае Туркменистан сможет экспортировать большую часть добываемого газа, что делает туркменскую нефтегазовую отрасль привлекательной для КНР. Начиная с 2007 года, ряд китайских компаний, в первую очередь КННК (CNPC), стали реализовывать в республике целый ряд проектов.

Подготовка к освоению газоносной территории «Багтиярлык» (восточная часть Туркменистана, правобережье реки Амударья). С 2007 года на основании полученной от туркменского правительства лицензии на проведение геологоразведочных работ КННК осуществляет комплексные мероприятия по подготовке скважин, сооружению очистных газонакопительных установок, компрессорной и измерительной станций. В 2008 году было пробурено 6 новых скважин, закончен капитальный ремонт 6 ранее действовавших и законсервированных скважин. Согласно планам китайской компании, до конца 2009 года должны были быть подготовлены к эксплуатации в общей сложности 30 скважин: 23 отреставрированных и 7 новых¹³⁸. По состоянию на 2007 год, для освоения территории «Багтиярлык» уже было привлечено около 194 млн. долларов из 500 млн. запланированных¹³⁹. Всего же к началу 2009 года китайские инвестиции в данный проект предположительно могли составить не менее 360 млн. долларов.

¹³⁸Китайская CNPC построит в Туркменистане газоперерабатывающий завод мощностью 5 млрд. кубов. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 8 января 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1231406460>

¹³⁹В Ашхабаде состоялись переговоры между Президентом Туркменистана Г. Бердымухамедовым и Премьером Государственного Совета КНР Вэнь Цзябао. / Информационное агентство PRESS-UZ.info (Узбекистан), 30 декабря 2007 года, <http://www.press-uz.info/index.php?title=home&nid=603&my=112007>

Строительство газоперерабатывающего завода вблизи газоносной территории «Багтиярлык». Согласно достигнутой в 2007 году между Туркменистаном и Китаем договоренности, китайская КННК приступила к строительству газоперерабатывающего завода мощностью 5 млрд. кубических метров газа в год¹⁴⁰. ГПЗ предназначен для первичной переработки газа (очистка от сероводорода, влаги и иных твердых и жидких примесей) с последующей его поставкой в КНР по газопроводу «Китай – Туркменистан»¹⁴¹.

Геологоразведка газового месторождения «Южный Иолотань» (юго-восточная часть Туркменистана). В соответствии с достигнутой еще в 2006 году договоренностью между КННК и правительством Туркменистана¹⁴², в течение 12 лет китайская компания планировала осуществить на месторождении бурение 12 разведочных скважин¹⁴³.

В октябре 2008 года британская аудиторская компания Gaffney, Cline & Associate объявила итоги независимого исследования, которое подтвердило, что ресурсы месторождения «Южный Иолотань» составляют от 4 до 14 трлн. кубических метров газа¹⁴⁴. В свою очередь, еще в 2007 году Туркменистан объявил, что запасы данного месторождения достигают порядка 7 трлн. кубических метров.

¹⁴⁰Китайская CNPC построит в Туркменистане газоперерабатывающий завод мощностью 5 млрд. кубов. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 8 января 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1231406460>

¹⁴¹Пуск завода был запланирован на конец 2009 года.

¹⁴²По состоянию на 2009 год КННК – это пока единственная иностранная компания, допущенная туркменской стороной к разведке и разработке данного месторождения.

¹⁴³*А. Медведев.* Внешняя политика Туркменистана в 2007 году и перспективный прогноз на 2008 год: доклад в ходе экспертного семинара «Туркменистан сегодня: экономика и политика», организованного Российским государственным университетом и Информационно-аналитическим центром Московского государственного университета 22 января 2008 года. / Информационный портал ИАЦ МГУ (Россия), 22 января 2008 года.

¹⁴⁴В ожидании лучших времен. Россия тормозит на центральноазиатском направлении. / «Независимая газета», приложение «Дипкурьер» (Россия), 22 декабря 2008 года.

Строительство туркменского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». В 2006 году подписано генеральное соглашение между Китаем и Туркменистаном по строительству магистрального газопровода «Туркменистан – Китай». В 2007 году началось сооружение туркменского участка данного газопровода¹⁴⁵. Протяженность газопровода от туркменских месторождений на правом берегу реки Амударьи до казахстанско-китайской границы составит около 2000 километров: по территории Туркменистана – 188 километров, Узбекистана – 525 километров, Казахстана – 1293 километра. Общая же протяженность газопровода, в том числе по территории Китая, составит около 7000 километров. Оператором газопровода является китайская компания CNPC Exploration and Development (дочерняя структура КННК).

Учитывая то, что данный газопровод пройдет по территориям Узбекистана и Казахстана, CNPC Exploration and Development также сотрудничает с казахстанской НК «КазМунайГаз» и узбекской НХК «Узбекнефтегаз».

Предполагается, что газопровод «Туркменистан – Китай» будет рассчитан на экспорт в КНР до 40 млрд. кубических метров газа ежегодно. По данному трубопроводу газ из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан будет поставляться в китайскую провинцию Гуандун (южная часть тихоокеанского побережья КНР).

Финансирование строительства газопровода осуществляется КННК. В то же время имеется информация о том, что в 2008 году две другие китайские компании: PetroChina и CNODC – на паритетных началах также инвестировали около 2 млрд. долларов (18 млрд. юаней) в

¹⁴⁵Генеральным подрядчиком строительства является российская компания «Стройтрансгаз», которая выиграла соответствующий тендер. Компания осуществляет строительство линейной части газопровода, установки оборудования по осушке газа, хозрасчетного замерного узла, линейно-эксплуатационной базы, узлов приема и запуска очистных сооружений, линий электропередач. Завершение работ было намечено на конец 2009 года.

строительство данного газопровода¹⁴⁶. Общий объем инвестиций по газопроводу «Туркменистан – Китай» составит примерно 6,7 млрд. долларов (53,4 млрд. юаней)¹⁴⁷, включая примерно 88 млн. долларов на сооружение туркменского участка газопровода¹⁴⁸.

Планы по организации производства нефтяного оборудования в г. Балканабате (западная часть Туркменистана). Еще в 2001 году государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт о создании СП по производству нефтепромышленного оборудования в г. Балканабате, а также участия китайских специалистов в модернизации морского порта в г. Туркменбаши¹⁴⁹. Однако тогда эти планы по ряду причин не были реализованы. В 2007 году уже между Министерством нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана и Китайской инженерно-строительной компанией NFC достигнута очередная предварительная договоренность о создании совместного китайско-туркменского предприятия по производству нефтяного оборудования¹⁵⁰. Перспективы реализации данного проекта пока остаются неясными¹⁵¹.

¹⁴⁶PetroChina и CNODC инвестируют \$2,2 млрд в строительство газопровода из Туркмении. / Информационное агентство Trend Capital (Азербайджан), 15 марта 2008 года, <http://www.capital.trend.az/index.shtml?show=news&newsid=1157196&lang=RU>

¹⁴⁷Там же.

¹⁴⁸Данные расчетные. Известно, что китайские инвестиции на прокладку узбекского участка данного газопровода составят 244,35 млн. долларов. Следовательно, в среднем стоимость 1 километра участка трубопровода по территории Узбекистана составляет около 466 тыс. долларов. Предполагается, что стоимость 1 километра участка газопровода по территориям Узбекистана и Туркменистана примерно одинакова. Протяженность узбекского участка составляет около 525 километров, а туркменского – 188 километров.

¹⁴⁹*В.С. Фроленков. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. / Институт Дальнего Востока РАН. – Москва: ИДВ РАН, 2009 год. – С.166.*

¹⁵⁰Китай: пробуждение гиганта. / Интернет-газета «Туркменистан.Ру» (Россия), 13 апреля 2007 года,

http://www.turkmenistan.ru/lang_id=ru&elem_id=251&type=event&sort=date_desc

¹⁵¹По крайней мере, по состоянию на 2009 год.

Поставки китайского нефтегазового оборудования. Поставки в Туркменистан китайского нефтегазового оборудования (в основном буровых установок, транспортных средств, а также запасных частей и комплектующих к ним) осуществляются преимущественно путем прямой закупки техники из КНР за счет средств бюджета Туркменистана. Это имеет отношение больше к торговым связям двух стран, нежели собственно к вопросам китайской проектно-инвестиционной деятельности. При этом в ряде случаев Пекин предоставляет Ашгабату кредиты для закупки техники китайского производства, а кредитором выступает Экспортно-импортный банк КНР (ЭКСИМ-банк). Сведения об этом зачастую носят крайне разрозненный характер. Известны лишь следующие факты:

- в 2001 году Государственный концерн «Туркменнефть» и Ланьчжоуский завод нефтехимического машиностроения заключили контракт на изготовление и поставку в Туркменистан двух буровых установок на сумму 22,2 млн. долларов¹⁵²;

- в 2001 году «Туркменгаз» заключил контракт с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке на поставку буровой установки типа ZJ70D стоимостью 14,7 млн. долларов, а также оборудования для ремонта скважин на сумму около 1,2 млн. долларов¹⁵³;

- в 2002 года правительство Туркменистана заключило соглашение с КННК на поставку четырех буровых установок для «Туркменгаза» на общую сумму уже в 52,4 млн. долларов¹⁵⁴;

- в 2003 году «Туркменгаз» заключил с Китайской нефтяной корпорацией по технике и разработке контракт на закупку четырех буро-

¹⁵² В.С. Фроленков. Там же.

¹⁵³ Китайское оборудование для Туркменистана. / Информационно-аналитический портал Neftegaz.Ru (Россия), 3 июня 2006 года, <http://neftegaz.ru/lenta/show/92571/>

¹⁵⁴ Газопроводы: состояние и перспективы. / Электронная версия журнала «Нефтегазовая вертикаль» (Россия), 2007 год, № 20, <http://www.ngv.ru/article.aspx?articleID=24929>

вых установок типа ZJ70D и транспортных средств, а также комплектующего оборудования на общую сумму свыше 50 млн. долларов¹⁵⁵;

- в 2004 году «Туркменгаз» и Китайская нефтяная корпорация по технике и разработке заключили контракт на изготовление и поставку 10 подъемных агрегатов, запасных частей и инструментов к ним на общую сумму более 14,5 млн. долларов¹⁵⁶.

Проекты в химической отрасли

Китай оказывает помощь в развитии туркменской химической промышленности, где особый интерес для Туркменистана представляет производство минеральных удобрений.

Строительство завода по производству карбамида и реконструкция производственного объединения «Марыазот» (г. Мары). В 2006 году было подписано китайско-туркменское межправительственное соглашение о строительстве в г. Мары завода по производству карбамида мощностью 400 тыс. тонн в год и реконструкции производственного объединения «Марыазот», выпускающего аммиак и азотные удобрения¹⁵⁷. Реализация данного масштабного проекта была возложена на китайскую компанию CITIC Group. Уже в 2007 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил республике под данный проект льготный кредит на сумму в 300 млн. долларов со сроком погашения в 20 лет со ставкой в размере 3% годовых.

¹⁵⁵Инвестиции в нефтегазовую отрасль. / Сайт межрегионального делового сотрудничества,

http://www.msdc.ru/default.asp?Mode=Review&ID_L0=4&ID_L1=114&ID_L2=493&ID_L3=1592&ID=&IDReview=83377

¹⁵⁶Концерн «Туркменгаз» и Китайская нефтяная корпорация заключили контракт на поставку агрегатов для газовых скважин в Туркмении. / Информационный портал «СНГ и Балтия: территория единого информационного пространства» (Россия), 24 июля 2004 года,

http://www.vor.ru/SNG_Balt/?cnt=allcnt&month=07&day=24&year=2004&rub=economy&id=1543

¹⁵⁷А.Медведев. Там же.

Проекты в отрасли производства строительных материалов

Китай также оказывает Туркменистану помощь и в развитии производства строительных материалов.

Строительство стекольного комбината в г. Ашгабате. В 2007 году Министерство строительства и промышленности строительных материалов Туркменистана и консорциум китайских компаний (Capital Longji Sei-Tech. Co. и SINOMACH) подписали контракт на строительство стекольного комбината в г. Ашгабате. Данный проект осуществляется на кредит ЭКСИМ-банка КНР в размере 68 млн. долларов. В состав производственного комплекса войдет также и фабрика по обогащению кварцевого песка, основного сырья для стекольного производства¹⁵⁸. Предполагается, что после завершения строительства и запуска завода¹⁵⁹, он станет крупнейшим предприятием подобного рода во всей Центральной Азии¹⁶⁰.

¹⁵⁸ В.С. Фроленков. Там же. – С. 173.

¹⁵⁹ Ввод завода в эксплуатацию был запланирован на конец 2009 года – начало 2010 года. Источник: В Ашхабаде состоялись переговоры между Президентом Туркменистана Г. Бердымухамедовым и Премьером Государственного Совета КНР Вэнь Цзябао. / Информационное агентство PRESS-UZ.info (Узбекистан), 5 ноября 2007 года,

<http://www.press-uz.info/index.php?title=home&nid=603&my=112007>

¹⁶⁰ Проектная мощность завода, предположительно, составит 5,8 млн. квадратных метров стекла (при толщине 4 мм), 85 млн. единиц различных изделий стеклотары и 300 тыс. квадратных метров стеклопакетов, в том числе с тонированным покрытием.

Проекты в транспортной отрасли¹⁶¹

Китайское присутствие в транспортной отрасли Туркменистана сводится преимущественно к поставкам транспортных средств, а также комплектующих и запасных частей к ним. Это относится скорее к торговым связям двух стран, нежели к проектной деятельности компаний из КНР. Однако, так же как и в случае с поставками нефтегазового оборудования, Китай предоставляет Туркменистану кредиты под закупку тех или иных транспортных средств. Кредитором, как правило, выступает ЭКСИМ-банк КНР.

Сведения обо всем этом зачастую носят разрозненный характер. Известно лишь, что в период 2005–2008 годов Туркменистан заключил контракты с китайскими компаниями Capital-Longji Sci-Tech. Ltd. и SINIC по поставкам различных видов машин (локомотивов, грузовых и пассажирских вагонов, магистральных тепловозов), а также запасных частей и комплектующих к ним:

- в 2005 году подписан контракт с Capital-Longji Sci-Tech. Ltd. на поставку 48 дизельных локомотивов и 50 вагонов на общую сумму 128,6 млн. долларов, где 85% стоимости контракта (109 млн. долларов) профинансировано за счет кредита самой китайской компании;

- в 2006 году подписан контракт с SINIC на сумму в 80 млн. долларов на поставку 200 вагонов, включая 160 пассажирских, который профинансирован кредитом ЭКСИМ-банка КНР в размере около 38 млн. долларов (300 млн. юаней);

- в 2008 году подписан контракт с Capital-Longji Sci-Tech. Ltd. на сумму в 27,5 млн. долларов на поставку 10 грузовых магистральных тепловозов и запасных частей к ним. Контракт профинансирован кредитом ЭКСИМ-банка КНР.

¹⁶¹Информация по китайским проектам в транспортной отрасли Туркменистана в основном подготовлено по новостным материалам интернет-газеты «Туркменистан.Ру» (Россия), <http://www.turkmenistan.ru>

Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи¹⁶²

В середине первого десятилетия XXI века китайский бизнес стремительно вышел на телекоммуникационный рынок Туркменистана. В республике работают такие компании как Shenzhen Zhongxing Telecom Equipment Corporation (ZTE) и Huawei Technologies Co. Ltd., которые занимаются преимущественно поставками телекоммуникационного оборудования из КНР. Например, в 2006 году Китай предоставил Туркменистану 29,4 млн. долларов льготного кредита на цели приобретения китайского телекоммуникационного оборудования. Кроме того, с участием данных китайских компаний реализуется и ряд достаточно крупных телекоммуникационных проектов:

- монтаж телефонных станций в г. Ашгабате;
- строительство цифровых АТС и прокладка волоконно-оптических линий связи;
- расширение национальной сети сотовой связи TM CELL и сети радиодоступа стандарта CDMA.

Проекты в фармацевтической отрасли

Китай также уже обозначил свое присутствие и в фармацевтической отрасли Туркменистана.

Строительство и эксплуатация завода по производству экстракта солодкового корня в составе агропромышленного комплекса «Буян» (г. Туркменабад, бывший г. Чарджоу, Лебапская область, северо-восточная часть Туркменистана). В 2008 году состоялся пуск завода по производству экстракта солодкового корня проектной мощностью 1000 тонн продукции в год. По имеющейся информации, строительство стоимостью 2,2 млн. долларов осуществлялось за счет

¹⁶²Информация по китайским проектам в отрасли телекоммуникаций и связи Туркменистана подготовлено по новостным материалам интернет-газеты «Туркменистан.Ру» (Россия), <http://www.turkmenistan.ru>

инвестиций китайской компании Baoding Zhenying Import & Export Co. Ltd¹⁶³.

Проекты в отрасли легкой промышленности

Китай оказывает помощь Туркменистану в развитии легкой промышленности и, в частности, в плане реабилитации в республике производства шелка, которое было достаточно развито еще в советское время.

Реконструкция шелкомотальной фабрики в г. Ашгабате. В 2003 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил Туркменистану беспроцентный кредит в размере 2,4 млн. долларов сроком на 20 лет для реконструкции шелкомотальной фабрики в г. Ашгабате¹⁶⁴.

Строительство предприятия по производству грены шелкопряда в г. Мары. В 2003 году ЭКСИМ-банк КНР предоставил Туркменистану грант в размере 1,8 млн. долларов для строительства предприятия по производству грены тутового шелкопряда и приобретения в Китае необходимого оборудования. Установку и налаживание данного оборудования осуществила китайская компания «Цзянсуй»¹⁶⁵.

Проекты в строительной отрасли

Данные о присутствии китайского бизнеса в строительной отрасли Туркменистана носят разрозненный характер. Известно лишь, что в период 2005–2007 годов китайская компания Capital Longji Sci-Nech

¹⁶³Туркменистан, химпром, фармацевтика. / Информационный портал Polpred (Россия), 19 сентября 2008 года,

<http://www.polpred.com/country/tm/news.html?section=14&country=160>

¹⁶⁴Турки и китайцы возрождают шелкомотальную фабрику. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 31 августа 2003 года,

<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1062279540>

¹⁶⁵Информационный сайт «Туркменмедиа»,

http://www.turkmenmedia.cjes.ru/lib/?content_id=6/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=3734&type=even&category_id=1

Co. Ltd. выполнила ряд строительных заказов, среди которых следует выделить следующие:

- строительство 12-этажного здания в г. Ашгабате по заказу Министерства железнодорожного транспорта Туркменистана;
- строительство детского оздоровительного центра в п. Гекдер (южная часть Туркменистана) стоимостью около 8,6 млн. долларов¹⁶⁶.

Выводы

Тенденция усиления экономического присутствия Китая в Туркменистане является устойчивой, особенно, если принять во внимание тот факт, что китайские компании сумели занять достаточно прочные позиции в этой центральноазиатской стране всего лишь за период 2006–2009 годов. При этом КНР по сути уже является ключевым донором туркменской экономики и в первую очередь нефтегазовой отрасли. Более того, масштабы китайского финансирования в ближайшее время могут возрасти кардинально, если учесть намерения Пекина предоставить еще 3 млрд. долларов кредита на освоение газового месторождения «Южный Иолотань», на которое туркменское руководство возлагает особые надежды в своих планах по экспорту газа.

В дальнейшем экономический интерес Китая к Туркменистану, скорее всего, будет по-прежнему затрагивать в основном нефтегазовую отрасль, фокусироваться на добыче и экспорте газа в КНР. Китайское же присутствие в других отраслях туркменской экономики, по видимому, будет служить лишь целям обеспечения доступа к углеводородным ресурсам Туркменистана.

Представляется, что проектно-инвестиционная активность Китая в нефтегазовой отрасли Туркменистана будет возрастать даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса и низких цен на энергоносители: бесперебойное снабжение китайской экономики углеводо-

¹⁶⁶Радость полной чашей. / Сайт ежемесячного международного журнала «Туркменистан» (Россия), № 6, июнь 2007 года, http://www.turkmenistaninfo.ru/?page_id=6&type=article&elem_id=page_6/magazine_461391&lang_id=ru

родами, диверсификация маршрутов их поставок является для Китая принципиально важным вопросом.

В то же время, необходимо отметить, что усиление позиций Китая в нефтегазовой отрасли Туркменистана способно привести к конфликту российских и китайских энергетических интересов в этой центрально-азиатской стране. Это объясняется тем, что Россия также заинтересована в доступе к туркменскому газу.

Поставки газа из Центральной Азии, которые осуществляются в основном из Туркменистана, играют значительную роль в обеспечении энергетической безопасности России, а в дальнейшем потребность Москвы в туркменском газе будет только возрастать. Дело в том, что основные российские газовые месторождения, разработанные еще в советское время, уже в значительной степени истощены. Разработка же новых газовых месторождений, расположенных в арктической климатической зоне, сопряжена с огромными технологическими трудностями и финансовыми затратами. Поэтому для России выгоднее импортировать газ, основным поставщиком которого может стать только Туркменистан.

Туркменистан уже более 40 лет поставляет газ в Россию/российском направлении по газопроводу «Средняя Азия – Центр», а с 1997 года осуществляет небольшие поставки газа еще и в Иран. После же ввода в строй газопровода «Туркменистан – Китай», Ашгабат будет поставлять газ уже в трех направлениях: в Россию, Иран и Китай.

Однако вокруг экспортных поставок туркменского газа уже складывается непростая ситуация. Дело в том, что Ашгабат, особенно в период нахождения у власти С. Ниязова, целенаправленно формировал предельно жесткую конкурентную среду вокруг своего газового экспорта, рассчитывая получить возможность маневра между Россией и Китаем, основными претендентами на туркменское «голубое топливо», и продавать свой газ по максимально возможной цене. Вместо этого Туркменистан все больше рискует внести во многом искусственные сложности как в свои отношения с Китаем и Россией, так и в отношения между Китаем и Россией.

Суть этого заключается в том, что Ашгабат взял на себя нереальные обязательства по экспорту газа. Так уже с 2010 года Туркменистан планировал экспортировать около 125–135 млрд. кубических метров газа ежегодно, включая до 70–80 млрд. кубических метров в Россию, до 40 млрд. кубических метров в Китай и около 10–15 млрд. кубических метров в Иран. Однако можно с уверенностью сказать, что по крайней мере в краткосрочной перспективе эти планы нереализуемы. Поэтому Ашгабат может оказаться перед проблемой сложного выбора: перед каким из партнеров выполнять обязательства?

Необходимо учитывать, что до начала мирового финансово-экономического кризиса потребности России в газе стремительно росли и Москва покрывала их в основном за счет поставок «голубого топлива» из Туркменистана (объемы экспорта узбекского и казахстанского газа в Россию пока невелики, и в краткосрочной перспективе вряд ли сколько-нибудь приблизятся к туркменским объемам поставок – около 50 млрд. кубических метров в год). И если в дальнейшем, особенно по мере прохождения активной стадии мирового кризиса, Россия не будет гарантированно получать туркменский газ в уже оговоренных объемах, то ей, по всей видимости, придется уменьшать свой газовый экспорт в Европу (или на Украину и в Белоруссию). В свою очередь, Китай может жестко отреагировать на то, что Туркменистан, выполняя обязательства перед Россией, будет в полном объеме наполнять газопровод «Средняя Азия – Центр», в то время, как газопровод «Туркменистан – Китай», не будет обеспечиваться объемами газа, оговоренными Пекином и Ашгабатом.

Судя по «газовому конфликту» между Россией и Туркменистаном, который разразился после взрыва на туркменском участке газопровода «Средняя Азия – Центр» в ночь с 8 на 9 апреля 2009 года, Ашгабат готовится к тому, чтобы в перспективе решать дилемму перераспределения газовых потоков в пользу маршрута «Туркменистан – Китай». Тот факт, что туркменское руководство использовало по сути чисто техни-

ческую аварию для раздувания политического скандала¹⁶⁷, по-видимому, свидетельствует о желании Туркменистана в случае возникновения в будущем напряженной ситуации вокруг поставок газа иметь весомый предлог для срыва обязательств перед «Газпромом» по заключенным контрактам, обвинив его в «ненадежности». Тем более, что для выполнения Туркменистаном в полном объеме обязательств перед российской компанией необходимы предварительные масштабные работы по модернизации и расширению пропускной способности газопровода «Средняя Азия – Центр», которые сможет осуществить только сам «Газпром».

Очевидно, что Туркменистан, проводя политику активного балансирования, с одной стороны, стремится кардинально снизить свою зависимость от «Газпрома» и России в целом, но с другой – пока не желает идти на серьезное обострение отношений с российским газовым монополистом и Москвой¹⁶⁸.

В итоге, многое определится способностью нового руководства Туркменистана выстраивать грамотную политику в отношениях и с Россией, и с Китаем, и с другими странами, заинтересованными в поставках туркменского газа, а также реализации различных газопроводных проектов с участием Ашгабата. При этом ясно, что на современном этапе Туркменистан будет считаться, в первую очередь со своими национальными интересами, а уже затем – с интересами Китая, России и других стран.

Поэтому также возможен и сценарий того, что какие-либо из потребителей туркменского газа, например, те же Россия и Китай, смогут договориться между собой, что существенно ограничит рамки для продолжения Туркменистаном своей многовекторной газовой и в целом внешней политики. Возможно, что в случае бесконфликтного решения Москвой и Пекином «туркменского уравнения», данный пример поможет заложить основы для совместного и бесконфликтного экономического проникновения России и Китая в Центральную Азию.

¹⁶⁷МИД Туркмении официально обвинил во взрыве компанию «Газпром экспорт», заявив, что ее действия являются «односторонним грубым нарушением условий контракта купли-продажи газа».

¹⁶⁸Об этом, например, косвенно свидетельствует отказ Ашгабата подписать решение саммита ЕС (Прага, май 2009 года) по газопроводу Nabucco.

Глава VI. Экономическое присутствие Китая в Узбекистане

Основные тезисы

- На протяжении 90-х годов XX века и даже в первые годы XXI века Китаю по ряду причин в целом не удавалось экономически закрепиться в Узбекистане. Вплоть до 2002 года включительно китайско-узбекские экономические связи ограничивались преимущественно торговой сферой. Причем масштабы официальной торговли были крайне незначительны.
- Тенденция поступательного роста экономического присутствия Китая в Узбекистане наметилась только лишь после 2003 года. Если за период 1992–2002 годов объемы китайских поставок в Узбекистан не превышали 114 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 136 млн. долларов в год, то в 2008 году импорт из Китая достиг 791 млн. долларов, а общий товарооборот – 1335 млн. долларов. Стремительный рост масштабов китайского торгового присутствия в Узбекистане стал возможным, в первую очередь, благодаря осуществляемой Китаем программе экспортного кредитования – предоставления целевых кредитов, которые используются для закупки китайских товаров и услуг.
- Одновременно с ростом китайско-узбекской торговли стал просматриваться и заметный рост масштабов проектно-инвестиционной активности Китая в Узбекистане. Интерес китайских компаний стал фокусироваться на целом ряде отраслей узбекской экономики: в первую очередь нефтегазовой, а также электроэнергетической, химической, транспортной и аграрной. На начало 2009 года объем китайских финансовых ресурсов в Узбекистане составил не менее 362 млн. долларов, включая 167 млн. долларов кредитов и 195 млн. долларов – инвестиций.

- Как представляется, заметный рост интереса Китая к Узбекистану был продиктован не столько экономическими, сколько геополитическими соображениями, учитывая тот факт, что Республика Узбекистан во многих отношениях является ключевым государством региона. С одной стороны, для Пекина было крайне важным сбалансировать резко усилившееся в период 2002-2004 годов влияние Соединенных Штатов на Узбекистан, а с другой стороны – поддержать социальную стабильность в этой центральноазиатской стране за счет финансирования ряда актуальных для республики экономических проектов. Однако масштабы экономического присутствия Китая в Узбекистане все еще остаются не очень высокими, если не считать нефтегазовую отрасль. Теоретически интересы китайского бизнеса могли бы гораздо больше и глубже затрагивать вопросы добычи стратегического сырья (например, золота, цветных металлов, урана) и развития инновационно-промышленных отраслей, но активного сотрудничества в этих направлениях пока не наблюдается.
- Крайне трудно прогнозировать будущий характер экономического присутствия Китая в Узбекистане. В условиях финансово-экономического кризиса Пекин концентрирует свои усилия на скупке активов в сырьевых отраслях во многих странах и регионах мира. Однако Ташкент пока воздерживается от широкомасштабной продажи своих сырьевых и стратегических активов иностранным компаниям, в том числе китайским.

Несмотря на то, что Республика Узбекистан (РУз) была первой из центральноазиатских стран, с которой Китайская Народная Республика установила дипломатические отношения (2 января 1992 года), практически вплоть до середины первого десятилетия XXI века Китай

не предпринимал активных попыток экономически закрепиться в Узбекистане. Даже в 2001 году, когда РУз приняла участие в создании ШОС, это не привело к быстрому и существенному росту экономического присутствия в республике со стороны КНР и китайского бизнеса. Вплоть до 2002 года включительно китайско-узбекские экономические связи ограничивались преимущественно торговой сферой. Причем масштабы официальной (но не т.н. челночной) торговли были крайне незначительны. В период 1992–2002 годов объемы китайских поставок не превышали 114 млн. долларов в год, а сам товарооборот – 136 млн. долларов в год (чуть больше 2% внешнего товарооборота Узбекистана).

Некоторая тенденция к расширению экономического присутствия КНР в РУз наметилась лишь после 2003 года. Знаковым событием в этом плане стал государственный визит в 2004 году в г. Ташкент председателя КНР Ху Цзиньтао. По результатам данного визита был подписан целый ряд соглашений о развитии политического, экономического, военно-технического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Другим важным фактором, придавшим импульс китайско-узбекским экономическим связям, стало охлаждение в период 2004–2005 годов отношений между Узбекистаном и Западом. Уже в 2005 году лидеры Узбекистана и Китая встречались дважды (в мае в г. Пекине и в июле в г. Астане). Одной из главных тем переговоров было развитие экономического сотрудничества. Причем в 2005 году Китай подписал с Узбекистаном сразу 20 инвестиционных соглашений, кредитных договоров и контрактов на сумму около 1,5 млрд. долларов, включая 600 млн. долларов в нефтегазовой отрасли. В том же 2005 году в г.Ташкенте при участии китайского вице-премьера состоялся первый китайско-узбекский бизнес-форум, в ходе которого было подписано 8 договоров, предусматривающих реализацию проектов на общую сумму 473 млн. долларов.

В итоге, торговое присутствие Китая в Узбекистане кардинально возросло. В период 2003–2007 годов объемы китайских поставок в Узбекистан увеличились примерно в 5,5 раза – с 164 млн. долларов до 867 млн. долларов, а сам товарооборот вырос в 7 раз – с 216 млн. долларов

до 1,6 млрд. долларов (порядка 11,31% узбекского и 0,07% китайского товарооборотов). Объемы узбекских поставок в Китай достигли 741 млн. долларов (8,36% экспорта Узбекистана, 0,08% китайского импорта), а китайских поставок в Узбекистан – 867 млн. долларов (16,2% узбекского импорта, 0,07% экспорта Китая).

По результатам 2008 года, товарооборот Китая с Узбекистаном несколько уменьшился. По-видимому, это было связано с тем, что с началом мирового финансово-экономического кризиса и значительным снижением цен на сырьевые ресурсы (основные товары узбекского экспорта) Узбекистан сократил объемы своей торговли, в том числе и с Китаем. Так в 2008 году китайско-узбекский товарооборот уменьшился на 17% (с 1608 до 1335 млн. долларов). Объемы узбекских поставок в Китай составили 544 млн. долларов (4,7% экспорта Узбекистана, 0,05% китайского импорта), а китайских поставок в Узбекистан – 791 млн. долларов (10,5% узбекского импорта, 0,055% экспорта Китая) (таблица 11).

Таблица 11. Торговля Китая с Узбекистаном (период 1992–2008 годов)

Год	Товарооборот, млн. долларов США	Поставки из Китая в Узбекистан, млн. долларов США	Поставки в Китай из Узбекистана, млн. долларов США
1992	5	*	*
1993	12	*	*
1994	75	*	*
1995	64	*	*
1996	136	72	64
1997	127	70	57
1998	72	*	*
1999	80	63	17
2000	84	*	*
2001	107	85	22
2002	132	114	18
2003	216 (346)	164	52
2004	370 (576)	267	102
2005	628 (782)	390	238
2006	817 (900)	465	352
2007	1608 (1800)	867	741

2008	1335 (1500)	791	544
-------------	-------------	-----	-----

Источники: данные за период 1992–2001 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2002–2008 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008, March 2009); данные в скобках за период 2003–2008 годов – Министерство коммерции Китайской Народной Республики.

Хотя сырьевая составляющая экспорта Узбекистана в целом гораздо меньше сырьевых составляющих экспорта других стран Центральной Азии, однако структура китайско-узбекской торговли свидетельствует о все еще значительной доли сырьевых ресурсов в поставках из РУз в КНР – около 40%. Так, например, в 2007 году экспорт Узбекистана в Китай включал услуги (около 45%), цветные металлы (порядка 19%), хлопковое волокно (около 12%), химическое сырье (около 9%), машины и оборудование (порядка 8%). В свою очередь, ассортимент поставок из Китая состоял, главным образом, из продукции машиностроения (около 54%), услуг (около 18%), продовольствия (примерно 10%), химической продукции (порядка 9%) (таблица 12). В 2008 году структура китайско-узбекской торговли по сравнению с предыдущим годом существенно не изменилась.

Таблица 12. Товарная структура торговли Китая с Узбекистаном (2007 год)

Наименование	Поставки из Китая в Узбекистан		Поставки в Китай из Узбекистана	
	млн. долларов США	доля, %	млн. долларов США	доля, %
Хлопок-волокно	-	-	91	12,3
Химическая продукция	80	9,2	71	9,6
Цветные металлы	-	-	143	19,3
Черные металлы	70	8,1	-	-
Энергоносители		-	42	5,7
Машины и обору-	462	53,7	59	7,9

дование				
Продовольствие и товары широкого потребления	91	10,5	-	-
Услуги	164	18,5	335	45,2
Всего	867	100	741	100

Источник: Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы Узбекистана (Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2008).

Расхождения в статистике и т.н. челночная торговля. Как и в случае с другими странами Центральной Азии, в китайско-узбекском товарообороте присутствует определенная (хотя и не столь значительная) доля т.н. челночной торговли, которая не учитывается (или мало учитывается) официальной статистикой. Поэтому, скорее всего, реальные объемы двусторонней торговли несколько выше. По крайней мере, именно об этом свидетельствуют данные статистики Китая, согласно которым, за период 2003–2008 годов реальный товарооборот между двумя странами был выше в среднем на 28%.

Как представляется, одной из важных причин того, почему КНР удалось существенно нарастить свое торговое и отчасти проектное присутствие в РУз является то, что начиная примерно с 2005 года, Китай стал более активно применять в Узбекистане уже отработанную на ряде стран Центральной Азии практику кредитования экспорта китайских товаров и услуг. Кредитование осуществляется преимущественно на основе подписанного в 2005 году соглашения между Экспортно-импортным банком (ЭКСИМ-банком) КНР и Национальным банком Узбекистана внешнеэкономической деятельности (НБУ ВЭД) и касается многих отраслей экономики РУз: нефтегазовой, электроэнергетической, химической, транспортной и аграрной. Данные проекты лишь со значительной долей условности могут быть названы «собственно китайскими»: Узбекистан осуществляет их самостоятельно, но с использованием китайского финансирования. Тем не менее, данные проекты являются важными для республики и наряду с торговыми отношениями отражают характер современного экономического присутствия КНР в РУз.

На начало 2009 года в Узбекистане действовало не менее 107 китайско-узбекских предприятий, а общий объем китайских финансовых ресурсов в РУз составил примерно 362,3 млн. долларов, в том числе 167,6 млн. долларов кредитов и около 194,7 млн. долларов инвестиций.

Проекты в нефтегазовой отрасли

Началом китайского проникновения в нефтегазовую отрасль Узбекистана следует считать 2004 год, когда Китайская национальная нефтегазовая компания и Национальная холдинговая компания «Узбекнефтегаз» подписали рамочное соглашение о развитии сотрудничества. КННК планирует осуществить целый ряд проектов в нефтегазовой отрасли Узбекистана. Большинство этих проектов все еще находится на подготовительной стадии¹⁶⁹. Исключение составляет только проект по строительству узбекского участка магистрального газопровода «Туркменистан – Китай», который начал осуществляться с июня 2008 года.

Планы по освоению нефтяных месторождений в Ферганской долине (Ферганская, Андижанская и Наманганская области, восточная часть Узбекистана). На территории Ферганской долины Узбекистана находится более 500 низкодебитных месторождений нефти, которые эксплуатируются более 90 лет и стабильно дают порядка 2 тонн нефти в сутки. В 2006 году Китайская национальная корпорация по разведке и разработке нефти и газа (CNODC, дочерняя структура КННК) подписала соглашение с НХК «Узбекнефтегаз» на проведение геологоразведочных работ в пределах ферганского нефтегазового региона.

На первом этапе, в течение 2006–2008 годов, планировалось провести сейсморазведочные работы. В случае открытия новых месторождений на инвестиционных блоках, CNODC и «Узбекнефтегаз» должны были создать ряд СП. При этом для освоения новых месторождений китайская сторона была готова предоставить гарантии на привлекаемые финансовые средства в размере около 106 млн. долларов.

¹⁶⁹По состоянию на конец 2009 года.

Однако, наибольший интерес китайский бизнес пока проявил лишь к месторождениям в Наманганской области. Так уже в начале 2007 года CNODC заявила об отказе в разработке нефтяных месторождений в Андижанской области, мотивировав свое решение нерентабельностью капиталовложений в связи с высокими ставками налога на недра при добыче углеводородов¹⁷⁰. Одновременно с этим в том же 2007 году между НХК «Узбекнефтегаз» и КННК было подписано Соглашение об основных принципах сотрудничества по совместной доразведке и последующей разработке месторождения «Мингбулак» в Наманганской области. Уже в 2008 году НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали учредительный договор и устав совместного предприятия «Мингбулакнефть». Учредителями данного СП, созданного на паритетных началах с долей участия сторон 50/50, выступили ОАО «Андижаннефть» и CNODC¹⁷¹.

Подготовка к освоению нефтяных и газоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт (западная и северо-западная части Узбекистана). В мае 2005 года НХК «Узбекнефтегаз» и КННК подписали соглашение о создании на паритетных началах совместного предприятия UzCNPC Petroleum с уставным капиталом около 96 млн. долларов. Основными целями деятельности СП были определены проведение геологоразведочных работ и последующая разработки месторождений с трудно извлекаемыми запасами жидких углеводородов (нефть и газовый конденсат). На баланс совместному предприятию было передано 23 месторождения, расположенных в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт.

В конце 2006 года компания UzCNPC Petroleum приступила к геологоразведке на 5 инвестиционных блоках. Ожидается, что в случае получения положительных результатов, СП сможет добывать нефть и газовый конденсат в объеме до 1 миллиона тонн в год. В течение 2006–

¹⁷⁰ Нефтегазовая промышленность Узбекистана. / Сайт Межрегионального центра делового сотрудничества (Россия), ноябрь 2007 года, http://www.mcids.ru/default.asp?Mode=Review&ID_L0=6&ID_L1=56&ID_L2=555&ID_L3=3907&ID=&ID_Review=143250

¹⁷¹ Бурение скважин предполагалось начать во второй половине 2009 года.

2011 годов объемы китайских инвестиций по данному проекту могут составить не менее 208 млн. долларов¹⁷². На начало же 2009 года эти инвестиции предположительно могли составить около 83 млн. долларов.

Планы по подготовке к освоению нефтегазоносных месторождений в узбекской части Аральского моря (северо-западная часть Узбекистана). Запасы газа данных месторождений оцениваются примерно в 1 трлн. кубических метров, а нефти – порядка 150 млн. тонн. Проект осуществляется Международным консорциумом инвесторов (МКИ) в период до 2040 года. В состав МКИ с 2005 года входят «Узбекнефтегаз» (Узбекистан), «ЛУКОЙЛ» (Россия), «Петронас» (Petronas, Малайзия), КНОК (CNOOC, Корея) и КННК (Китай). Оператором проекта является созданная для этих целей компания Aral Sea Operating Company. По условиям соглашения, подписанного на 35 лет (период 2005–2040 годов), доля китайской стороны в МКИ составляет 10%¹⁷³. Если оценочные запасы газа подтвердятся, промышленная добыча на этих месторождениях потенциально может составить не менее 25 млрд. кубических метров газа в год¹⁷⁴.

Первоначальная стоимость геологоразведочных работ по данному проекту оценивалась в размере не менее 100 млн. долларов. Средства должны были вкладываться на паритетных условиях иностранными участниками МКИ (всеми участниками, кроме НХК «Узбекнефтегаз»). Предполагается, что на начало 2009 года из вышеуказанной суммы уже было инвестировано порядка 54,8 млн. долларов (включая инвестиции КННК в объеме около 13,7 млн. долларов). К концу 2009 года ожидалось завершение геологоразведочных работ, и для этого в проект пла-

¹⁷²Китайская CNPC готова начать бурение узбекского месторождения Мингбулак. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 25 марта 2009 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1237970340>

¹⁷³Нефтегазовая отрасль Узбекистана: отраслевой обзор. / Информационно-аналитический центр «Авеста» (Узбекистан), 30 июля 2006 года. – С.7.

¹⁷⁴Факел Хаузака: чего С.Иванов добился в Узбекистане. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 5 декабря 2007 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1196804520>

нировалось вложить еще 45,2 млн. долларов (включая примерно 11,5 млн. долларов инвестиций КННК)¹⁷⁵.

Строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай». В июне 2008 года на территории Бухарской области (западная часть Узбекистана) началось строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай», состоящего из двух параллельных веток, каждая протяженностью по 525 километров¹⁷⁶.

Оператором проекта является созданное в 2007 году китайско-узбекское СП ООО Asia Trans Gaz. Co. Уполномоченным органом от РУз по реализации данного проекта является НХК «Узбекнефтегаз», а со стороны КНР проект контролируется компанией Trans-Asia Gas Pipeline Co. Ltd. (дочерняя компания КННК). На трассе узбекского участка газопровода планировалось построить три газокompрессорных пункта, возвести измерительные узлы, вахтовые поселки и другие инфраструктурные сооружения.

Проект осуществляется за счет инвестиций КННК. Стоимость первой ветки узбекского участка газопровода «Туркменистан – Китай» ориентировочно должна составить около 244,35 млн. долларов¹⁷⁷. На начало же 2009 года объем освоенных инвестиций предположительно составил не менее 35 млн. долларов.

Участие в финансировании строительства установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ (г. Мубарек, Кашкардарьинская область, юго-западная часть Узбекистана). Еще в 2004 году в рамках СП «Узбекнефтегаз» и «Газпром» планировали строительство установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Тогда оператором проекта была определена компания ОАО «Стройтрансгаз» (дочерняя компания «Газпрома»), которая в 2004 году выиграла

¹⁷⁵Инвестиционный вектор привлекательности. / Информационный сайт «Новости Узбекистана» (Узбекистан), 28 октября 2008 года, <http://www.gazeta.uz/2008/10/28/investments/>

¹⁷⁶Первую ветку газопровода предполагается ввести в строй в конце 2009 года, а вторую – в конце 2011 года.

¹⁷⁷Именно данную сумму «Узбекнефтегаз» и намерен был освоить до конца 2009 года.

соответствующий тендер. Предполагалось, что проектная мощность установки составит около 336 тыс. тонн сжиженного газа (пропан-бутановая смесь) и 150 тыс. тонн бензина в год¹⁷⁸. Реализация продукции предусматривалась как на экспорт, так и на внутреннем рынке Узбекистана¹⁷⁹.

Однако в июне 2008 года «Стройтрансгаз» предложил увеличить стоимость проекта в связи с ростом цен на технологическое оборудование. Узбекская сторона отклонила эти предложения и заявила о намерении отказаться от участия «Стройтрансгаза» в реализации проекта. В августе 2008 года «Узбекнефтегаз» объявил новый тендер на поставку комплектного оборудования с проведением услуг (шеф-монтаж и пуско-наладка) для строительства установки получения сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ. Победителем тендера стала швейцарская компания Zetomax GmbH. Финансирование проекта планируется осуществить за счет кредита Государственного банка развития Китая – 85 млн. долларов, собственных средств НКК «Узбекнефтегаза» в размере 30,3 млн. долларов, кредита узбекского Фонда реконструкции и развития в размере 55,4 млн. долларов, кредитов узбекских коммерческих банков – 50 млн. долларов¹⁸⁰.

Планы по организации совместного производства нефтегазового оборудования на территории РУз. В 2008 году Китайская нефтяная корпорация по технологии и развитию (СРТДС) объявила о своем намерении организовать в Узбекистане производство труб и станков для нефтегазовой отрасли. В декабре этого же года в НКК «Узбекнеф-

¹⁷⁸Источник: НКК «Узбекнефтегаз» и Информационно-аналитический центр «Авеста» (Нефтегазовая отрасль Узбекистана. Отраслевой обзор. / Информационно-аналитический центр «Авеста» (Узбекистан), 30 июля 2006 года. – С. 7).

¹⁷⁹Источник: Информационный портал «Нефтегаз» (Россия) («Стройтрансгаз» и «Узбекнефтегаз» переходят на сжиженный газ. Ежедневный обзор. / Информационно-аналитический центр «Авеста» (Узбекистан), Ташкент, 29 ноября 2007 года. – С. 2).

¹⁸⁰Швейцарская Zetomax перехватила контракт российского «Стройтрансгаза»./ Информационно-новостной портал Vesti.Uz (Узбекистан), 13 мая 2007 года, <http://www.vesti.uz/c/lenta.php?news=18734>

тегаз» состоялись переговоры с представителями СРТДС, в ходе которых стороны вновь обсудили возможности реализации этого проекта. В частности, предполагалось создать на базе АК «Узнефтегазмаш» ряд СП по производству (и сборке) следующей продукции: труб для строительства газопроводов, обсадных труб для бурения скважин, стальных канатов, станков для ремонта скважин, а также насосов для добычи нефти.

Проекты в электроэнергетической отрасли

Начиная с 2006 года Китай финансирует в Узбекистане ряд проектов в электроэнергетической отрасли. Данные проекты предполагают строительство малых гидроэлектростанций (МГЭС) и осуществляются узбекской компанией «Узсувэнерго» при Министерстве водного и сельского хозяйства РУз на средства кредитов, предоставленных ЭКСИМ-банком КНР. Эти проекты являются частью реализуемой Узбекистаном программы, в рамках которой предусматривается ввести в строй 41 малую гидроэлектростанцию.

Планы по строительству второй очереди Тупалангской МГЭС (Сурхандарьинская область, южная часть Узбекистана). Размер китайского кредита – 31,4 млн. долларов¹⁸¹. Уже в начале 2006 года правительство РУз приняло решение приостановить реализацию данного проекта из-за проблем с наполняемостью строящегося водохранилища.

Поставка китайских суперагрегатов и иного оборудования для строительства Андижанской МГЭС-2 (Андижанская область, восточная часть Узбекистана). Размер кредита – 10,03 млн. долларов¹⁸². Ввод в строй данного объекта планировалось осуществить в 2009 году.

¹⁸¹Пресс-релиз НБУ. / Сайт Национального банка внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан, 12 марта 2007 года, <http://www.nbu.com/about/relizz/>

¹⁸²Достигнуто соглашение о финансировании «Андижан ГЭС-2». / Информационно-новостной портал Region.uz (Узбекистан), 15 мая 2007 года, <http://www.region.uz/read.cgi?lan=r&id=1428>

Поставка китайского оборудования для строительства Ангренской МГЭС (Ташкентская область). Размер кредита – 5 млн. долларов. Строительство объекта планировалось завершить в 2009 году.

Проекты в транспортной отрасли

Узбекистан не имеет границы с Китаем, а транспортное сообщение между двумя странами осуществляется через территорию Казахстана или Кыргызстана. Поэтому в плане развития транспортных коммуникаций РУз представляет для КНР интерес лишь в качестве транзитной страны в системе трансасиатских международных маршрутов. Соответственно на это и ориентирована китайская проектная деятельность в транспортной отрасли Узбекистана.

Планы по строительству узбекского участка железной дороги «Узбекистан – Кыргызстан – Китай». Еще в 1997 году КНР стала проявлять интерес к строительству железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», которая, по замыслу Пекина, должна сыграть важную роль в интенсификации китайско-центральноазиатских торгово-экономических отношений. Китай, Узбекистан и Кыргызстан создали на межправительственном уровне совместную экспертную группу и рабочую комиссию. Их основной задачей было проведение предварительных исследовательских работ на территории своих стран на предмет осуществления проекта.

В результате деятельности комиссии к концу 90-х годов были признаны перспективными 2 маршрута: северный («Кашгар – Торугарт – Арпа – Карасуу – Андижан») и южный («Кашгар – Иркештам – Сары-Таш – Ош – Андижан»). Однако до сих пор окончательно не решен вопрос финансирования строительства данной железной дороги. Ее стоимость оценивается в 1,2–1,3 млрд. долларов. Предполагается, что финансирование будет осуществляться как за счет бюджетов Китая, Узбекистана и Кыргызстана, так и за счет частных инвесторов¹⁸³.

¹⁸³ Переговоры Кыргызстана и Узбекистана о строительстве железной дороги, которая свяжет их с Китаем, находятся на стадии завершения. /Информационное агентство «24» (Кыргызстан), 28 мая 2008 года, <http://www.24.kg/economics/2008/05/29/86025.html>

Однако в условиях мирового финансово-экономического кризиса перспективы строительства железнодорожной магистрали представляются неясными. Кроме того, очевидно, что этот проект экономически наиболее целесообразен в случае наличия в центральноазиатском регионе единого таможенного и транспортного пространства, признаков формирования чего пока также не просматривается.

Планы по строительству узбекского участка автомобильной дороги «Узбекистан – Кыргызстан – Китай». Начиная с середины 90-х годов, Китай неоднократно обсуждал с Узбекистаном вопрос о строительстве узбекского участка автомагистрали «Кашгар – Иркештам – Ош – Андижан». Этот проект имеет стратегическое значение для Пекина, так как планируемая магистраль станет частью самого короткого пути из Китая в Иран, и далее – на Ближний Восток. В свою очередь, по оценкам Министерства внешнеэкономических связей, торговли и инвестиций Узбекистана, после завершения этой дороги товарооборот между КНР и РУз может увеличиться на 30–40%¹⁸⁴. Обе страны демонстрируют заинтересованность в скорейшей реализации указанного проекта, а сами строительные работы осуществляются как Китаем, так и Узбекистаном.

РУз придает большое значение развитию международного автотранспортного сообщения. В первой половине 2009 года в Узбекистане утверждена программа строительства национальной автомагистрали, рассчитанная на 2009–2014 годы. В рамках данной программы планируется построить четыре участка автодорог общей протяженностью около 1500 километров по маршрутам международной автомагистрали Е-40 («Бейнеу – Кунград – Бухара – Самарканд – Ташкент – Андижан»). Автотрасса Е-40 пройдет от узбекско-казахстанской границы на северо-западе Узбекистана. После завершения строительства автомагистрали Е-40 теоретически станет возможным масштабная транспортировка китайских товаров через узбекскую территорию.

¹⁸⁴Новые перспективы торгово-экономического сотрудничества между СУАР и Узбекистаном. / Информационный портал «ЦентрАзия» (Россия), 22 января 2008 года, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1200979260>

Однако на практике перспективы развития евроазиатских и трансазиатских международных маршрутов пока представляются неясными. В первую очередь, это связано с отсутствием единого транспортно-логистического и таможенного пространства в Центральной Азии. Это, в свою очередь, приводит к завышению транспортных издержек. К тому же ситуация усугубляется последствиями мирового финансово-экономического кризиса, что ведет к сокращению масштабов торговли.

Проекты в отрасли производства строительных материалов

Начиная с 2008 года обозначился интерес Китая к такой отрасли узбекской промышленности, как производство стройматериалов. РУз располагает огромными запасами сырья, в том числе пригодного для производства цемента, и планирует кардинально увеличить объемы выпуска продукции за счет привлечения иностранных инвестиций¹⁸⁵. Пока в данной отрасли реализуется только три проекта с участием китайского капитала. Их общая стоимость оценивается примерно в 90 млн. долларов. Сами же китайские инвестиции в эти проекты предположительно могли составить около 15 млн. долларов¹⁸⁶.

Строительство линии по производству цементного клинкера в г. Бекабаде (Ташкентская область). В начале 2008 года ОАО «Бекабадцемент» и китайская компания CFMC Engineering Co. Ltd. приступили к строительству новой линии по производству клинкера сухим способом¹⁸⁷. Предполагается, что проектная мощность новой линии составит около 850 тыс. цементного клинкера в год¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Предполагается до 2012 года увеличить производство цемента с нынешних 6 до 9,5 млн. тонн в год.

¹⁸⁶ На начало 2009 года.

¹⁸⁷ Строительство планировалось завершить в 2010 году.

¹⁸⁸ *Т. Джалилов*. Еще больше цемента. / Информационное агентство Uzbekistan Today (Узбекистан), 24 апреля 2008 года,
http://www.ut.uz/rus/delovoy_klimat/eshe_bolshe_ementa.mgr

Строительство станции помола цемента в г. Кувасай (Ферганская область, восточная часть Узбекистана). В начале 2008 года ОАО «Кувасайцемент» и китайская компания CFMC Engineering Co. Ltd. достигли договоренности о модернизации имеющегося производства, в частности строительстве станции помола цемента¹⁸⁹. Предполагается, что проектная мощность новой станции составит 1,2 млн. тонн цемента в год.

Строительство предприятия по производству гипсокартона (Андижанская область, восточная часть Узбекистана). В 2008 году создано и введено в строй узбекско-китайское СП Belloni millennium по производству гипсокартона. Учредителями СП с узбекской стороны является ООО «Декар этит», а с китайской стороны – импортно-экспортная компания «Нуйеай цзиньда». Проектная мощность завода – 2,7 млн. квадратных метров гипсокартона в год¹⁹⁰.

Проекты в отрасли телекоммуникаций и связи

Динамичное развитие рынка телекоммуникационных услуг в Узбекистане пришлось на вторую половину первого десятилетия XXI века. В частности, именно тогда рост числа пользователей сотовой связи стал ежегодно достигать порядка 100%. В январе 2007 года было принято правительственное постановление о дальнейшем развитии и модернизации государственной акционерной компании «Узбектелеком», что дало значительный импульс развитию телекоммуникационной отрасли республики.

Исходя из этого, данная отрасль становится все более пристальным объектом внимания китайского бизнеса. На рынке РУз работают такие компании из КНР, как ZTE, Huawei Technologies Co. Ltd. и Alcatel Shanghai Bell, которые осуществляют в республике ряд телекоммуникационных проектов, в том числе относящихся и к сфере торговых отношений, а также оказанию услуг.

¹⁸⁹ Строительство планируется завершить в конце 2009 – начале 2010 года.

¹⁹⁰ Из местного сырья. / Газета «Правда Востока» (Узбекистан), 1 января 2008 года, <http://www.pv.uz/?inc=60&news=4176>

Производство телефонных аппаратов в г. Карши (Кашкадарьинская область, юго-западная часть Узбекистана). В 2006 году компания ZTE создала с АК «Узбектелеком» совместное предприятие по производству телефонных аппаратов в г. Карши¹⁹¹.

Развитие системы телекоммуникаций в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях (южная часть Узбекистана). Китайская компания Huawei Technologies Co. Ltd. ввела в строй современную магистральную оптико-волоконную линию связи «Карши – Термез»¹⁹². Данный проект стоимостью 18 млн. долларов профинансирован за счет кредита Китайского банка развития (China Development Bank).

Расширение телекоммуникационных сетей в г. Ташкенте. В рамках проекта, который был запущен в 2005 году, китайской компанией Alcatel Shanghai Bell на АТС г.Ташкента создано 78 тыс. новых телефонных абонентских портов¹⁹³.

Поставки китайского оборудования для спутникового телерадиовещания. В 2005 году компания Alcatel Shanghai Bell выиграла тендер на поставку в Узбекистан оборудования для спутникового телерадиовещания на сумму в 5,85 млн. долларов¹⁹⁴.

Поставки оборудования для узбекского оператора сотовой связи. В 2005 году китайская компания Huawei Technologies Co. Ltd. стала поставщиком технологического оборудования для узбекско-американского провайдера сотовой связи Perfectum Mobile¹⁹⁵.

¹⁹¹Новое совместное предприятие в Карши. / Портал органов государственной власти Республики Узбекистан, <http://www.gov.uz/ru/content.scm?contentId=20892>

¹⁹²Введена в строй магистральная оптико-волоконная линия связи Карши–Термез. / Сайт Министерства финансов Республики Узбекистан, <http://www.mf.uz/rus/?nr=1&n=422>

¹⁹³Новые телекоммуникационные проекты с КНР. / Газета «Новости Узбекистана», № 24 (254), 17 июня 2005 года, http://www.novostiuzbekistana.st.uz/24_254/v_strane.htm

¹⁹⁴Телекоммуникационный рынок Узбекистана привлекает поставщиков оборудования из КНР. / Сайт Агентства связи и информатизации Республики Узбекистан, 27 сентября 2005 года, <http://www.ru.ictp.uz/content/view/40/15/>

¹⁹⁵«Huawei Technologies» и «Perfectum Mobile» успешно запустили новую сеть CDMA в Узбекистане. / Информационное агентство Live Business (Россия), 27 июня 2006 года, <http://www.wimax.livebusiness.ru/news/1869/>

Проекты в химической отрасли

Присутствие Китая в химической отрасли Узбекистана пока ограничивается лишь одним проектом¹⁹⁶, который, однако, имеет немаловажное значение для Узбекистана.

Строительство и эксплуатация завода по производству соды в г. Кунграде (Республика Каракалпакстан, северо-западная часть Узбекистана). Еще в 2002 году китайская компания SSPTIC Group подписала с узбекской государственной компанией «Узхимпром» контракт на проектирование и строительство технологической части завода по производству соды стоимостью 32,3 млн. долларов. Пуск завода с проектной мощностью 100 тыс. тонн кальцинированной соды в год состоялся в 2006 году. Часть данной продукции экспортируется в Китай¹⁹⁷. Финансирование контракта было осуществлено за счет кредита Индустриально-коммерческого банка КНР в размере 29,2 млн. долларов, а остальные 3,1 млн. долларов выделил «Узпромстройбанк» РУз.

Проекты в электротехнической отрасли

В электротехнической отрасли Узбекистана масштабы присутствия Китая пока также незначительны и ограничиваются всего лишь одним проектом с участием китайского капитала¹⁹⁸.

Поставки и монтаж оборудования для завода бытовых холодильников СИНО (г. Самарканд)¹⁹⁹. В 2004 году китайские компании

¹⁹⁶По состоянию на конец 2009 года.

¹⁹⁷В Узбекистане завершена работа по 174 инновационным проектам. / Сайт информационного агентства REGNUM (Россия), 6 февраля 2009 года, <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/uzbek/1058143.html>

¹⁹⁸По состоянию на конец 2009 года.

¹⁹⁹Самаркандский завод по выпуску бытовых холодильников мощностью 250 тыс. штук в год был введен в эксплуатацию еще в 1973 году. После распада СССР объемы производства резко снизились, однако выпуск продукции полностью не прекращался. Самаркандский завод по форме собственности является ОАО, где государству принадлежит 25% акций.

Nenan Henfey Electric и Hayer Group осуществили поставку и монтаж оборудования на сумму в 5,5 млн. долларов для самаркандского завода бытовых холодильников «СИНО»²⁰⁰.

Проекты в аграрной отрасли

Присутствие Китая в агропромышленном комплексе Узбекистана в целом невелико и ограничивается в основном поставками в республику сельскохозяйственной техники. Данные поставки осуществляются за счет кредитов ЭКСИМ-банка КНР. Информация об этом носит разрозненный характер. Достоверно известно лишь о следующих сделках:

- до 2007 года включительно Узбекистан осуществил закупки гидромелиоративной техники за счет китайских кредитов на сумму около 50 млн. долларов;

- в 2008 году китайская компания CNC Mashimpex поставила в Узбекистан очередную партию гидромелиоративной техники (63 экскаватора и 10 бульдозеров) на сумму в 8,5 млн. долларов. Данная техника предназначалась для работ по улучшению мелиоративного состояния земель в Ферганской области РУз²⁰¹.

Выводы

Масштабы экономического присутствия Китая в Узбекистане представляются все еще относительно скромными. В последние годы РУз старается привлечь китайских инвесторов для участия в проводимой в стране программе приватизации крупных экономических объектов, но Пекин и китайский бизнес пока слабо реагируют на сигналы, исходящие из Ташкента. За рамками нефтегазовой отрасли и т.н. челночной торговли экономическое присутствие Китая в Узбекистане сводится

²⁰⁰Китайские компании осуществили модернизацию ОАО «Сино». / Сайт инвестиционной компании Avesta Investment Group (Узбекистан), 31 декабря 2005 года, <http://www.ag.uz/lib/ud/05/12/ud051231r.pdf>

²⁰¹Техника для ферганской земли. / Информационное агентство Uzbekistan Today (Узбекистан), 24 апреля 2008 года, http://www.ut.uz/rus/newline/texnika_dlya_ferganskoy_zemli.mgr

преимущественно к предоставлению кредитов на те или иные значимые для РУз проекты, оказанию услуг, а также заключению (на тендерной основе) торговых соглашений на поставку в Китай тех или иных видов узбекского сырья.

Как представляется, повышенное внимание Китая к Узбекистану, которое обозначилось к середине первого десятилетия XXI века, определяется не столько экономическими, сколько политическими и в целом стратегическими соображениями. Еще в конце 90-х Пекин был крайне обеспокоен ростом радикально-религиозной и террористической активности в этой крупнейшей стране Центральной Азии. Помимо этого, в 2001 году наметилось военно-политическое сближение РУз и США, что явно шло вразрез со стратегическими планами КНР. В основном по этим двум причинам Китай предпринял попытку, с одной стороны, несколько сбалансировать влияние Соединенных Штатов на Узбекистан, а с другой стороны – поддержать социальную стабильность в РУз за счет реализации ряда значимых для республики проектов.

Крайне трудно прогнозировать характер будущего экономического присутствия Китая в Узбекистане. В условиях финансово-экономического кризиса КНР концентрирует свои усилия на скупке активов в сырьевых отраслях экономик во многих странах и регионах мира. Однако за пределами нефтегазовой отрасли интересы КНР к другим сырьевым секторам РУз невелики, хотя теоретически также могли бы затрагивать сферу добычи таких видов сырья как золото, цветные металлы и уран. Но Узбекистан пока воздерживается от широкомасштабной продажи своих сырьевых активов иностранным компаниям, оправданно проявляя крайнюю осторожность при допуске внешних игроков к этим стратегическим секторам национальной экономики.

Кроме того, перспективным направлением деятельности китайских компаний в Узбекистане могла бы стать и промышленная кооперация в таких отраслях, как текстильная, легкая и химическая, а также в отрасли сельскохозяйственного машиностроения. Однако перерабатывающие отрасли узбекской экономики пока остаются малопривлекательными для китайского бизнеса. Тем более, что при современном характере экономической политики КНР в ЦА и в условиях мирового фи-

нансово-экономического кризиса, масштабное сотрудничество по этим направлениям также маловероятно. С одной стороны, Пекин вполне устраивает сырьевая направленность экономик стран региона, что позволяет развивать промышленное производство в самом Китае (в частности, в том же СУАР). С другой стороны, ярко выраженная фрагментация центральноазиатского экономического пространства (транспортного, таможенного и т.п.) также значительно препятствует развитию полноценных и взаимовыгодных экономических отношений стран ЦА (в том числе и РУз) с КНР.

Глава VII. Ключевые проблемы в сфере экономических отношений между Китаем и Центральной Азией

Основные тезисы

- Несмотря на рост масштабов экономического присутствия Китая в Центральной Азии, характер современных китайско-центральноазиатских экономических отношений высвечивает сложный комплекс проблем, непосредственно касающихся не только стран региона и Китая, но также и России.
- **Первой проблемой** является экономико-географическая изоляция Центральной Азии, а также ряда смежных территорий Китая и России от основных рынков, мировых товарных и финансовых потоков. В условиях современной неолиберальной модели глобального экономического развития именно вышеуказанное обстоятельство ставит экономико-географически замкнутые евразийские территории в крайне тяжелое и невыгодное положение, в том числе в плане инвестиционной привлекательности. Во многом, этим и обуславливается хроническое отставание в экономическом развитии внутреннего пространства Евразии, включающего помимо Центральной Азии значительные территории России и Китая.
- **Второй проблемой** является ярко выраженная сырьевая ориентация экономик России и стран Центральной Азии. Однако, если экономические системы центральноазиатских стран исторически сформировались преимущественно как сырьевые, то российская экономическая система заняла сырьевую нишу в глобальной экономике уже после распада СССР, утратив тем самым свое прогрессивное влияние

на экономическое развитие Центральной Азии. Этим во многом и обуславливается складывающийся крайне неэффективный формат экономических отношений между Россией и странами Центральной Азии, с одной стороны, и Китаем – с другой стороны: «сырье в обмен на готовую продукцию».

- **Третьей проблемой** является полное отсутствие экономической интеграции в самой Центральной Азии, а также в рамках ЕврАзЭС и ШОС как наиболее действенных институтов интеграции для внутренних территорий Евразии. Пробуксовка экономической интеграции внутри Центральной Азии связана, главным образом, с отсутствием естественного лидера, который мог бы взять на себя функции локомотива данного процесса в региональном масштабе. Ситуация в ЕврАзЭС, в свою очередь, определяется тем, что Россия – единственный естественный лидер Сообщества, пока не в состоянии предложить своим партнерам эффективный, привлекательный и взаимовыгодный интеграционный проект. Отсутствие же экономической интеграции в рамках ШОС обуславливается тем, что локомотивы данной интеграции – Китай и Россия сами пока не имеют полноценных экономических отношений друг с другом. В результате Россия и Китай практически не уделяют внимания реальному экономическому укреплению ШОС.
- Вышеобозначенные проблемы во многом обусловлены тем, что стратегические направления экономического развития, с одной стороны, Китая, а с другой – государств Центральной Азии и России принципиально отличаются друг от друга. Если стратегия экономического развития Китая ориентирована на полноценное и комплексное инновационно-промышленное развитие страны, в первую очередь,

перерабатывающих отраслей и выпуск наукоемкой продукции с высокой нормой добавочной стоимости, то современные экономические стратегии России и государств Центральной Азии ориентированы преимущественно на увеличение объемов добычи и экспорта сырьевых ресурсов, а также диверсификацию направлений их поставок на внешние рынки.

- Подобная асимметричность стратегий предопределяет принципиальное различие целей и задач, которыми руководствуются с одной стороны Китай, а с другой – государства Центральной Азии и Россия в процессе экономического взаимодействия. Существующий на современном этапе крайне неэффективный формат экономических отношений Китая с центральноазиатскими странами и Россией – «сырье в обмен на готовую продукцию», служит лишь узкокорпоративным интересам и краткосрочным целям коммерческого характера, но категорически не способен разрешить сложный комплекс проблем в экономических и иных отношениях.

Современный формат экономических отношений между Китаем и Центральной Азией свидетельствуют о наличии крайне сложного комплекса проблем на пути развития взаимовыгодного экономического сотрудничества. Основные проблемы, как представляется, непосредственно связаны с фактором распада СССР и единой экономической системы Советского Союза, а поэтому напрямую касаются Российской Федерации (РФ).

Среди данных проблем важно выделить следующие:

- экономико-географическая изоляция Центральной Азии, а также ряда регионов Китая и России;
- сырьевая ориентация экономик России и стран Центральной Азии;
- отсутствие экономической интеграции в Центральной Азии, а также в рамках ЕврАзЭС и ШОС (как наиболее действенных институтов интеграции).

Проблема № 1: экономико-географическая изоляция Центральной Азии, а также ряда регионов Китая и России

Данная проблема связана с удаленностью ЦА, ряда регионов РФ и КНР от морских коммуникаций, что в случае Центральной Азии еще усугубляется ее раздробленностью на национальные сегменты. Известно, что в современной мировой экономике морской транспорт в целом более предпочтителен, чем железнодорожный, автомобильный и воздушный. Это связано с целым рядом преимуществ: гораздо большей грузоподъемностью морского транспорта, меньшим расходом топлива в расчете на 1 тонно-километр, отсутствием необходимости в оплате пошлин при транспортировке грузов морем, а также амортизационных отчислений для поддержания коммуникаций в рабочем состоянии (в отличие, например, от сухопутных коммуникаций).

Именно фактор дешевизны морского транспорта по сравнению с сухопутным еще 500 лет назад сыграл ключевую роль в упадке Великого шелкового пути и вплоть до настоящего времени определяет перманентное отставание в экономическом развитии внутриконтинентальных регионов от приморских во всем мире. Однако особенно ярко это проявляется в Евразии, имеющей огромное внутреннее пространство.

Поэтому страны Центральной Азии, большинство промышленных регионов России (Урал, Сибирь и ряд других) и внутриконтинентальные провинции Китая (особенно западные, такие как Синьцзян-Уйгурский автономный район) связаны стержневой проблемой: географической удаленностью от морских коммуникаций, являющихся главными артериями мировой торговли. Следовательно, указанные выше территории находятся вне основных рынков и на обочине магистральных направлений глобального экономического развития.

При этом для КНР проблема экономико-географической изоляции характерна лишь отчасти, так как подавляющее большинство промышленных центров страны расположено на океаническом побережье, а крупные китайские порты находятся непосредственно вблизи основных мировых морских коммуникаций. Тем не менее, в случае с Китаем

география предопределила такую острую проблему, как отставание в экономическом развитии внутриконтинентальных провинций.

Вплоть до середины 90-х годов в силу объективных причин Китай не мог уделять большого внимания данной проблеме. В основном это было связано с тем, что финансовые возможности и промышленный потенциал КНР в то время были сильно ограничены, а основные потоки иностранных инвестиций в китайскую экономику шли (и сейчас идут) главным образом в приморские провинции страны. Это во многом объясняет тот факт, что на территории внутреннего Китая до сих пор существует протяженное и экономически относительно малоосвоенное пространство со слабо развитой транспортной инфраструктурой. Все это, безусловно, сдерживало и сдерживает развитие внутриконтинентальных территорий Китая. И только с конца 90-х годов Пекин приступил к планомерному форсированию экономического развития своих центральных и западных провинций за счет собственных финансовых средств (уже накопленных за годы интенсивного развития), а также, не в последнюю очередь, за счет сырьевых ресурсов стран Центральной Азии.

Для России же проблема экономико-географической изоляции является более острой, нежели для Китая. Хотя в отличие от той же Центральной Азии, Российская Федерация имеет прямой выход к мировому океану, однако большая часть российского побережья омывается водами северных морей, а доступ РФ к основным мировым морским коммуникациям ограничен. Исключением в данном плане является порт Владивосток, но он, в свою очередь, более чем на 7000 километров удален от главных промышленных центров России, расположенных в европейской части страны.

Более того, для России более существенным является то, что в условиях советской плановой экономики географический фактор по ряду причин стратегического характера нередко игнорировался при принятии принципиальных решений в сфере территориального размещения производственных мощностей и производительных сил. Во многом по этой причине для российской экономики характерны огромные расстояния между крупными экономическими объектами и сильная удаленность большинства промышленных центров РФ даже от морских портов на территории своей же страны.

На этом фоне для государств ЦА проблема экономико-географической изоляции является еще более острой, нежели для России и, тем более, Китая. Именно после распада единого экономического пространства СССР география стала диктовать странам Центральной Азии свои «правила игры», экономически сильно затруднив для них доступ к морским портам и основным рынкам. Например, Узбекистан после обретения независимости оказался одним из двух во всем мире т.н. дважды замкнутых государств (другая страна – Лихтенштейн), которому для выхода к открытому морю необходимо преодолеть границы как минимум двух государств. В свою очередь, Таджикистан стал обладать еще более сложными экономико-географическими условиями, так как большая часть таджикской территории расположена в высокогорной местности, а наиболее эффективное сухопутное транспортное сообщение может развиваться только через тот же т.н. дважды замкнутый Узбекистан.

Хотя ряд граничащих с ЦА внутренних районов КНР и РФ находятся в очень схожих географических условиях, однако экономики Китая и России в отличие от центральноазиатского региона не «раздроблены» на национальные сегменты.

Очень характерно и то, что изоляция Центральной Азии в системе евразийских сухопутных коммуникаций проявляется даже в сфере трубопроводного транспорта, обладающего целым рядом преимуществ перед остальными видами транспорта. Так существующая система трубопроводов в ЦА не может быть задействована для евразийского транзита нефти и газа, хотя географическое положение региона и его достаточно развитая трубопроводная инфраструктура теоретически могли бы позволить это.

Не менее важно и то, что сами государства Центральной Азии не предпринимают согласованных и скоординированных усилий по выходу из экономико-географической изоляции и, более того, в ряде случаев вольно или невольно даже способствуют ее дальнейшей консервации. Так центральноазиатские страны зачастую завышают цену за транспортировку товаров по своей территории, руководствуясь мотивами краткосрочной выгоды, не считаясь при этом с интересами сосе-

дей и партнеров, а также своими долгосрочными интересами. Одновременно сохраняется стремление стран региона к «транспортной независимости» друг от друга. Например, в целях «транспортной безопасности» Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан строят дополнительные внутренние железные и автомобильные дороги, что в итоге ведет к снижению объемов трансграничных перевозок.

В целом же, проблема экономико-географической изоляции ЦА с одной стороны связана с удаленностью региона от евразийских морских коммуникаций. Это обуславливает удорожание грузоперевозок в силу того, что сухопутные перевозки объективно дороже морских. С другой стороны, данная проблема во многом определяется фрагментацией экономического пространства ЦА на национальные сегменты, что как по объективным, так и по субъективным причинам предопределяет замкнутость региона в системе сухопутного транспортного сообщения в Евразии. Все это ведет к существенному удорожанию перевозок.

В результате основные сухопутные коммуникации в Евразии идут в обход Центральной Азии, а сухопутные транспортные артерии на территории региона (в первую очередь железные и автомобильные дороги) в основном используются центральноазиатскими государствами для собственных экспортно-импортных операций, в то время как другие евразийские страны, включая Китай и Россию, в них мало нуждаются.

Проблема № 2: сырьевая ориентация экономик России и стран Центральной Азии

Данная проблема заключается в том, что экономики стран ЦА и РФ неконкурентоспособны и предпосылок к преодолению этого в условиях отсутствия промышленной политики и межгосударственной координации усилий в обозначенном направлении не просматривается. С особой отчетливостью это проявилось именно после распада СССР, а в постсоветский период в значительной степени связано с нежеланием России и государств Центральной Азии использовать в целях своего комплексного развития огромный потенциал факторов структурно-экономического и экономико-географического характера.

При этом в случае Центральной Азии характерно то, что еще в советское время экономическая деятельность в регионе была ориентирована преимущественно на удовлетворение потребностей других советских республик в сырьевых ресурсах и в меньшей степени на выпуск готовой продукции.

В свою очередь, в отличие от центральноазиатских стран, Россия в советское время была ориентирована преимущественно на выпуск готовой продукции. Однако после распада СССР с особой силой высветилась объективная слабость российских производителей, что привело многие перерабатывающие отрасли российской промышленности к таким же последствиям, как и в республиках Центральной Азии. Не в последнюю очередь это связано с тем, что промышленные центры РФ находятся в экономико-географической изоляции и к тому же расположены в крайне неблагоприятной климатической зоне. В силу продолжительной холодной зимы организация любого производства в России, включая добычу сырья, строительство предприятий, эксплуатацию производственных мощностей и инфраструктуры, а также оплату труда обходится значительно дороже, чем во многих других странах.

В условиях крайне слабого применения энергосберегающих технологий в России на единицу ВВП расходуется энергии в 5–6 раз больше, чем в европейских странах и в 12–16 раз больше, чем в США и Японии. Транснациональные корпорации промышленно развитых стран размещают свое производство преимущественно в странах с теплым климатом (например, в том же Китае, где энергоемкость любого производства несопоставимо меньше, нежели в России) и, кроме того, широко используют энергосберегающие технологии.

В результате распада СССР и ликвидации системы управления советской экономикой перерабатывающие отрасли промышленности большинства постсоветских стран практически прекратили функционировать, а «на плаву» остались главным образом сырьевые отрасли (нефтегазовые, горнодобывающие и т.п.). В итоге произошло катастрофическое снижение объемов товарооборота готовой продукции между всеми постсоветскими республиками и, соответственно, общего товарооборота и грузоперевозок в целом.

Более того, в условиях отсутствия промышленной политики Россия и государства региона сами сориентировались преимущественно на экспорт сырьевых ресурсов: нефти, газа, древесины, цветных и черных металлов, текстильного сырья, прочих видов минерального сырья и т.п. Как результат всего этого, объемы торговли и грузоперевозок на постсоветском пространстве до сих пор остаются на крайне низком уровне по сравнению с советским временем.

На этом фоне процесс выработки национальных стратегий промышленного и инновационного развития в РФ и странах ЦА находится или в самой начальной стадии, или данные стратегии уже исчерпали свой потенциал в узких рамках национальных экономик.

В итоге имевшее место после распада СССР резкое ослабление экономического взаимодействия закрепило за экономиками стран Центральной Азии и России сырьевую ориентацию. Дальнейшая ее консервация определяется тем, что в рамках прежних «стратегий» ни РФ, ни тем более странам ЦА, скорее всего, не удастся создать самодостаточных, сбалансированных и конкурентоспособных на мировом рынке экономических систем и наладить новые экономические связи, которые способствовали бы интенсивному развитию именно перерабатывающих и инновационных отраслей промышленности.

В этой связи, очевидно, что проблема сырьевой ориентации не может быть решена в узких национальных рамках. Во многом это связано с тем, что практически все промышленные предприятия РФ и государств ЦА в результате сложившегося еще в советское время разделения труда (и соответственно территориального размещения производительных сил) были и остаются в сильной взаимозависимости (структурной и технологической). Особенно это касается перерабатывающих отраслей промышленности (химической, электронной, машиностроительной, авиационной и т.д.), в большинстве которых производственные процессы не могут осуществляться без тесного, скоординированного взаимодействия. Учитывая то, что данная взаимозависимость до сих пор не преодолена, реабилитация и дальнейшее развитие промышленности России и стран региона, а также их транспортной инфраструктуры неразрывно связаны в первую очередь с процессами реинтеграции на постсоветском пространстве.

Проблема № 3: отсутствие региональной интеграции в Центральной Азии, а также в рамках ЕврАзЭС и ШОС

Данная проблема во многом определяется превалированием у всех без исключения государств ЦА, РФ и КНР краткосрочных узко национальных интересов над видением стратегических перспектив многостороннего сотрудничества.

На первый взгляд может показаться, что интеграцию в значительной степени сдерживает устойчивая тенденция обострения внешней конкуренции за сферы влияния в Центральной Азии и других постсоветских странах. Внешние силы зачастую рассматривают интеграционные инициативы как механизмы проецирования своего влияния. Это выражается в столкновении различных стратегий по так называемому форматированию и переформатированию постсоветского пространства в рамках выгодных институтов, проектов, концепций и схем развития. В случае ЦА в центре данной конкуренции, как правило, находятся вопросы освоения богатой ресурсно-сырьевой базы региона и контроля направлений транспортировки сырьевых ресурсов на внешние рынки. В этой связи показательно, что в постсоветский период международное сотрудничество в сфере освоения нефтегазового потенциала Центральной Азии, реконструкции старых и строительства новых трубопроводов развивается наиболее успешно.

Однако главная причина отсутствия интеграции в Центральной Азии связана все же с неготовностью бывших советских республик признать важность наднациональных структур. Обостренное ощущение национального суверенитета во многом препятствует видению многостороннего сотрудничества как ситуации, выигрышной для всех сторон. При этом сами постсоветские страны действуют разрозненно, пытаются проводить активную политику балансирования между основными мировыми и региональными центрами силы.

В свою очередь, региональной интеграции в более широком контексте препятствует то, что Россия и Китай – естественные лидеры наиболее действенных сегодня на постсоветском пространстве интеграционных институтов: ЕврАзЭС и ШОС – уделяют мало внимания

реальному экономическому укреплению данных организаций. В настоящее время сотрудничество КНР и РФ с теми же странами ЦА осуществляется преимущественно на двусторонней основе, сфокусировано во многом на нефтегазовой сфере и обслуживающем ее трубопроводном транспорте.

Более того, в рамках ЕврАзЭС и ШОС отсутствует какая-либо стратегия или даже программа действий в плане продвижения экономической интеграции на многосторонней и взаимовыгодной основе. Так в рамках ЕврАзЭС Россия, являясь единственным естественным лидером Сообщества, пока не может предложить привлекательный интеграционный проект, который опирался бы на фундамент эффективного развития многосторонних взаимовыгодных экономических отношений. Как представляется, основная причина этого – отсутствие в России (и тем более в остальных странах-членах ЕврАзЭС) глубоких и системных научно-исследовательских и аналитических работ в данном плане. На современном этапе Россия по-прежнему делает главную ставку на развитие военного сотрудничества и взаимодействия по вопросам безопасности со странами-членами ЕврАзЭС, игнорируя при этом важность развития многосторонних экономических отношений. В результате ЕврАзЭС так и не стало экономическим сообществом, все более превращаясь в формальную организацию.

Практически аналогичные тенденции отмечаются и в рамках ШОС. Очевидно, что реальное укрепление данной Организации в качестве экономического блока возможно только при условии динамичного развития полноценных экономических отношений между флагманами ШОС: Россией и Китаем, – чего пока не просматривается. В настоящее время в российско-китайских отношениях превалирует абстрактный и во многом показной процесс «политического сближения», который в итоге никого ни к чему в принципе и не обязывает.

Более того, до сих пор отсутствует долгосрочная стратегическая программа развития российско-китайского экономического сотрудничества. Выработка данной стратегии реальна только при наличии общности долгосрочных политических, экономических и иных интересов, целей, задач и принципов, которые должны стать основой формирова-

ния устойчивых партнерских отношений между РФ и КНР, чего пока тоже не просматривается.

В итоге же, все инициативы по вопросам реабилитации и развития единого экономического пространства как в ЦА, так и в рамках интеграционных институтов: ЕврАзЭС и ШОС, – пока остаются малорезультативными и идут в основном в русле политико-пропагандистской риторики.

Выводы

Наряду с объективными возможностями для плодотворного сотрудничества между КНР и странами ЦА, существуют проблемы, которые во многом обусловлены тем, что стратегические направления экономического развития, с одной стороны, Китая, а с другой – государств Центральной Азии и их естественного союзника России принципиально отличаются друг от друга.

Если стратегия экономического развития Китая ориентирована на полноценное и комплексное развитие страны, в первую очередь, перерабатывающих отраслей национальной промышленности и выпуск наукоемкой продукции с высокой нормой добавочной стоимости, то современная экономическая стратегия России и ряда государств Центральной Азии, ориентирована преимущественно на увеличение объемов добычи и экспорта сырьевых ресурсов, а также диверсификацию направлений их поставок на внешние рынки. Например, в РФ и отдельных государствах ЦА (в основном это касается Казахстана и Туркменистана) в ранг национального приоритета возведена задача становления в качестве ведущих мировых поставщиков сырьевых ресурсов (в первую очередь нефти и газа).

Подобная асимметричность стратегий предопределяет принципиальное различие целей и задач, которыми руководствуются с одной стороны, Китай, а с другой – государства Центральной Азии и Россия в процессе экономического взаимодействия. В результате получается, что нынешний формат экономического сотрудничества Китая со странами Центральной Азии и Россией, нацеленный на увеличение объемов добычи и вывоза в КНР сырьевых ресурсов, вполне укладывается в

«стратегии экономического развития» РФ, государств ЦА и соответствует экономическим интересам КНР. Значение Китая для государств Центральной Азии и России вполне укладывается в рамки роли «одного из многих покупателей промышленного сырья», а также «одного из кредиторов/инвесторов в проекты по добыче данного сырья». В свою очередь, значение РФ и стран ЦА для КНР не выходит за рамки роли «одних из многих продавцов промышленного сырья».

Суммарный эффект всего этого препятствует не только центральноазиатско-китайскому и российско-китайскому сближению, но и создает почву для возникновения конфликта интересов ЦА, РФ с одной стороны, и КНР – с другой, существенно сужает диапазон стратегических возможностей Китая, России и стран Центральной Азии, усиливает вероятность реализации неблагоприятных для них сценариев.

Заключение

По истечении первого десятилетия XXI века у Китая и государств Центральной Азии нет полноценных экономических отношений, которые предполагали бы глубокую взаимовыгодную кооперацию, а экономическое проникновение КНР в ЦА носит неоднозначный характер с точки зрения долгосрочных интересов государств региона.

С одной стороны, китайские финансовые ресурсы – серьезное экономическое «подспорье» для центральноазиатских стран, а в случае Таджикистана и Туркменистана – даже ключевой фактор экономической безопасности. С другой стороны, экономическая деятельность Китая и китайских компаний в Центральной Азии пока не способствует полноценному промышленному и инновационному развитию стран региона, превращая их лишь в сырьевые придатки китайской экономики.

Дальнейший характер развития экономических отношений КНР с государствами ЦА во многом предопределится ими самими, а также политикой РФ. Причем, основные тенденции развития Китая, Центральной Азии и России, как и постсоветского пространства в целом будут идти в фарватере глобального процесса, процесса формирования новой системы международных экономических отношений. Одним из его главных проявлений будет оставаться фактор обостряющейся конкуренции за контроль над мировыми ресурсами. Объектами данной конкуренции будут выступать неустойчивые к внешнему воздействию страны, которые не сумели сформировать эффективного регионального экономического блока (или присоединиться к уже существующему) и/или не смогли занять достойную нишу в глобальной экономике.

Во-первых, китайский фактор очень скоро станет жизненно важным и для ЦА, и для РФ. Усиление экономического присутствия КНР будет продолжать идти во многом за счет увеличения объемов поставок готовой продукции и вывоза сырьевых ресурсов, финансового и политического сопровождения данных усилий. Отдельным направлением усиления влияния Китая будет развитие трубопроводных проектов. По мере сооружения системы нефте- и газопроводов в КНР, масштабы экономического присутствия Китая в Центральной Азии и России будут только расти.

Во-вторых, дальнейшая консервация сырьевой ориентации экономик государств ЦА и РФ будет вести к деградации и отмиранию перерабатывающих отраслей промышленности. Это, в свою очередь, будет снижать шансы этих стран на преодоление фрагментации ранее единого экономического пространства. Известно, что у государств, занимающихся преимущественно экспортом сырьевых ресурсов, объективно мало стимулов для форсирования интеграционных процессов. В этих условиях ЕврАзЭС грозит перспектива стать своего рода правопреемницей СНГ по обеспечению заключительной стадии «цивилизованного развода», а также статистом «умирания интеграции на постсоветском пространстве». В свою очередь, за ШОС, скорее всего, закрепится роль одного из инструментов по продвижению экономических интересов Китая в Центральной Азии и России.

В-третьих, неоднозначен ответ и такой вопрос – насколько вероятно сотрудничество или, напротив, соперничество Китая и России, в том числе в Центральной Азии? Хотя в настоящее время наблюдается явное политическое сближение РФ и КНР, вероятность столкновения интересов двух держав представляется не такой уж и малой. При этом необходимо учитывать тот факт, что российско-китайские отношения имеют сложное и неоднозначное историческое наследие: этапы сближения чередовались с этапами резкого охлаждения (если не обострения) двусторонних отношений. Более того, Китай и Россия в перспективе будут еще более остро нуждаться в центральноазиатских ресурсах, в первую очередь, в энергоносителях и цветных металлах, чем особенно богата все та же Центральная Азия.

В этой связи нельзя исключить возможность реализации сценария возобладания в России и/или Китае узконациональных интересов, а также сценария того, что какая-либо из двух держав будет стремиться вовлечь регион в орбиту своего единоличного влияния. В случае же соперничества между РФ и КНР за влияние в ЦА может быть поставлена под угрозу стабильность в регионе. Это, в свою очередь, крайне негативно повлияет на безопасность самих России и Китая. Очевидно, что в этих условиях перспективы развития самой Центральной Азии будут крайне пессимистичны.

Основные рекомендации

Как представляется, дальнейшее увеличение масштабов экономического присутствия Китая в Центральной Азии напрямую затронет жизненно важные экономические интересы Российской Федерации. Дело в том, что за более чем 100-летний период пребывания России и Центральной Азии в рамках единых государств (Российской империи и СССР) между ними сформировалась жесткая экономическая взаимозависимость, которая за постсоветский период ослабла лишь в незначительной степени. В этой связи рекомендации по выводу экономических отношений КНР со странами ЦА на качественно более высокий уровень следует рассматривать в тесной взаимозависимости с интересами и политикой РФ.

Тем более, что, несмотря на сохраняющийся комплекс сложнейших проблем на пути развития взаимовыгодного экономического сотрудничества между Россией, Китаем и странами Центральной Азии и очевидную пессимистичность связанных с этим основных сценариев, потенциал именно этого сотрудничества все же значителен как в рамках ЕврАзЭС, так и в рамках ШОС. Залогом этого является то, что только у РФ, КНР и стран ЦА объективно есть общий долгосрочный интерес – совместное экономическое освоение и развитие огромного внутриконтинентального пространства Евразии. Конечно, безусловными лидерами в реализации вышеуказанной грандиозной задачи могут быть Китай и Россия, однако, и роль Центральной Азии представляется тоже очень важной.

Непосредственно прилегающий к российским и китайским границам центральноазиатский регион способен кардинально усилить экономический потенциал и России, и Китая, придать мощный импульс их развитию, стать важным фактором в укреплении российско-китайского стратегического партнерства. Прежде всего, это связано (1) с огромными и разнообразными сырьевыми ресурсами Центральной Азии, (2) достаточно благоприятными природно-климатическими условиями для их освоения и организации на этой базе промышленного производства,

(3) наличием развитой (еще в советское время) транспортной инфраструктуры и, соответственно, уникальных транзитных возможностей.

Однако, только при наличии политической воли осознать главенство приоритета совместного экономического освоения внутренних пространств Евразии над всеми остальными приоритетами, возможно обеспечение прорыва в комплексном экономическом развитии Центральной Азии, внутриконтинентальных территорий Китая и России. Поэтому очевидно, что именно на основе понимания этого, можно будет говорить о налаживании механизмов комплексного и взаимовыгодного многостороннего сотрудничества в системе «Россия – Китай – Центральная Азия», а на институциональном уровне – внутри и между ЕврАзЭС и ШОС.

(1) Необходима существенная активизация и принципиальное усиление координации деятельности внутри и между ЕврАзЭС и ШОС, у которых есть шансы превратиться в эффективные экономические блоки. Однако для этого на начальном этапе крайне важно существенно снизить появившуюся в результате распада СССР фрагментацию экономического пространства «Россия – Центральная Азия» и преодолеть сырьевую ориентацию экономик стран региона и России. Очевидно, что основная нагрузка по решению данной задачи должна лечь на ЕврАзЭС. При этом, на начальном этапе роль ШОС должна сводиться к обеспечению политической поддержки Китаем интеграционных процессов внутри ЕврАзЭС. Как представляется, данная поддержка будет иметь важное значение для стран-членов ЕврАзЭС особенно в плане противодействия вероятному давлению Запада, так как можно с уверенностью сказать, что многие западные страны крайне негативно воспримут процесс экономической ре-интеграции на постсоветском пространстве.

(2) Для того чтобы ЕврАзЭС и ШОС не были бы дублирующими проектами, на начальном этапе целесообразно форсирование полномасштабной экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС, а на последующем этапе – интеграции в рамках ШОС. В итоге, это и должно обеспечить последовательность и синхронность усилий в рамках ЕврАзЭС и ШОС в достижении системного прорыва в комплексном

экономическом развитии внутренних пространств Евразии. При этом на начальном этапе Китай может сыграть решающую роль в налаживании и развитии многостороннего сотрудничества в инновационной сфере в рамках ШОС: координации совместных усилий стран-членов в плане производства интеллектуальной продукции (перспективные идеи, научные открытия, технологические разработки и т.п.) в различных сферах деятельности.

(3) Залогом обеспечения плодотворного многостороннего сотрудничества на всех этапах экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС и ШОС может стать консолидация интеллектуального капитала стран-членов ЕврАзЭС и ШОС путем интенсификации обмена ценной информацией научного, технологического, экономического и, безусловно, аналитического характера.

В целом, осуществление поэтапной экономической интеграции в рамках ЕврАзЭС и ШОС в долгосрочной перспективе могло бы привести к формированию мощного экономического блока, включающего Россию, Китай и страны Центральной Азии. Со временем к данному блоку могли бы присоединиться ряд других постсоветских государств и других стран Евразии.

* * *

Не будет преувеличением сказать, что экономическое освоение внутриконтинентальной Евразии – это не только залог долгосрочных и взаимовыгодных экономических отношений Китая со странами Центральной Азии и Россией, но и важное условие процветания всех этих стран.

Во-первых, очевидно, что для решения данной задачи необходимо объединение усилий в рамках реального стратегического союза и мощного межгосударственного экономического блока, тем более, что институциональная основа для этого уже имеется (ЕврАзЭС и ШОС). Сегодня Пекин самостоятельно начинает осваивать внутреннюю Евразию. Тем не менее, представляется, что даже Китаю, несмотря на его экономическую мощь, в одиночку вряд ли будет под силу решение указанной задачи.

Важным стимулом процессу по консолидации усилий КНР, РФ и стран ЦА в плане совместного освоения внутренней Евразии могло бы стать развитие российско-китайского стратегического партнерства – реального, а не декларативного. В случае, если Россия при поддержке Китая начнет укреплять ЕврАзЭС, а затем совместно развивать ШОС как экономический блок, то страны Центральной Азии, безусловно, присоединятся к этому, так как экономические выгоды для них будут очевидны.

Во-вторых, не менее очевидно и то, что реализация всех этих планов будет существенно затруднена в условиях проводимого Россией во многом западно-центричного внешнего курса, в рамках которого практически не уделяется достаточного внимания восточному, «азиатскому», направлению. Хочется надеяться, что почти 20 лет безуспешных попыток «интеграции в западном направлении», а также набирающий обороты мировой кризис все же внесут серьезные коррективы в российскую внешнюю стратегию уже в самое ближайшее время. «Союз с Западом» не обещает России ничего большего, кроме статуса «сырьевого придатка» и имиджа «политического вассала». Следовательно, сама история ставит Россию перед необходимостью «вернуться на Восток», т.е., опираясь на огромные ресурсы внутренней Евразии и пока еще сохраняющийся собственный научно-технический потенциал, в стратегическом партнерстве с Китаем и странами центральноазиатского региона возродить свою былую экономическую и в целом государственную мощь.

В-третьих, представляется очевидным и то, что помимо внешнеполитического «поворота на Восток» России и странам Центральной Азии предстоит в корне пересмотреть свои экономические стратегии, ориентируя их на комплексное развитие всех (а не только сырьевых, как сегодня) отраслей промышленности. Причем приоритетом должно стать создание собственных высокотехнологичных производств и выпуск наукоемкой продукции. Другими словами, Россия и Центральная Азия должны ориентировать свои стратегии экономического развития на те же самые цели, на которые ориентирована и стратегия Китая.

Принципиально важно и то, что «переориентировать» всю стратегию своего экономического развития Россия должна, действуя «рука об руку» со своими партнерами из Центральной Азии, помогая и им решать аналогичную задачу. Прежде чем выстраивать взаимовыгодные и долгосрочные отношения с КНР, РФ и странам ЦА необходимо возродить свою экономическую мощь и научно-технический потенциал. Непременным условием этого является экономическая реинтеграция на постсоветском пространстве или хотя бы в системе стран «Россия – Центральная Азия».

В итоге, если РФ и страны ЦА не откажутся от своих экспортно-сырьевых «стратегий» и не встанут на путь инновационно-промышленного развития в рамках единого экономического блока, то политический «поворот на Восток» для России и государств региона сам по себе не решит никаких проблем, в том числе в сфере экономического взаимодействия с Китаем. Единственным качественным изменением будет превращение бывших советских республик из «сырьевого придатка» Запада еще и в «сырьевой придаток» Востока.

Однако, если стратегии экономического развития Китая, России и стран Центральной Азии будут одинаково нацелены на комплексное, инновационно-промышленное развитие, то в этом случае налаживание взаимовыгодных российско-центральноазиатско-китайских отношений, подчиненных общей цели: экономическому освоению внутренних пространств Евразии, вполне реально.

Более того, достижение вышеуказанной цели является необходимым и в плане решения многочисленных социально-экономических проблем и обеспечения гарантий безопасности в центре Евразии, без чего динамичное, долгосрочное и комплексное экономическое развитие РФ, КНР и стран ЦА не возможно. Поэтому экономическая интеграция между Россией, Китаем и Центральной Азией должна стать не просто модным политическим лозунгом, но и магистральным смыслом развития, главным направлением политики России и всех тех стран региона, которые все же заинтересованы в объединении усилий для преодоления системного кризиса, связанного как с распадом СССР, так и усиливающейся глобальной экономической нестабильностью.

Только тогда Россия и страны Центральной Азии успеют вскочить в набирающий обороты «китайский экономический экспресс», став реальными партнерами Китая, и только тогда «китайский экономический экспресс» будет нести мир, стабильность и процветание Евразии.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ПАРАМОНОВ Владимир Владимирович родился в Москве, окончил Свердловское суворовское военное училище, Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище, одну из российских академий. Ранее работал в качестве научного, старшего научного сотрудника, заведующего сектором «США и Европа» Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, руководителя Центра системных исследований, лектора Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, главного научного сотрудника / координатора исследований Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Геостратегия США в Центральной Азии». Проходил научно-исследовательские стажировки в ряде зарубежных университетов, в том числе Университете Джорджии (США), Университете Джонса Хопкинса (США), Университете Вулверхемптона (Великобритания), Университете Оксфорда (Великобритания), Университете Лондона (Великобритания). Автор и соавтор более 100 публикаций по вопросам стратегии США, РФ и КНР в Центральной Азии (аспекты внешней политики, экономики, безопасности, энергетики, институционального сотрудничества), российско-китайских отношений, а также информационно-аналитической работы.

СТРОКОВ Алексей Владимирович родился в Ташкенте, окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. Работал научным сотрудником Государственного института органической химии и технологии (Саратовская область, Россия), научным, старшим и ведущим научным сотрудником Института химии и физики полимеров Академии наук Республики Узбекистан, аналитиком в системе Вооруженных сил Республики Узбекистан, аналитиком Центра системных исследований, лектором Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан. Привлекался в качестве эксперта к проектам ПРООН (Узбекистан) и Центра экономических исследований при службе государственного советника Президента Республики Узбекистан по вопросам социально-экономической политики. Защитил кандидатскую диссертацию в области химии. Автор и соавтор более 50 публикаций по вопросам стратегии РФ и КНР в Центральной Азии, российско-китайских отношений.

СТОЛПОВСКИЙ Олег Анатольевич родился в Ташкенте, окончил Череповецкое высшее военное училище радиоэлектроники, Ташкентский государственный институт иностранных языков. Служил на различных аналитических и руководящих должностях в ВС СССР, после 1991 года – Министерстве обороны Республики Узбекистан, полковник запаса. Работал в Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан в качестве заведующего кафедрой «Проблемы безопасности». Автор и соавтор более 30 публикаций по вопросам региональной безопасности, Афганистану, политики РФ и КНР в Центральной Азии.

Владимир Парамонов,
Алексей Строков и Олег Столповский

**КИТАЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЭКСПРЕСС В ЦЕНТРЕ ЕВРАЗИИ: НОВАЯ
УГРОЗА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАНС?**

**Экономическое присутствие Китая
в Центральной Азии**

Подписано в печать 26.11.09 г. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Тираж . Заказ .

Отпечатано в ОАО «Алтайский полиграфический комбинат»
656023, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Г. Титова, 3. Тел. (3852) 33-49-61.